

В І С Н И К
ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ
ім. В.Н. Каразіна

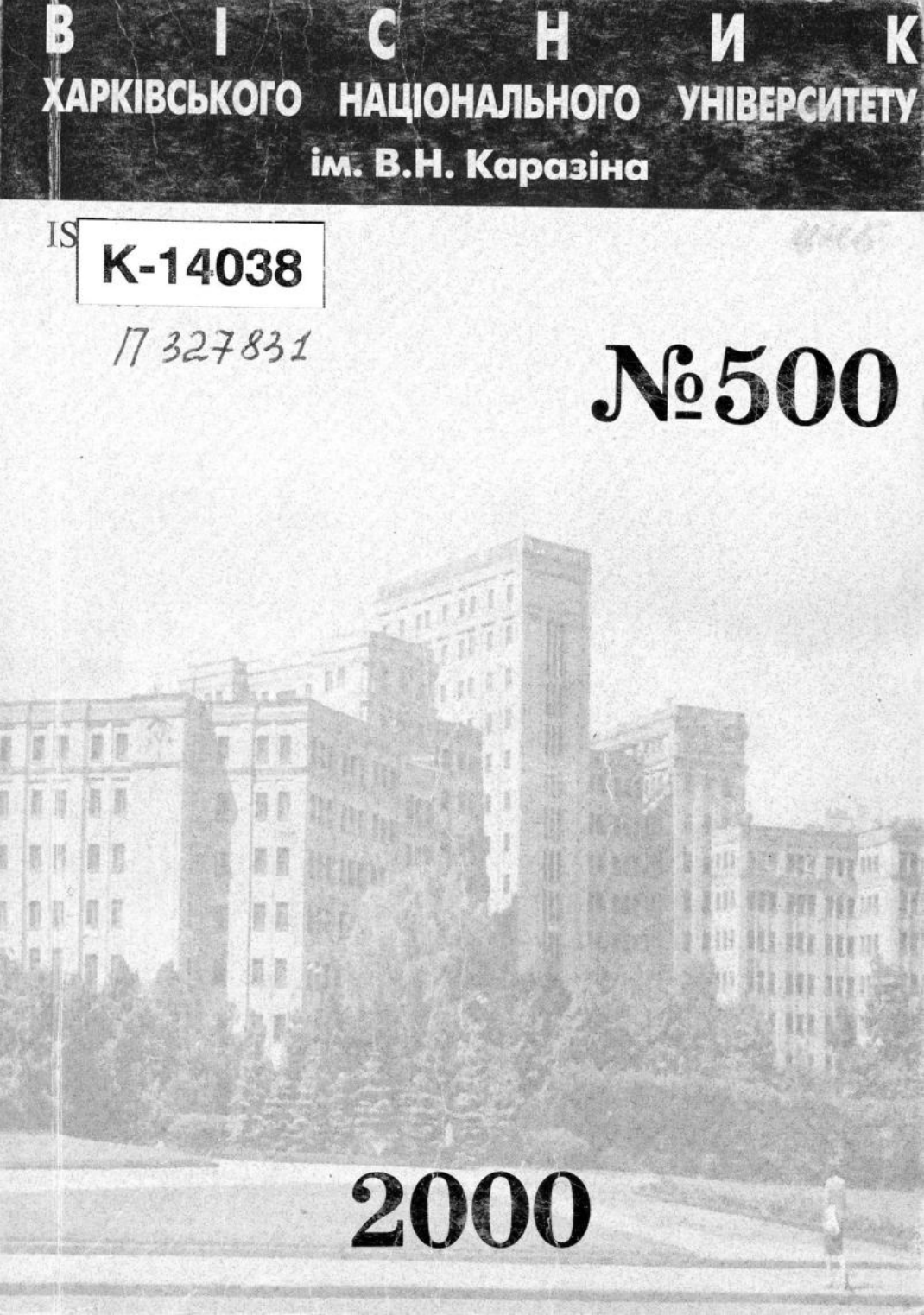
IS

K-14038

17 327831

№500

2000

20-00

V.N. Karazin Kharkiv National University

00289074

2

ВІСНИК ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ ім. В.Н. КАРАЗІНА

ISSN 0453-8048

МІНІСТЕРСТВО ОСВІТИ І НАУКИ УКРАЇНИ

**В І С Н И К
ХАРКІВСЬКОГО
НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ**

№ 500

**Харків
КОНСТАНТА
2000**

Редакційна колегія:

Головний редактор

І.С.Шевченко (докт.філол.наук)

В.О.Дмитренко (канд.філол.наук)

А.Г.Дородних (докт.філол.наук)

В.І.Говердовський (докт.філол.наук)

В.І.Каравашкін (канд.філол.наук),

В.Г.Пасинок (канд.пед.наук),

Л.В.Солощук (канд.філол.наук)

Н.І.Сукаленко (докт.філол.наук)

О.В.Тарасова (докт.філол.наук)

В.О.Ужик (канд.філол.наук)

Л.М.Черноватий (докт.пед.наук)

С.О.Швачко (докт.філол.наук)

Ю.В.Матюхіна (секретар)

У статтях цього вісника розглянуто проблеми когнітивної лінгвістики, прагматики, структури мови, лексики, міжособової та міжкультурної комунікації, лінгвістики тексту, перекладознавства, методів викладання іноземних мов.

Для лінгвістів, викладачів, студентів старших курсів, аспірантів та пошукачів.

Адреса

редакційної колегії: Україна, 61007, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет,
факультет іноземних мов.
Тел.: (0572) 45-75-04.

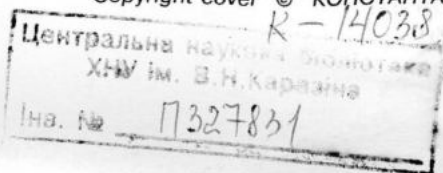
Друкується за рішенням Вченої ради Харківського національного університету. Протокол № 9 від 24 листопада 2000 р.

Свідectво про держреєстрацію KB № 4063 від 02.03.2000

Copyright © Харківський національний університет, 2000

Copyright design © "КОНСТАНТА" 2000

Copyright cover © "КОНСТАНТА" 2000

ПРАГМАЛІНГВІСТИКА КОГНІТИВНА ЛІНГВІСТИКА

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Тарасова Е.В., докт. филол. наук (Харьков)

*Самое прекрасное, что есть в жизни –
это раскрывать для всеобщего
обозрения взаимосвязи.*

А. Эйнштейн

В 80-е годы мировая наука приблизилась к открытию законов, действие которых обеспечивает целостность развивающихся природных и общественных явлений. Об этом свидетельствует создание синергетических теорий самоорганизации сложных систем (25, 7, 1, 3, 4, 11 и др.). Фундамент синергетики был заложен, когда специалистами в самых различных областях знания были обнаружены общие детерминанты природных и социальных процессов. Синергетика - это не новая наука, но новое объединяющее направление в науке, цель которого - выявление общих идей, методов и закономерностей в самых разных областях точных, естественных и гуманитарных наук. Для нахождения же общих принципов, управляющих миром, необходимо кооперирование многих различных дисциплин, поэтому синергетика с самого начала возникла именно как междисциплинарное направление. Ведь чтобы познать сложное явление, необходимо проанализировать его с самых разных сторон, т.е. преодолеть "сверхспециализацию", отказаться от десятилетиями господствовавшего в научном мышлении редукционистского подхода, заменив его подходом холистским. Последний и является по существу синергетическим. Основанный на идеях целостности мира и научного знания о нем, такой подход неизбежно влечет за собой "взаимное оплодотворение идей" (cross-fertilization of ideas - 25).

Яркое тому подтверждение - перемены, происходящие в последние десятилетия в науке о языке, где интегрирующее влияние синергетической идеологии находит выражение в бурном развитии так называемых "зонтичных" направлений (umbrella disciplines) - таких как психо-, социо-, прагма- и этнолингвистика, когнитология, антропологическая лингвистика, герменевтика, этнография речи. Мощный объединяющий импульс позволяет этим различным, но во многом пересекающимся поддисциплинам "про-

фильтровать” свои ключевые концепты под единым углом зрения, “важно обогащая и дополняя свои достижения и исследовательский аппарат, осуществляя тем самым междисциплинарный, интегрированный подход к изучению и описанию языка и речи.

В основе синергетической парадигмы - общая теория систем, родоначальником которой считается Берталанфи (14), выражающая суть природных и социальных явлений - кооперативность действий изолированных объектов, спонтанно организующихся в структуру некоторой системы, которая в свою очередь функционирует в определенной среде. Основные принципы синергетического стиля научного мышления можно предельно кратко свести к следующим: открытые, нелинейные системы, самоорганизация, взаимодействие системы и среды (10)

Идеи самоорганизации как нового типа научной рациональности прочно связываются в современной научной методологии с теорией диссипативных систем И.Р.Пригожина (6). Само понятие диссипативной системы отражает именно устойчивые результаты самоорганизации, которую В.Г.Пушкин (7:145) коротко определяет так: “самоорганизация - это система в действии”, а Р.Е. Абрамова (1:36) понимает как “...способность системы к стабилизации некоторых параметров посредством направленной упорядоченности ее структуры и функциональных отношений с целью противостоять энтропийным факторам среды”.

С точки зрения изучения коммуникации синергетическая идея диссипативных систем требует прямого обращения к основаниям мышления и языка, осмысления конкретных механизмов самоорганизации в конкретных процессах развития языковых и речевых систем. Поэтому такие понятия синергетики, как “адаптация”, “саморегуляция”, “внутренняя активность”, “энтропия”, “информация” и др. становятся все более важными факторами, характеризующими природу и способ существования коммуникативных единиц, каждую из которых можно рассматривать как средство, способ или инструмент, посредством которого индивиды приспосабливаются к окружающей среде, взаимодействуют с ней, обмениваясь с ней информацией.

В отечественном языкознании первыми, кто заявил о необходимости осмысления речевой коммуникации в системно-интегративном синергетическом аспекте, стали Леонтьев (5), Степанов (9), Сидоров (8), которые первыми сформулировали новые исследовательские установки, в соответствии с которыми речевая деятельность исследуется как “деятельностная система”, подчеркивается, что как структура социального взаимодействия акт речевой коммуникации представляет собой “целостную совокупность отношений воздействий-взаимодействий комплексов” (8 : 14).

В соответствии с универсальной синергетической теорией конвергенции живых, социально организованных и созданных человеком искусственных кибернетических объектов говорящего индивида также представляется возможным рассматривать как сложную подвижную незамкнутую диссипативную самоорганизующуюся систему, связанную многообразными отношениями с окружающей средой, которая, собственно, и служит источником мотивации его речевых поступков. Подобно всякой другой открытой системе, коммуникант получает извне импульсы - положительные и отрицательные, критически оценивает результаты своих речевых ходов и реагирует целенаправленными речевыми действиями, отбирая из своего коммуниктивного репертуара (вербального и невербального) те из них, которые, как подсказывает ему прошлый коммуникативный опыт, с наибольшей вероятностью принесут ему ожидаемые результаты. Если цель не достигнута, то коммуникативная система (говорящий) реагирует на это либо изменением цели высказывания, либо изменением стратегий и тактик ее достижения.

Каждый коммуникант имеет в своем распоряжении набор опций - кодов, стилей и регистров, синонимов, из которых он отбирает те или иные средства, движимый механизмом самокоррекции (самоконтроля), проявляющимся среди прочего в явлении **митигации**. Впервые упомянутый в *Rhetorica ad Herennium* (86-82 гг. до н.э.), феномен митигации превратился сегодня в один из наиболее усердно изучаемых в лингвопрагматике (22, 13, 17, 21 и др.). Термин "митигация" (англ. *mitigation*, *downgrading*, нем. *Abschwachung*) обозначает широкий спектр обусловленных метапрагматическими стимулами коммуникативных стратегий, позволяющих говорящему повысить эффективность своих речевых действий. Митигация является одной из форм управления дискурсом (*discourse management*) и отражает стремление говорящего снизить риск "потери лица" в случаях отказа, несогласия, возражения или других ликопонижающих речевых актов. Исследователи определяют данное явление как "результат ослабления одного из параметров речевого взаимодействия" (17 : 882 пер. мой - Е.Т.) и рассматривают его как коммуникативный механизм, противоположный процессу усиления/интенсификации речи (*speech reinforcement*), отмечая при этом, что во всех известных языках стратегии митигации количественно преобладают над средствами коммуникативного усиления (*speech aggravators*).

Среди разнообразных функций, выполняемых митигацией в дискурсе, основными признаются две: 1)обеспечение успешности речевого взаимодействия - инструментальная функция и 2)регулирование эмоциональной дистанции и создание психологического комфорта в общении - эмотивная функция (17 : 883). Митигация представляет собой, таким обра-

зом, комплексный социопсихолингвистический феномен, повышенное внимание к которому со стороны языковедов во многом объясняется тем, что он предполагает вовлечение в орбиту исследования социально-психологических и эмотивных измерений речи, которым до недавнего времени не уделялось в лингвистике должного внимания.

Митигация выступает характерным, но отнюдь не единственным проявлением говорящими свойства коммуникативной самоорганизации, свойства, выступающего объектом рассмотрения известной **теории речевого приспособления/аккомодации (ТПП/А) (speech accomodation theory - SAT)**. Последняя является показательным примером применения синергетической методологии к анализу стимулов, управляющих коммуникативными процессами, и по замыслу ее создателей (23, 24, 25, 28, 16, 18) ставит своей целью "выявлять используемые говорящими в различных ситуациях стратегии кодирования и интерпретации сообщений и *исследовать их взаимосвязь*" (18 : 5, пер. и курсив мой - Е.Т).

ТПП - это теория **социопсихолингвистического взаимодействия**, моделирующая и прогнозирующая сценарии коммуникативного поведения индивидов. Согласно этой теории, участвуя в речевой деятельности, говорящий сознательно или бессознательно "приспосабливается" к своему партнеру по коммуникации, "настраиваясь" на его речевые особенности, которые говорящий либо априорно приписывают партнеру в соответствии со сложившимися у него стереотипами, либо наблюдает и имитирует в процессе общения. Стратегии "настройки" (attuning strategies) подразделяются на три категории.

Стратегии речевой конвергенции/слияния (speech convergence strategies), используемые коммуникантами для максимального уподобления своей речи речи партнера и варьируемые в широком и разноуровневом диапазоне по таким параметрам, как высота тона, длина и фонетическая сегментация высказываний, диалектные признаки, темп речи и паузация, лексические единицы, синтаксические модели и т.д.

Стратегии речевой дивергенции/размежевания (speech divergence strategies), используемые с целью подчеркнуть различия в коммуникативном поведении партнеров.

Стратегии поддержания коммуникативного равновесия (speech maintenance strategies), демонстрирующие, что говорящий по тем или иным причинам не считает нужным изменять своим речевым привычкам в данной ситуации.

Поскольку степень адаптации говорящим своей речи (как по линии конвергенции, так и дивергенции) может быть различной и колебаться от заимствования одной-двух речевых характеристик до полного перехо-

да на “коммуникативную волну” партнера, стратегии всех трех перечисленных типов называются также “стратегиями сближения” (approximation strategies). Среди них в особую категорию выделяются так называемые “стратегии речевой комплементарности/взаимного дополнения” (speech complementarity strategies). Последние представляют собой речевые модификации, к которым говорящий прибегает с целью подчеркнуть ценностные ролевые различия, существующие между коммуникантами. Так, юноши иногда стараются говорить более низким “мужественным” голосом в присутствии собеседниц-женщин.

Что касается коммуникативного эффекта, производимого стратегиями сближения, то исследования в области ТРП показывают, что их использование способствует созданию психологического комфорта, соблюдению оптимальных в данной ситуации социолингвистических норм и дистанции между коммуникантами, а потому обычно оценивается реципиентами положительно. Дивергентное же речевое поведение и “поддержание коммуникативного равновесия” - напротив, вызывают негативную реакцию и приводят к психологической диссоциации коммуникантов.

Современные исследования свидетельствуют о том, что ТРП уже прошла стадию “эмбрионального развития” и превратилась в надежную научную методологию, объясняющую механизмы межличностного, межгруппового и социального взаимодействия. Яркое тому доказательство - программная работа Coupland, Coupland, Giles и Henwood (18), в которой на основе данной теории проанализированы стратегии “настройки”, используемые более молодыми англоязычными коммуникантами в ситуациях общения с престарелыми (young-to-old strategies), и те “защитные механизмы” (self-defence mechanisms), к которым прибегают в своей речи пожилые люди, утверждая свое “коммуникативное равноправие”. Анализируя речевое поведение коммуникантов в “разнопоколенных” (intergenerational) контекстах, авторы по сути моделируют коммуникативные субкультуры young-to-old и old-to-young (elderspeak) как две самонастраивающиеся подсистемы, “вынужденные” адаптироваться друг к другу при взаимодействии. Такой синергетический подход позволяет вскрыть некоторые важные причины межличностного, межгруппового и меж(суб)культурного непонимания, каковыми могут выступать, в частности, явления “чрезмерного приспособления” (overaccommodation), “недостаточного приспособления” (underaccommodation) или “контр-приспособления” (contra-accommodation).

В синергетических терминах ТРП удовлетворительное объяснение получает и такое активно обсуждаемое сегодня коммуникативное явление, как “переключение кодов (ПК)” (codeswitching - 20, 19, 26, 12, 2 и др.).

Уместно привести в качестве примера процесс овладения языком ребенком, который можно представить как результат взаимодействия двух самоорганизующихся коммуникативных (под)систем: взрослого и ребенка. Исследователи (15, 21, 26, и др.) показывают, что взрослые регулярно "переключают коды" в общении с детьми. В результате возникает особая коммуникативная подсистема, называемая *baby-talk register* (21) - "беби-речь". Выделяется и такая особая ее разновидность как *motherese* - "материнская речь" ввиду особой роли матери в жизни и социализации ребенка. Отличительными особенностями обеих считаются высокий тон, преувеличенно замедленный темп, особый детский лексикон, обилие уменьшительно-ласкательных форм, повторов, простых предложений, вопросительных конструкций, ориентация на настоящий момент (*talk about "here-and-now"*). Поскольку взрослые при общении с детьми адаптируют свою речь к когнитивным и языковым возможностям ребенка, отличительной характеристикой "беби-речи" является упрощенность (*simplification*) как результат "стратегии снисхождения" (*self-lowering strategy*). По мере того, как ребенок социализируется и становится более компетентным коммуникантом, использование беби-речи сокращается и постепенно сходит на нет.

Существенную роль играет ПК и в процессе овладения иностранным языком, который "требует перехода от правил образования и употребления одних типов знаков к другим" (2).

Исследователи справедливо усматривают особую теоретико-методологическую значимость ТРП в ее междисциплинарности. Именно синергетическая основа - интеграция социальных, культурных и дискурсивно-прагматических измерений речи определяет ее преимущество по сравнению с другими современными дескриптивными схемами социального взаимодействия, например, с несколько идеализированной теорией кооперации Грайса, хотя бы потому, что ТРП утверждает потенциальную вариативность "внутри" каждой из известных грайсовых максим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова Н.Т. Целостность управления. - М., 1974.
2. Эйгер Г.В. Переключение кодов // "Вестник международного Славянского университета", сер. "Филология". - №4. - 2000.
3. Добронравова И.С. Синергетика: становление нелинейного мышления. - Киев: Либидь, 1990.
4. Климонтович Ю.Л. Проблемы статической теории самоорганизации синергетики // Философское об-во АН СССР, сер. 2. - М., 1987.
5. Леонтьев А.Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. - М., 1974.
6. Пригожин И.Г. Природа, общество и новая рациональность. В поисках нового миропонимания // Философия и жизнь. - №7. - 1991.
7. Пушкин В.Г. Кибернетический принцип саморегуляции. - Л., 1974.
8. Сидоров Е.В. Проблемы речевой системности. - М.: Наука, 1987.

9. Степанов Г.В. Методы и принципы современной лингвистики. – М., 1979.
10. Тарасова Е.В. Проблемы развития языка в терминах синергетики // Вісник ХДУ. – №390. – Х.: Константа, 1997.
11. Щербаков А.С. Самоорганизация материи в неживой природе. – М.: Изд-во МГУ, 1990.
12. Bain B. Toward a fuller appreciation of codeswitching // Journal of Pragmatics. – v.32, #9. – 2000. – P. 1413-1451.
13. Beavin-Bavelas J. A situational theory of disqualification: using language to "leave the field" // Language and Social Situations (Forgas, ed.). – New York: Springer, 1985. – P. 189-211.
14. Bertalanffy L. General System Theory. – George Braziller, 1968.
15. Brown R. A First Language: The Early Stages. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.
16. Bouhris I.Y., Giles H. The language of untergroup distinctiveness // Language, Ethnicity, and Intergroup Relations (Giles, ed.). – London: Academic Press, 1977. – v. 31. – 1999. – P. 881-906.
17. Caffi C. On mitigation // Journal of Pragmatics. – v. 31. – 1999. – P. 881-906.
18. Coupland N., Coupland J., Giles H., Henwood K. Accomodating the elderly: invoking and extending a theory // Language Society. – v. 17. – 1988. – 1-41.
19. Dolinsky G., Bensimon-Choukroun G. Codeswitching // Journal of Pragmatics. – v.32, #9. – 2000. – P. 1253-1257.
20. Drach R. The Language of the Parent. Working paper 14. – Language Behavior Research Laboratory. – University of California, Berkeley. – 1969.
21. Ferguson C. Baby talk as a simplified register // Talking To Children: Language Input and Acquisition. – Cambridge: CUP, 1977.
22. Fraser B. Conversational mitigation // Journal of Pragmatics. – V. 4. – 1980. – P. 341-350.
23. Giles H., Coupland N. Language: Context and Consequenses. – Open University Press, 1991.
24. Giles H., Scherer C.R., Taylor D. Speech Markers in Social Interaction. – Cambridge University Press, 1979.
25. Haken H. Synergetics: An Introduction. – Berlin: Springe-Verlag, 1977.
26. Meyers-Scotton C. Explaining the role of norms and rationality in codeswitching // Journal of Pragmatics. – V.32. – 1999. – P. 1259-71.
27. Nakamura E.R. Complexity and Diversity. – Berlin: Springer, 1997.
28. Verschueren J. Pragmatics as a theory of linguistic adaptation. // IPrA Working Document, 1987.

МОТИВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

*Ейгер Г.В., докт. филол. наук,
Шевченко И.С., докт. филол. наук
(Хмельн, ФРГ- Харьков)*

Всестороннее исследование речевых актов (РА) требует моделирования этого сложного лингвистического феномена. Одной из первых моделей, предложенных авторами в совместной работе (5), была модель РА, состоящая из адресантного, интерперсонального, денотативного, языкового, ситуативного, иллюкутивного, метакоммуникативного и контекстного аспектов, в которой отправным является мотивационный аспект. В данной статье уточняется понятие мотива продуцирования речи, определяется место мотивации среди прочих аспектов РА и рассматривается мотивационный потенциал РА.

Наше понимание мотива речевого акта базируется на экстраполяции "инвариантного ядра" современных психологических концепций мотивации деятельности (см., например, (4; 7)). Традиция исследования мотивации в отечественной лингвистике восходит к трудам Л.С. Выготского и Л.С.Рубинштейна, понимавшим говорение как "переливание мысли в слово" и как "формирование мысли в ходе ее словесного формулирования", что внесло вклад в современное представление о речевой деятельности как речемыслительной (8:167). При этом речевая деятельность зависит от неких исходных моментов - в трактовке Л.С. Выготского, от "мотива, порождающего какую-либо мысль" (2:358). Хотя исследования последних лет обнаружили много нового в механизмах продуцирования речи, сохранился ведущий принцип разграничения стадий и этапов этого процесса (обзор подходов содержится в работе А.А. Залевской (6:206-225)). Все они характеризуются общностью понимания мотива как отправного этапа речевой деятельности. Так, в моделях Л.С. Выготского (2), А.А. Леонтьева и Т.В. Рябовой (9), А.Р. Лурии (10), А.А.Залевской (6) процесс порождения речи понимается, в основном, одинаково (хотя имеют место некоторые расхождения в понимании отдельных этапов): от МОТИВА - к МЫСЛИ - через этапы ВНУТРЕННЕГО СЛОВА / СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗАПИСИ - ЗНАЧЕНИЯ ВНЕШНЕГО СЛОВА / СМЫСЛОВОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ - к ВНЕШНЕЙ РЕЧИ (СЛОВУ). Л.С.Выготский рассматривает процесс речепроизводства как движение "от мотива, порождающего какую-либо мысль, к офор-

млению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем - в значениях внешних слов, и, наконец, в словах" (2:358). Таким образом, принципиально важным для возникновения мысли (ее опосредования во внутреннем слове) есть мотив.

Под мотивом мы понимаем то, что в отражаемой человеком реальности побуждает его к совершению действий и поступков и направляет его речевую деятельность. Хотя проблемы мотивации выходят за пределы сферы речевой деятельности, они непосредственно релевантны для определения целей и задач речевых действий коммуникантов. В качестве мотивов РА могут выступать объекты и процессы окружающего мира, психические процессы и состояния, свойства личности, например, потребности и интересы, впечатления, установки и пр. Речевая деятельность может побуждаться одним или несколькими мотивами, один из которых является основным, а другие подчиненными. Мотивация речевой деятельности часто представляет собой сложный акт, требующий анализа и оценки альтернатив, выбора и принятия решения (например, выбор способа осуществления РА - прямого или косвенного, тональности, приоритетных максим коммуникации и др.).

Мотивы РА могут быть осознанными и неосознанными. Процессы мотивации имеют направление - осуществить речевую деятельность или прекратить ее, вступить в контакт или прекратить общение. Мотивы сопровождаются переживаниями, положительными/отрицательными эмоциями, что находит, в частности, отражение в тональности РА, интонации и сопровождающих РА паралингвистических средствах. В процессе речевой деятельности мотивы могут обогащаться и изменяться.

Мотивы РА следует отличать от мотивировки, т.е. эксплицитного выражения в самом РА объективных и субъективных причин его порождения. Мотивировки могут не совпадать с действительными мотивами РА или даже специально маскироваться (в этом случае нарушается максима искренности).

Для настоящего исследования представляет интерес детализация Т.В. Ахутиной второго этапа речепорождения: от "мотива - к мысли (*речевой интенции*)" (1) (курсив наш, Г.Е., И.Ш.). Эта концепция наглядно демонстрирует нетождественность понятий общей мотивации речедеятельности и интенции конкретного речевого акта. Применительно к прагматингвистике сходные идеи обнаруживаем в речесактовой модели И.С. Шевченко (12), избравшей отправным интенциональный аспект. Он включен в модель РА, состоящую из трех блоков, объединяющих по три аспекта каждый: это антропоцентрический блок (адресантный, адресатный и интенциональный аспекты), блок условий и способов реализации

РА (ситуативний, контекстний, метакомунікативний аспекти) і центральний речеактовий блок (локутивний, денотативний, иллокутивний аспект), приче́м иллокутивний аспект представляється результати́уючим, производним от всех иных аспектов (12:43). На основі моделі І.С. Шевченко розглянемо один из неісследованных компонентів речевих актів - мотиваційний.

Мотив в нашому розумінні являється отправним моментом формування інтенції РА, який не входить в модель РА, але визначає його інтенцію. Структура інтенції адресанта в нашій трактовці РА включає в себе наступні компоненти: во-перших, формуюче́еся на основі того чи іншого мотиву осознанное намерение, желание добиться определенного неречевого эффекта (в інтенціональній схемі О.Г.Почепцова (11) це відповідає постакторе́чевої інтенції); во-вторых, необхідність произвести определенные речевіє дії для досягнення намеченої цілі (акторе́чева інтенція адресанта, визначаюча ви́бір типу РА і способу його вироблення); в-третьих, це конкретна мотивація речевого дії - непосредственный "толчок", побудження к соверше́нню інтенди́руемого РА.

В відповідності з сучасними лінгвістическими воззреніями при аналізі мотиваційного потенціалу РА ми будемо розрізняти РА, існуючі конкретні неречевіє цілі (постакторе́чеву інтенцію), і РА, призначені для рішення метакомунікативних завдань, існуючі акторе́чеву інтенцію, к которым относятся, например, беседы на вечеринке, болтовня, фатическая речь, речевіє стратегії включення в ту чи іншу групу і т.п. На основі вищезазначеного розглянемо мотиваційний потенціал деяких РА.

1. Квеситив. Во-перших, мотивом РА квеситива являється потреба отримання інформації. Цей мотив зв'язаний з різними компонентами комунікативної ситуації:

(а) інформація, зв'язана з часом і простором: *"Скільки у нас часу для переговорів? Де ми будемо продовжувати розмову?"*

(б) Інформація про канал зв'язі: *"Ви добре мене чуєте? Як чути? Прийм."* (Мотиви (а) і (б) являються допоміжними).

(в) Інформація про об'єктивну дійсність. В цьому випадку адресанту потрібно отримати відсутню у нього інформацію про якісь-небудь факти, в тому числі, і про самого адресата, в різних планах, наприклад, про факти його біографії, фізичному і психическому стані, відношенні до інших осіб (включаючи адресанта), про його знання і вміння, мовної компетенції і оцінці адресатом адресанта.

(г) Информация о различных аспектах языковой компетенции адресанта. Эту информацию адресант может получить и косвенным путем (если он не хочет или не может получить эту информацию непосредственно). Для этого квеситив должен строиться таким образом, чтобы контролируемый момент попал в фокус внимания. Такая ситуация возникает, например, в процессе обучения или самообучения. Так, авторам этой статьи неоднократно приходилось наблюдать, как иностранцы, недостаточно хорошо владеющие языком, специально задавали вопросы прохожим, чтобы проверить, как их понимают и как они сами понимают чужую речь. Это может даже стать своего рода упражнением в коммуникативной деятельности.

(д) Мотив - когнитивные потребности: *“Изложите еще раз вашу точку зрения - я не все понял”* (в соответствии и конечной целью получения информации данный РА является не директивом, а косвенно реализованным запросом информации - квеситивом). Данный пример наглядно демонстрирует, что мотив (обладание знанием, представлением о предмете) отличается от акторечевой интенции - конкретных целей и задач, которые ставит перед собой коммуникант (получение недостающей информации о предмете).

Во-вторых, мотивом квеситива может быть манипуляция сознанием адресата. При этом конкретные мотивы оказываются разнообразными по характеру. Так, адресант может хотеть, чтобы у адресата создалось ложное представление об адресанте - о его знаниях, отношении к кому-либо, языковой компетенции и т.п. Задавая, например, вопрос *“В каких случаях сумма углов треугольника больше $2d$?”*, адресант стремится создать впечатление, что он не знает соответствующей теоремы. Спрашивая *“Почему у Миши вчера был такой грустный вид?”*, адресант может хотеть сообщить адресату, что Миша вчера был в городе или хотеть выяснить, знает ли адресат, что Миша там был. В другом случае адресант задает неприятный вопрос, чтобы изменить психическое состояние адресата, испортить ему настроение. Возможен и противоположный мотив - доставить своим вопросом удовольствие адресату, ср.: *“Где ты достал такой красивый галстук?”*. Здесь может быть два мотива одновременно: доставить адресату удовольствие (близко к комплименту) и получить информацию о магазине, где продается действительно понравившийся адресанту галстук. Адресант может также использовать вопросительные предложения, желая услышать приятное в ответ (например, комплимент), ср.: *“Ну как я выгляжу?”*

Такую же вспомогательную функцию выполняют вопросительные предложения, если сообщению требуется придать ироническую окраску: *“Ты*

знаешь английский? - Нет. - А французский? - Тоже нет. - Тогда объясни мне русским языком, что же это происходит?" (Из фильма "Зал ожидания"). Эта схема проникает в юмористические жанры - анекдоты и так называемые "приколы", ср.: шеф - молодой секретарше: "Что вы делаете по субботам? - Ничего. - Так вот, имейте в виду, что сегодня не суббота".

2. Директив. Рассмотрим несколько случаев вероятных мотивов совершения речевого акта директива:

(1) мотивом может быть желание побудить адресата совершить физическое или вербальное действие, полезное для адресанта и/или адресата или другого лица.

(2) Мотив - совершение ликоповреждающего речевого акта: "Уходи и не появляйся больше!"

(3) Мотив - желание получить представление об умении адресата совершать определенные физические или умственные действия, или представление о знаниях адресата: "Начерти схему телевизора!".

(4) Мотив - необходимость изменить коммуникативную ситуацию: "Подойди поближе!" (изменение коммуникативного расстояния) "Говори громче!", "Говорите в микрофон!" (оптимизация канала связи), "Позовите вашего друга!" (расширение коммуникативного пространства).

(5) Мотив - манипуляция сознанием адресата, т.е. создание у него впечатления, что адресант не знает чего-либо или исходит из ложных предположений. Например, "Передайте Семену это письмо" (зная, что адресат не в состоянии это сделать). Конкретные мотивы здесь также могут быть многообразны, как и при манипуляции с вопросительным предложением.

(6) Мотивы, связанные с фатическим общением и нередко предвещающие его: "Садитесь, пожалуйста!", "Давайте познакомимся!".

3. Констатив. К мотивам произведения РА констатива относятся:

(1) желание изменить тезаурус адресата в отношении его энциклопедических или ситуативных знаний.

(2) Мотив - совершение ликоповреждающего речевого акта: "Уходи и не появляйся больше!"

(3) Мотив - желание получить информацию о своей языковой и коммуникативной компетенции: поскольку РА - стимул предполагает ответную реакцию, адресант сможет установить, насколько его понял адресат или получить оценку/коррекцию своей речи.

(4) Мотив - манипуляция (по различным причинам) сознанием адресата передача ему ложных сведений, неполной и недостаточной информации и т.п. Кроме того, адресант может передать такое сообщение, которое бы косвенно представляло адресата в невыгодном свете; с другой

стороны, адресант может использовать данный РА для завышенной/заниженной характеристики определенных данных.

(5) Мотив - поддержание общения, знакомства. При таком фатическом общении адресант использует повествовательное предложение для передачи несущественной информации- слухов, сплетен, анекдотов, нерелевантной или неизвестной для адресата информации как знак симпатии, дружеских чувств и т.п. Тем самым реализуется не констатив, а фатический метакоммуникативный РА.

РА рассмотренных типов относятся к наиболее частотным в речи. Мотивационный потенциал РА других типов несколько уже. Для сравнения рассмотрим некоторые менее частотные типы РА.

4. Комиссив. Мотивы реализации РА комиссивов- высказываний, позитивно окрашенных с точки зрения слушающего, в отличие от менасивов, окрашенных отрицательно, разнообразны:

(1) Мотив - желание в будущем сделать нечто приятное адресату. Этот мотив может быть связан с тем, что последний нуждается, например, в утешении.

(2) В ответ на обещание адресант рассчитывает получить нечто взамен. В РА могут одновременно присутствовать оба мотива.

(3) Мотив - "услуга за услугу" - потребность отплатить адресату за совершенные ранее действия, полезные для адресата.

5. Экспрессив. В РА экспрессивах мотивация разнится и может быть даже противоположной в зависимости от типа выражаемых эмоций - положительных или отрицательных:

(1) мотив - спонтанно возникающая потребность выразить эмоции: *"Какой чудесный вид!", "Какой красивый мальчик!"* Адресант может попытаться "заразить" собеседника своими эмоциями.

(2) Мотив - спонтанно возникающая или осознанная потребность реагировать на нарушение норм поведения адресатом или на совершение действий, которые могут нанести ущерб: *"Ты очень много читаешь и много смотришь телепередачи"* (упрек).

(3) Мотив - манипуляция сознанием адресата: адресант хочет внушить адресату, что последний нарушает нормы поведения, хотя это фактически не имеет места (упрек).

6. Оправдание. Мотив - желание смягчить ожидаемые санкции или неблагоприятное впечатление, произведенное на партнеров по коммуникации в результате нарушения коммуникативных норм - как реакция на упрек или обвинение.

7. Соболезнование. Мотивом данной разновидности РА может быть:

(1) потребность выразить искреннее сочувствие;

(2) необходимость формально соблюдать правила речевого поведения. В принципе, он может даже сочетаться со скрытым злорадством.

(3) Мотив- другие “ритуальные” речевые акты: соболезнование может сочетаться с прощанием, благодарностью и т.п.

8. Фатические РА. Среди их мотивов - во-первых, желание завязать разговор, познакомиться, реализующееся с помощью эмоциональных высказываний, которые в данном случае служат фатическим средством. Отметим, что при этом адресант может в действительности не испытывать чувства, которые выражены в эмотивном высказывании.

Во-вторых, мотивом речевого действия может выступать потребность в игровом, фатическом, общении, развлечении. Если он реализуется вопросительным предложением, имеет место реализации не квеситива, а соответствующего типа речевого акта - фатического метакоммуникатива:

(а) мотив - собственно фатическое общение: *“Давно ждете автобуса?”*, *“Вы тоже в этом санатории впервые?”*;

(б) мотив - общение с целью веселого, интересного время провождения: *“Где ты вчера был?”* (адресанта не интересует ответ, он хочет завязать беседу); *“Вы слышали, что вчера произошло у Нади?”* (цель - совместное обсуждение происшествия). Такими вопросами может начинаться передача слухов, сплетен, анекдотов, шуток и т.п.: *“Вы слышали анекдот о ночном стороже? Так вот ...”*

Таким образом, мотивационный потенциал речевых актов определяется иллокутивной силой, их функциями и коммуникативной ситуацией. Последние два фактора определяют общность некоторых мотивов у разных РА. Наибольший потенциал у “базовых” речевых актов - констатива, квеситива, директива, экспрессива. Под базовыми здесь понимаются четыре типа РА, которые неизменно выделяются в классификациях РА Дж. Серля, Дж. Лича, Г.Г.Почепцова, хотя и имеют в них разные названия. Конкретный РА может обладать несколькими мотивами, причем один из них является основным, то есть “задает” его иллокутивную силу, иные выступают как сопутствующие.

В диалоге один РА может быть подготовлен другим РА (с одноименной или разноименной иллокутивной силой). В результате достигается усиление ведущего РА. Тем самым комбинация РА является одним из средств достижения конечного результата - перлокутивного эффекта. Его изучение в мотивационном аспекте представляет собой увлекательную задачу.

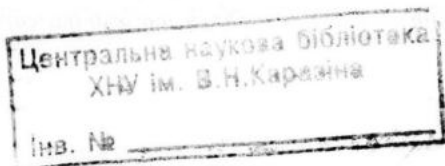
В дальнейшем представляется целесообразным на основе уже полученных данных изучить стратегии использования РА с различной иллокутивной силой как для достижения речеактового перлокутивного эффекта в про-

цессе развертывания диалога, так и для решения глобальной коммуникативной задачи - достижения постречеактовой перлокутивной цели. На важность изучения таких стратегий неоднократно указывает Т.А.ван Дейк (3).

На основе предлагаемого подхода к понятию мотива и интенции РА и анализу мотивационного потенциала РА могут быть проведены прагма- и психолингвистические исследования мотивов речевых актов и, шире, речедетельности. Этот подход может быть продуктивен и в ряде смежных областей: например, в изучении сценического мастерства для рассмотрения трактовок мотива автором, режиссером и артистами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахутина Т.В. Нейролингвистический анализ динамической афазии. - М., 1975.
2. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. Т.2. - М.: Педагогика, 1982. - 504 с.
3. Дейк ван Т.А. Язык, познание, коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. - 311 с.
4. Добрович А.Б. О психологии психологии общения. - М.: Прогресс, 1987. - 214 с.
5. Ейгер Г.В., Шевченко И.С. Принципы моделирования речевых актов // Вісник Харків. держуніверситету. - № 406 -1998. - С. 51-58.
6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. - М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. - 382 с.
7. Коллектив. Личность. Общение: Словарь социо-психологических понятий. - М.: Прогресс, 1987. - 416 с.
8. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Л., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. - М., 1996.
9. Леонтьев А.А., Рябова Т.В. Фазовая структура речевого акта и природа планов // Планы и модели будущего в речи: материалы к обсуждению. - Тбилиси, 1970.
10. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. - М., 1975.
11. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. - Киев: Высш. школа, 1986. - 116 с.
12. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения. - Х.: Константа, 1998. - 168 с.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ *LIE* КАК КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Морозова Е.И., канд. филол. наук (Харьков)

Целью данной статьи является определение концепта лжи, исходя из тех сведений, которые дает нам грамматическая, лексическая и дискурсивная семантика английского существительного *lie*, рассматриваемого как когнитивно-дискурсивное образование. В основе такого подхода лежит тезис о том, что «грамматика кодирует не только семантические (онтологические) различия, но и различия, диктуемые самой организацией дискурса, построением текста и высказывания как его главной единицы» (5 : 144).

Тот факт, что понятие лжи находит свое отражение в основных частях речи — глагол *to lie*, имя существительное *lie*, имя прилагательное *lying* и наречие *lyingly* — свидетельствует о том, что для языка важно не только то, какое знание передается (вопрос о сути информации), но и то, в какую лингвистическую форму имеет передаваемый объект (вопрос о метainформации) (13:1-7). Как пишет Р.Ланекер, грамматика обеспечивает структурирование и символизацию концептуального содержания (10:213). В основе лингвистической формы лежит конвенциональная образность, т.е. она отражает способность говорящих конструировать осмысляемую ситуацию различным образом (там же).

Оставляя в стороне вопрос об этимологическом направлении деривации, подчеркнем, что по степени онтологичности как соответствия наблюдаемым перцептивно явлениям наиболее характерным является имя существительное *lie*, в котором получает обозначение соответствующая ментальная структура, подведенная под определенную рубрику опыта, т.е. отождествленная. Категория предметности выделяется в качестве центральной категории человеческого опыта и человеческого познания целым рядом исследователей (см. об этом 5, гл.1). Концепт лжи, закрепленный в имени существительном *lie*, подобно другим интенциональным объектам, моделируется по образу физических тел (6:61). В его основе лежит выделяемость данного объекта из своего пространства, своей среды и его ограниченность.

Какие же сведения о концепте лжи дает нам семантика существительного *lie* в словарном толковании? Обратимся к определению словаря Вебстера (12): *4 lie n 1 a: an assertion of something known or believed by the speaker to be untrue with intent to deceive b: an untrue or inaccurate statement*

that may or may not be believed true by the speaker 2: something that misleads or deceives 3: a charge of lying. В основе выделения лексико-семантических вариантов имени существительного *lie* лежит степень соответствия прототипу, которая является максимальной в лексико-семантическом варианте 1a, где отражены следующие характеристики высказывания, содержащего ложь: (1) принадлежность действия к типу речевых; (2) асертивность (констативность) высказывания; (3) знание говорящим истинного положения вещей (соответствие между мыслью говорящего и истинным положением вещей, или «правильность» высказывания (7:30)); (4) намерение говорящего; (5) несоответствие между содержанием предложения и мыслью говорящего, с одной стороны, и действительным положением вещей, с другой («искренность» говорящего, в терминологии И.Б.Шатуновского (там же)).

Вариант 1b основывается на расширенном определении коммуникации, с акцентом на воспринимающем сообщении. При этом устраняется такой критерий лжи как намерение говорящего (4). Иными словами, согласно 1b, сообщение может быть квалифицировано как ложь, если воспринимающий его человек отмечает несоответствие, сформулированное в (5) и усматривает при этом интенцию говорящего независимо от того, имела ли она место или нет. Таким образом, 1b включает и ошибку, которой приписывается реципиентом коммуникативная значимость.

Лексико-семантический вариант 2 исключает характеристику (1). Согласно ему, определение лжи распространяется на неречевое действие или даже объект — при условии если они будут истолкованы как сигнал, за которым стоит определенная интенция говорящего.

В основе лексико-семантического варианта 3 лежит метонимический перенос значения. Он более всех удален от прототипного значения.

Само наличие в английском языке соответствующего имени существительного свидетельствует о том, что ложь концептуализирована в нем как выделяемый, «ограниченный в своей области» (10:60) объект, а тот факт, что существительное *lie* входит в грамматическую категорию числа (*a lie / lies*), — свидетельство того, что оно является и «обозначением чего-то точно очерченного в своей области» (там же: 63). Подтверждение этому мы находим в разнообразных контекстах его употребления, преимущественно метафорических, где ложь концептуализируется как артефакт:

- (1) *It's a lie made by Uncle Makepeace to hurt my father (le Carre)*
- (2) *An ever more frenzied and aggressive manufacturing of lies (Murdoch)*
- (3) *Fortunately, all lies are not created equal (cgi.pathfinder.com/time/mag)*
- (4) *Lies have always been considered a useful tool in politics (hydra.umn.edu/derrida/mensonge.htm)*

Концептуалізація лжи как об'єкта, артефакта має своїм наслідком те, що їй може бути предикційований ряд характеристик предмета, а іменно:

- определенное расположение в пространстве относительно других предметов, в т.ч. относительно другой лжи:

(5) *How to keep from being the victims of all the lies that surround them?* (guestfinder.com./lieguy.htm)

(6) *Avoiding consequences, responsibility or a loss of status, or trying to gain rewards such as prestige or money are behind most lies* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(7) *Totalitarian regimes are founded on the lie* (hydra.umn.edu/derrida/mensonge.htm)

(8) *If somebody is having an affair, it's an endless chain of lies* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

- исчисляемость:

(9) *That was the second lie* (le Carre)

(10) *One of DePaulo's studies ...showed that people told at least one lie a day* (cgi.pathfinder.com/time/mag...31/special_report.lies_my_p12.html)

(11) *And she has been finding that the vast majority of them [lies] occur between people in intimate relationships* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

- розміри:

(12) *The public sees a politician's clever dodge as no different from a big fat lie* (cgi.pathfinder.com/time/mag...31/special_report.lies_my_p12.html)

(13) *You save your really big lies for the person that you're closest to* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(14) *That 10 per cent just refers to the typically minor lies of everyday life* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

- разновидности:

(15) *More difficult to excuse are "authorized lies", in which a person in power asks others to lie, and malicious lies, which are "willfully destructive of another's good* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(16) *This is what is known as an adaptive lie, a lie to avoid punishment or to achieve gain* (cgi.pathfinder.com/time/mag...31/special_report.lies_my_p12.html)

(17) *An Alpha-type lie: a Beta-type lie* (Fry)

(18) *Clinton –and almost all politicians—are congenitally guilty of St. Augustine's lie No.5* (cgi.pathfinder.com/time/mag...31/special_report.lies_my_p12.html)

(19) *She divided lies into several categories including the garden variety white lie, designed to avoid social embarrassment, and patriotic lies to protect the community* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(20) [Stephen] Hess' latest book, "The Little Book of Campaign Etiquette," lumps politicians' lies into four categories (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

- перцептуальна (зрительна) воспринимаемость:

(21) *The secretes that law enforcement is using to spot the lies of the toughest criminals* (guestfinder.com./lieguy.htm)

(22) *If you can see through the lie to the truth that is being hidden, it can be a disaster* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

Ложь как артефакт существует не только в пространстве, но и во времени; ее темпоральные характеристики, однако, менее очевидны и в ряде случаев сопутствуют пространственным, в основном, как частотные:

(23) *To identify the telltale behaviors or linguistic signals that accompany a lie* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(24) *A true history of lies in general* (hydra.umn.edu/derrida/mensonge.htm)

(25) *I argued that Clinton's regular lies courted trouble* (proquest.umi.com/pqdweb?)

(26) *One of DePaulo's studies ...showed that people told at least one lie a day* (cgi.pathfinder.com/time/mag...31/special_report.lies_my_p12.html)

Посредством реификации (опредмечивания) процессуальный референт лжи представляется как принимающий участие в деятельности в виде ее партиципанта:

- субъекта (агенса):

(27) *Though some lies produce interpersonal friction, others may actually serve as a kind of harmless social lubricant* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(28) *Lies cannot be reappropriated by true history* (hydra.umn.edu/derrida/mensonge.htm)

- объекта (пациенса):

(29) *Researchers continue to investigate new ways of picking up lies* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(30) *We'll get a new opportunity to separate lie from truth* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(31) *In a course last semester, he announced that he would mix one lie into each lecture* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

Интересным представляется тот факт, что в английском языке отсутствует специальная маркировка довольно очевидного семантического различия между ложью как объектом, создаваемым в процессе (речевого) действия (см. (1) - (3)) или только используемым в этом процессе (см. (29) - (31)). Е.С. Кубрякова объясняет отсутствие такой маркировки в ряде языков мира тем, что для такой дифференциации четко использовано различие самих номинаций соответствующих объектов (ср. *сварить*

суп и читать книгу) (5:146). Однако, как показывает наш материал, подобное объяснение не охватывает все случаи. Нам представляется более мотивированным мнение исследователей, объясняющих это нерелевантностью данного различия для дискурса (9:358), где на первый план выдвигается предметность лжи, значения же конкретных проявлений нивелируются.

В исследовании дискурсивно-семантических свойств существительного *lie* важное место занимают сочетания данного слова с атрибутивными оценочными прилагательными. В культурах, развивавшихся под влиянием христианства, ложь обычно ассоциируется с отрицательной оценкой; она морально порицаема вследствие того, что, как правило, диктуется эгоистическим побуждениями и наносит вред реципиенту. Данное обстоятельство побудило Н. Томасон включить отрицательную оценку в прототипную модель лжи (цит по 11:55). Л. Коулмен и П. Кей придерживаются на этот счет другого мнения. Они пишут, что что в реальном мире ложь обычно продиктована эгоистическими соображениями, подобно тому, как хирургами обычно являются мужчины; но из последнего не следует, что в значение «хирург» входит сема «мужской пол» (8). Мы согласны с Е. Суитзер в том, что подтвердить связь лжи с отрицательной оценкой путем статистического исследования языковой практики социума не представляется возможным (11:55), однако, нам представляется, что исследование концептов, отраженных в системе языка, способно предоставить интересные данные для решения вопроса о том, насколько характерна отрицательная оценка для концепта лжи.

Прежде всего, необходимо определить с каким аспектом взаимодействия субъекта оценки (говорящий, высказывающий свое мнение относительно лжи) с объектом оценки (ложь) мы имеем дело в каждом конкретном случае. Здесь представляется целесообразным различать следующие типы:

А. Психологическая оценка, которая в классификации Н.Д. Арутюновой входит в группу сенсорных оценок (1). В разряде психологических могут быть выделены эмоциональные оценки ((32), (33), (34)), которые в нашем корпусе являются, как правило, отрицательными и содержат экспрессивный и аффективный компонент, и интеллектуальные ((35), (36), (37)), в которых также может присутствовать эмоциональная оценочность, которая необязательно является отрицательной (см. (36), (37)). Психологические оценки лжи демонстрируют весь спектр оценочных значений, от знака [+] до знака [-] (с определенным тяготением к отрицательному полюсу):

(32) *Reporters gleefully go after damn lies* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(33) *Bare-faced, bald-faced lie* (*The BBI Combinatory Dictionary of English*)

(34) *blatant, brazen, downright, monstrous, outright, whopping lie* (The BBI Combinatory Dictionary of English)

(35) *The first known flat-out lie by a president was Thomas Jefferson's request of \$2 million from Congress for military supplies and fortifications when he secretly wanted the money to gain France's help in progressing Spain to sell Florida to the United States* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(36) *transparent lie* (The BBI Combinatory Dictionary of English)

(37) *A small and hopeless lie* (Zahavi)

Очевидно, что лексическая единица *lie* содержит в своем субстантивном значении предпосылки (валентность) для того, чтобы ей был предцирован эмоционально-оценочный признак, как отрицательный, так и положительный. Это позволяет сделать заключение о том, что отрицательная психологическая оценка не является непременным атрибутом лжи.

Б. Оценка мотивов лжеца, по Арутюновой, это этическая оценка, которая входит в число абсолютных оценок (там же). На практике зачастую оказывается весьма нелегко четко определить, альтруистична ложь или эгоистична. Вопреки мнению Н.Томасон, который считает, что «социальная» ложь альтруистична, Е.Суитцер придерживается мнения, что и в социальной лжи, как правило, присутствует элемент эгоистического интереса (11:55). Но каково бы ни было реальное соотношение альтруизма и эгоизма в мотивах лжеца в каждом конкретном случае, в дискурсе функционируют сочетания существительного *lie* с прилагательными этической оценки, которые концептуализируют ситуацию тем или иным образом. Эти прилагательные варьируют на шкале оценки от [+] до [-]: *We deal with all sorts of lies, ranging from white to black* (proquest.umi.com/pqd), причем прослеживается определенная тенденция к скоплению прилагательных на полярных полюсах шкалы. Приведем примеры, иллюстрирующие данный тип оценки:

(38) *Little "white lies" really do not hurt anyone* (hydra.umn.edu/derrida/mensonge.htm)

(39) *Inadvertent lies* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(40) *Deliberate lie* (The BBI Combinatory Dictionary of English)

(41) *The closer we are to someone, the more likely it is that the lies we tell them will be altruistic ones* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(42) *Honest lies* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

В данном случае мы имеем дело с метонимическим переносом значения, когда наименование действия употребляется вместо наименования субъекта (лжеца), для которого в английском языке есть и отдельное обозначение — *a liar*. Подобно психологической оценке, отрицательная этическая оценка не является непременным атрибутом лжи.

В. Оценка последствий лжи, или вреда, нанесенного реципиенту, относится к типу рационалистических оценок, связанных с практической деятельностью человека, а в нем — к разряду утилитарных оценок, в терминологии Н.Д.Арутюновой, а точнее к бенефактивным оценкам, «каузально направленным на достижение положительного эффекта во внеположенной области» (3:68). Бенефактивное добро находится в контрарных отношениях к вредоносному (антонимия *полезный – вредный, приносит пользу – делать зло, вредить*) (там же). Связь с каузальными отношениями «обеспечивает этому типу оценки дескриптивное содержание» (там же), что отличает данный тип от психологических и этических оценок:

(43) *Sociologists suggest that almost all lies, certainly the most pernicious ones, are motivated by self-interest (cgi.pathfinder.com/time/mag...31/special....html)*

(44) *She divided lies into several categories including the garden variety white lie, designed to avoid social embarrassment, and patriotic lies to protect the community (proquest.umi.com/pqdweb?TS)*

(45) *Lies have always been considered a useful tool in politics (hydra.umn.edu/derrida/mensonge.htm)*

Примечательно, что сочетающиеся с существительным *lie* прилагательные бенефактивной оценки — преимущественно со знаком [+] (исключение составляют немногочисленные в нашем корпусе примеры типа (43), где в фокусе внимания находится степень негативности последствий лжи). Возможным объяснением нам представляется то, что наивное понимание лжи предполагает, что ото лжи страдает ее объект (8), поэтому в примерах (44) – (45) соблюдается принцип релевантности — говорить следует о том, что противоречит правилу, а не о том, что соответствует ему, что подтверждается тем, что в нашем корпусе не отмечены избыточные сочетания типа **harmful lie*. Но следствием принятия такого рода объяснения будет признание того, что бенефактивная отрицательная оценочность является принадлежностью концепта лжи, что и является нашей точкой зрения в данном вопросе.

Рассматривая вопрос о соотношении лжи и оценки, отметим, что английский язык имеет отдельное наименование для лгущего субъекта, — *a liar*, которое в предикативной позиции весьма активно сочетается с разнообразными модификаторами психологической оценки, в основе которых, как правило, лежит метафорический перенос значения:

(46) *He is a rotten liar (Murdoch)*

(47) *Willy Andrewartha was always the most God-awful liar (le Carre)*

(48) *She's a black-hearted liar (le Carre)*

Отметим, что существительное *liar*, по сравнению с существительным *lie*, характеризуется явной отрицательной оценочностью (Ср. *You're a liar!* (обвинение) – *It's a lie!* (категорическое несогласие)), поэтому прилагательные, выступающие в роли модификатора *liar*, носят скорее интенсифицирующий, нежели квалифицирующий характер. Когда с существительным *liar* употребляется прилагательное интеллектауальной оценки, оно относится не к самому субъекту, а к частоте и успешности совершаемого им действия ((49), (50), (51)), т.е. в данном случае мы опять имеем дело с метонимическим переносом значения:

(49) *Steps to Becoming a Good Liar* (erlbaum.com/1971.htm)

(50) *Clinton has some hallmarks of an accomplished liar* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

(51) *Unless a person is an expert liar* (proquest.umi.com/pqdweb?TS)

Существительное *lie* весьма часто встречается во фразеологизованных предикатах *to tell (say, etc.) a lie (lies)*, синонимичных глаголу *lie*. Различие в употреблении номинального и глагольного предикатов со значением «лгать» связано с тонкими, почти неуловимыми различиями в том, что именно находится в фокусе внимания человека. Лишь в условиях номинализации непредметных сущностей достигается возможность сфокусировать внимание на признаке, сделав именно его предмет особого рассмотрения (5:209). По мнению Р.Ланскера, использование существительного ведет к представлению соответствующей сцены в виде единого (одноментного) объекта восприятия (10:98), выделяемого и дискретного. При этом осуществляется «перенос синтаксического центра в семантически подчиненный, зависимый элемент с целью его выделения» (2:131).

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что наличие в современном английском языке слов разной частеречной принадлежности с корнем *lie-* свидетельствует о различных способах концептуализации этого понятия в данном языке: как объекта, факта, события. Когнитивно-дискурсивные особенности существительного *lie* указывают на то, что ложь, концептуализированная как объект, характеризуется рядом черт, свойственных объекту: определенное расположение в пространстве, исчисляемость, размеры, категоризуемость, перцептуальная воспринимаемость. Денотаты существительного *lie* представлены не как распределенные во времени, а как бы перемещающиеся в нем. В них могут происходить какие-то изменения, но эти изменения не приводят к потере целостности объекта в каждый данный момент времени.

В основе выделения лексико-семантических вариантов имени существительного *lie* лексикографическими источниками лежит степень со-

ответствия прототипу. Психологическая и абсолютная отрицательная оценка, вопреки наивным представлениям и мнению ряда исследователей, не входит в прототип лжи; к последнему относится лишь рационалистическая (бенефактивная) оценка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики, 1982. – М.: Наука, 1984. – С.5-23.
2. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 382 с.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектиологии // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. – М., 1989. – С. 31 – 54.
5. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – 327 с.
6. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». – Харьков, 1990.
7. Шатуновский И.Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия / несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка. Культурные концепты. – М., Наука, 1991. – С.31-38.
8. Coleman L., Kay P. Prototype semantics: The English verb 'lie' // Language. – Vol. 57. – No 1. – P.26-44.
9. Hopper P., Thompson S. Language universal, discourse pragmatics and semantics // Language sciences. – Oxford; N.Y., 1993. – Vol. 15. – No 4. – P.357-376.
10. Langacker R.W. Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar. – Berlin, 1991.
11. Sweetser E. The definition of "lie": an examination of the folk models underlying a semantic prototype // Cultural models in language and thought. – Cambridge.: Cambridge University Press, 1987. – P.43-66.
12. Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. – London: G.Bell and Sons, Ltd., Springfield, Mass.: G. and C. Merriam Co. 1971. – 1223 p.
13. Yokotama O.T. Discourse and word order. – Amsterdam, 1986.

ОЦЕНОЧНЫЕ АБСТРАКТНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Бессонова О.Л., канд. филол. наук (Мариуполь)

1. Вводные замечания

В данной статье предпринимается попытка когнитивного осмысления и комплексного описания массива абстрактных имен существительных, в семантической структуре которых содержится сема оценки, то есть таких как *whim* 'прихоть, причуда', *splurge* 'бахвальство, хвастовство', *dirt* 'грязь, подлость' и др.

Когнитивный подход к исследованию семантики языковых единиц позволяет по-новому осмыслить такие традиционные проблемы языкознания, как соотношение языка и мышления, роль языка как средства познания. Отражение знаний человека об окружающем мире и о нем самом средствами языка происходит на уровне концептов.

Как отмечает Э.Г.Бендикс, когнитивный и семантический анализ совершаются на разном уровне абстракции: семантический - на уровне социальных или культурных явлений (язык выступает в качестве их составной части); когнитивный метод рассмотрения основывается на том, что носитель языка выстраивает свою собственную модель, которая может совпадать, но может и не совпадать с моделями, создаваемыми другими говорящими (1:29).

Таким образом, когнитивный подход к описанию материала исследования позволяет получить системное представление о роли оценочного компонента в структуре абстрактных имен, установить закономерности взаимосвязи между семантикой этих имен и выполнением ими одной из важнейших языковых функций: функции накопления и хранения информации о мире. В задачи исследования входит также определение места абстрактной лексики в структуре категории оценки, исследование процессов полисемии, оказывающих влияние на формирование оценочного значения в семантике абстрактных имен существительных.

Материалом исследования послужили оценочные лексические единицы абстрактной семантики. В широком смысле к абстрактным именам можно относить собственно абстрактные, то есть "отвлеченные", при знаковые и вещественные существительные. В узком смысле абстрактные существительные трактуются как имена действий, отношений и свойств. Денотат абстрактного имени в языковом выражении предстает

как лишенный отдельности, обособленности и, следовательно, способности входить во множество, исчисляться. Как отмечает Д.И.Руденко, “абстрактные имена в первичном значении не могут вступать в сочетания с количественными числительными, а в языках с морфологической категорией числа принадлежат к разряду *singularia tantum*” (7:97).

В статье рассматривается область оценочного значения, содержащая только узуальную информацию, устойчиво соотносимую в данном социуме с определенной лексемой или ее денотатом, т.е. только общественно закрепленное отношение носителей языка к внеязыковому объекту. Ее следует отличать от окказиональной и личностной, в основе которой лежит концептуальный мир говорящего. Узуально-оценочная информация закреплена в языковой системе и занимает не нейтральное положение в ценностной “картине мира”.

2. Концептуальный анализ семантики абстрактных оценочных имен

В проводимом исследовании категория оценки задана смысловым содержанием 1821 имени существительного. Анализ материала показывает, что оценочные существительные могут быть представлены пятью макрогруппами:

- 1) лицо;
- 2) органический мир (растения, животные, части тела человека и животного);
- 3) конкретные имена;
- 4) абстрактные имена;
- 5) совокупность (людей, животных, предметов, понятий).

Ядро категории представлено абстрактными лексическими единицами, которые значительно доминируют в количественном отношении над остальными макрогруппами и составляют 1075 единиц или 59% от общего набора оценочных имен существительных. На ближней к ядру периферии находятся оценочные наименования лица, характеризующие человека по ряду ономаσιологических признаков (606 единиц или 33%). На дальней периферии расположены остальные макрогруппы.

Абстрактные имена представляют обозначаемые ими явления действительности в качестве своего рода самостоятельных предметов. В этом отчетливо проявляется активность языка как средства отражения мира. Особенностью абстрактных имен является то, что их семантика представлена соотношением именных и предикатных признаков. Однако последние находятся на периферии системы предметности существительного, поскольку предикатные значения у имен не носят обязательного морфологическо-

го характера и эксплицируются прежде всего через сочетаемость имени или более широкие типовые параметры функционирования в тексте.

Рассмотрение категории оценки как естественной категории в контексте прототипического подхода предполагает, что она строится вокруг группы оценочных концептов, т.е. в результате выделения набора признаков, выражающих идею подобия или сходства объединяемых единиц. В естественных категориях ее члены объединяются не потому, что такой набор считается обязательным для каждого члена категории, а потому, что эти члены демонстрируют некоторые типы подобия с тем членом, который выбирается в качестве лучшего представителя своего класса. Понимание оценочного значения связывается с обращением к прототипу, а не со списком условий, которым должна удовлетворять языковая форма, чтобы считаться удачно или правильно употребленной. Прототипический подход к исследованию принципов естественной категоризации связан с работами Э.Рощ, которой принадлежат наблюдения и о прототипах как лучших образцах категорий, и об уровнях категоризации с выделением базового уровня категоризации как центрального уровня для многих видов когнитивной деятельности.

Различные сегменты опыта обладают различной значимостью при сравнении. Никакое описание не может охватить все случаи употребления конкретной языковой единицы, поскольку не все члены категории прототипичны. Сторонники теории прототипов принимают постулаты о группировке представителей естественных категорий внутри пространства категорий, на определенной дистанции от прототипа - т.е. от категориального среднего. В теории прототипов имеет место группировка предметов вокруг каждого из прототипов, но большинство этих предметов с самим прототипом не совпадают. Прототипичность проявляется в том единодушии, с которым носители языка характеризуют значение языковых единиц в отрыве от контекста. Такое значение демонстрирует лучший образец категории. По Лакоффу, проявление прототипичности заключается в том, что центральные члены категории (более близкие к прототипу, чем остальные) проявляют иные когнитивные характеристики, чем нецентральные: быстрее опознаются, быстрее усваиваются, чаще употребляются, ускоряют решение задач, связанных с идентификацией, а также используются в логическом вычислении того, что является референтом для имени, - словом используются при понимании категории в целом (10:32).

Анализ особенностей когнитивной семантики лексем невозможен без изучения их словарного толкования, которое предоставляет единственную возможность получить представление о характере обозначенного

словом концепта. Поскольку в процессе анализа происходит не выделение когнитивной модели как таковой, а выдвижение гипотезы о том, какой она может быть, основным этапом подтверждения, опровержения или корректировки гипотезы является анализ всех значений данного слова. Для этого необходимо последовательное развертывание дефиниций с учетом дополнительной информации: иллюстративных примеров, раскрывающих основания выбора данной семантической единицы, их объединения и перифраза.

При описании семантики языка широко используется понятие концепт, т.к. значения языковых выражений приравниваются выражаемому в них концептам или концептуальным структурам (9:195). Концепты являются понятиями, соотносительными со значением слова, поэтому в когнитивной лингвистике перспективной является идея противопоставленности концептуального уровня языковому (семантическому). Концепты являются строительными элементами концептуальной системы, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы. Несмотря на то, что лишь часть концептуальной информации выражена языковыми средствами, а другая часть представлена в психике образами, схемами и другими типами ментальных репрезентаций, самые важные концепты зафиксированы в языке.

Развиваясь как новая научная парадигма, лингвистический концептуализм реализуется не только как анализ самих вербально оформленных концептов, но и как анализ с помощью концептов. В логике имени концепт - это целостная совокупность свойств объекта. От его понимания зависит адекватное употребление слова. Концепт также понимается как "любая дискретная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального и идеального мира и хранится в национальной памяти носителей языка в виде познанного вербально обозначенного субстрата" (1:95). В когнитивной лингвистике под термином "концепт" понимается любая оперативная единица мышления, которая может предполагать и не предполагать наличие четкой логической формы (3:14). По определению Е.С.Кубряковой, концепт - это понятие, образ, схема действий, гештальт или картина (4). Наиболее удачное определение концепта дает А.Вежбицкая, которая понимает под концептом объект из мира "Идеальное", имеющий имя и отражающий культурно-обусловленное представление человека о мире "Действительность". А.Вежбицкая вводит термины "концепт-минимум" и "концепт-максимум" (сравнимые с ближайшим и дальнейшим значением слова, по А.А.Потебне, с идеей формального и содержательного понятия С.Д.Кацнельсона).

Абстрактные понятия, выражаемые абстрактными лексическими единицами, являются важными компонентами набора концептов. По мнению Ю.С.Степанова, количество концептов достигает всего четырех-пяти десятков, а духовная культура состоит из операций с этими концептами. В число этих “сверхконцептов” включаются такие “устойчивые понятия”, как “Вечность”, “Закон”, “Беззаконие”, “Слово”, “Любовь”, “Вера”. Однако богатство абстрактной лексики, в том числе синонимы, антонимы, устойчивые словосочетания, не позволяют ограничивать репертуар концептов таким малым набором.

Абстрактные лексические единицы трудно поддаются толкованию: “Носители языка не знают точных словарных дефиниций этих слов, да и, как правило, не узнают их по словарям. Сущность таких слов расплывчата. Парадокс заключается в том, что, понимая разумом, люди затрудняются вербально эксплицировать их значение” (1:37). В этой связи Л.О.-Чернейко отмечает, что в обыденном сознании абстрактное имя существует как знак того, на что должно быть направлено внимание, но смысл чего как результат понимания, не абсолютный, а относительный.

Абстрактное имя имеет гештальтную структуру. Концепты многих абстрактных имен в той или иной степени окрашены “образностью”, “схематичностью”, “сценарностью”, оценочностью и т.п. Анализ материала подтверждает, что концепт является родовым именем, а в качестве его видовых проявлений выступают концепты-картинки, схемы, фреймы и скрипты. За некоторыми концептами не закреплён постоянный ментальный образ, то есть абстрактные имена не являются продуктом деятельности только разума. Такие понятия, как *love* ‘любовь’, *jealousy* ‘ревность’, *honour* ‘честь’ связаны с конкретными фактами деятельности человека, с его поступками, переживаниями, эмоциями. Они оценочны по своей природе и всегда используются в контексте определенных эмоциональных настроений. Люди познают данные концепты не с помощью словарных определений, а в результате сознательного личного опыта, традиций социума, которому они принадлежат. Таким образом, концепты абстрактных имен являются в значительной степени более субъективными, в то время как предметы материального мира реализуются в когнитивных структурах, которые являются коллективными.

3. Лексическая полисемия абстрактных оценочных существительных

С позиций когнитивной лингвистики предстает в новом освещении природа лексической полисемии, ее механизмы и закономерности. Лексическая многозначность зависит от характера семантики слова, компонентного состава лексического значения. Данную зависимость можно

сформулировать в виде импликации: чем больше семантических компонентов входит в состав значения словесного знака, тем обширнее его полисемантический потенциал. Однако, как показывает анализ материала, уровень многозначности абстрактных существительных ниже, чем у конкретных. Это связано с тем, что конкретные имена отличаются от абстрактных более узким и определенным объемом значения. Понятия, отражающие конкретные предметы, действия, признаки, опираются на изрядный образный потенциал, который проявляет *семантическую активность в результате развития полисемии*. Например, *legerdemain* 'фокусы, ловкий обман, надувательство' в прямом значении обозначает *juggling; quick and clever performance of tricks with the hands* 'искусство показывать фокусы, быстрое и ловкое исполнение трюков движением рук', а в образном значении происходит переосмысление понятия, возникает новый ЛСВ: *(fig) deceitful argument* 'перен. лживый довод, аргумент'.

Данный вывод подтверждает и С.Шьерхольц, говоря, что "в языке нет существительных, которые объединяли бы высокий уровень абстрактности с высоким уровнем полисемии" (11:131). Основой десемантизации лексического значения является наличие в семантике слова основного понятийного и различных побочных, сопутствующих семантических и эмоциональных моментов. Специфика подобных семантических процессов заключается именно в том, какого рода "дополнительный" оттенок и на основе какой связи с "основным" значением выступает на первый план в семантике слова, оттесняя существующее основное значение на второй план или просто отпочковываясь от него.

Формирование более абстрактных оценочных значений - это следствие актуализации и последующего усиления в значении слов эмоционально-экспрессивных, оценочных обертонов, которые не отделимы в сознании говорящего от значения тех или иных единиц. При такого рода процессах высвобождается и получает самостоятельное развитие и существование определенный семантический признак более или менее общего характера или же определенный эмоционально-оценочный признак, свойственный словам с соответствующим лексическим значением. Такое совмещение в лексическом значении основного семантического ядра, соотносящегося с определенным предметно-понятийным комплексом, и того или иного сопутствующего момента отражает соответствующий факт действительности - неразрывную связь, смежность в сознании этой обозначаемой субстанции и ее различных признаков или отношений к другим субстанциям. Определенные эмоционально-экспрессивные обертоны как структурный компонент лексического значения формируются на основе

той устойчивой связи, сходства в сознании говорящего понятия в целом и того или иного ассоциирующегося с ним чувства, оценки. Например, слово *wound* 'рана' имеет оценочное значение *pain given to a person's feelings: a wound to his pride, vanity* 'боль, причиняемая чувствам человека: рана его гордости, тщеславию'. В сознании речевого коллектива происходит сдвиг в понимании конкретной референтной соотносительности слова (то есть "основного" значения) в сторону образно-оценочной коннотации, ассоциирующейся с данным референтом. В структуре лексического значения происходят изменения, и на первый план выходит образно-оценочный обертоны, высвобождаясь из рамок своего значения-основы, автономизируясь и превращаясь в самостоятельную языковую единицу.

Анализ особенностей проявления полисемантических процессов абстрактных оценочных существительных свидетельствует о том, что развитие оценочного значения в лексических единицах имеет в своей основе обозначения различного рода конкретных физических, социальных, психических признаков. Но первоначально оно выступает в качестве компонента структуры того или иного переносного значения, образованного путем в основном метафорического переноса и являющегося обозначением соответствующего понятия. Например, *fustian* 'фланель, напыщенные пещи' 1. *Thick, strong, coarse cotton cloth*; 2. *(fig) high-sounding but empty talk; worthless, bombastic* '1. плотная, прочная, грубая хлопчатобумажная ткань; 2.(перен) высокопарные напыщенные речи; пустое напыщенное'. В семантической структуре подобных метафорических лексических единиц отчетливо видно сходство моментов, лежащих в его основе: имеющий, проявляющий определенный признак / тем самым "хороший" или "плохой".

4. Выводы

Когнитивная семантика постулирует внутреннюю структуру категорий и позволяет описывать значения лексических единиц со степенью детальности, удобной лингвисту в данный момент. При этом категория сохраняет свою целостность. Гибкость прототипической категории проявляется не только при эволюции языка, на этапе его усвоения, но и в индивидуальном употреблении человека, в контексте его личностного, социального, культурного, коммуникативного, биологического соприкосновения с окружающим миром. Прототипическое отображение лексических единиц, выражающих оценку, является методом исследования национально-культурных особенностей оценочной семантики, а также

способом когнитивного представлення семантичного пространства оценок, позволяющим упорядочить оценочный фонд языка.

Оценочные абстрактные существительные выступают в качестве структур представления знаний о системах национально-культурных и общечеловеческих ценностей, а также способов концептуальной организации знания. Ядерное положение абстрактных имен существительных в прототипической категории оценки связано с тем, что именно на оценочный компонент имен действия, состояния, свойства, отношения ложится основная нагрузка в выполнении функции накопления и хранения информации о мире.

Как показал анализ материала, уровень многозначности оценочных слов находится в тесной связи с уровнем абстракции языковых единиц и является более низким у абстрактных существительных, чем у конкретных. Это связано с тем, что конкретные имена отличаются от абстрактных более узким и определенным объемом значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. - Воронеж: Изд-во Воронежского госуд. ун-та, 1996. - 104 с.
2. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. - Москва: Языки русской культуры, 1999. - 780 с.
3. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ фреймов // Вісник Черкаського університету. - Вип. 11. - Серія Філологічні науки. - Черкаси, 1999. - С. 12-25.
4. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. - М., 1988.
5. Нерознак В.П. Лингвистический концептуализм - новая парадигма // Функциональная семантика языка, семиотика знаковых систем и методы их изучения: Тезисы докладов междунар. конференции. 22-24 апреля 1997 г. Москва, 1997. - С. 359-360.
6. Ольшанский И.Г. Когнитивные аспекты лексической многозначности (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. - № 5, 1996. - С. 85-93.
7. Руденко Д.И. Имя в парадигмах "философии языка". - Харьков: Основа, 1990. - 299 с.
8. Тараненко А.А. Языковая семантика в ее динамических аспектах. - Киев: Наукова думка, 1989. - 256 с.
9. Jackendoff R. What is a concept? // Frames, fields, and contrasts. New essays in semantics and lexical organisation. - Hillsdale, 1992. - P. 191-209.
10. Lakoff G. Classifiers as a reflexion of mind // Noun classes and categorization: Proc. of a Symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983. - Amsterdam, 1986. - P. 13-51.
11. Schierholz S.J. Lexikologische Analysen zur Abstraktheit, Häufigkeit und Polysemie deutscher Substantive. Tübingen: Niemeyer, 1991 (Linguistische Arbeiten, H. 269).

АКТУАЛИЗАЦИЯ “ХОЛОДНЫХ” И “ТЕПЛЫХ” КОНЦЕПТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

**(на примере освещения военного конфликта
в Чеченской республике 1999-2000 г.г.
в российских и западных периодических изданиях)**

Бондаренко Е.В., канд. филол. наук (Харьков)

Вопрос о соотношении субъективного и объективного в мировосприятии современного человека приобретает большую актуальность с учетом фактора влияния средств массовой информации на формирование его картины мира, в особенности политической.

Известно, что наряду со стремлением к образованию целостного представления человека о мире (1: 24-25), существует тенденция к некому раздвоению восприятия им окружающего на “то, что вижу и чувствую” и “то, что осмысляю, могу объяснить логически”. Продукт освоения действительности первым способом, получил название “теплой” картины мира (ТКМ), результат системного анализа действительности, основанного на построении законоподобных суждений, назван “холодной” или научной картиной мира (ХКМ) (2: 10). Картины эти не находятся в антагонизме, на любом уровне освоения окружающего индивидом они, хотя и в различных соотношениях, являются комплементарными составляющими картины мира субъекта.

Проблема соотношения ХКМ и ТКМ, то есть объективного и субъективного, “истинного” и “кажущегося”, системного и единичного, в мировосприятии человека оказывается трудноразрешимой в ситуациях, когда эмпирический материал в силу разного рода обстоятельств недоступен индивиду, а иногда и целому сообществу. Огромное число подобных ситуаций предоставляет политическая картина мира. В ее рамках соотношение ХКМ и ТКМ имеет место в области более идеологической, чем когнитивной. Сочетание этих областей может вызвать особый интерес не только у политологов и пиар-технологов, но и лингвистов, так как данный подход выводит изучение роли языка в идеологии на новый уровень.

До настоящего времени отечественная лингвистическая школа уделяла внимание проблеме языка в идеологии либо в свете противостояния двух политических систем, коммунистической и капиталистической (3, 4, 5, 6), либо с точки зрения прагма- или функциональной стилистики (7, 8, 9, 10, 11, 12).

Следует, однако отметить, что языковые явления, до настоящего времени изучавшиеся как прикладные средства идеологии, являются лишь конечными продуктами сложного когнитивного процесса формирования политической картины мира, попытке анализа которого и посвящена данная работа.

До настоящего времени не существует единого, общепринятого определения политической картины мира, в особенности той ее части, которая бы обозначала ее связь с лингвистикой. Поэтому в исследовании мы руководствовались собственным рабочим представлением о политической картине мира как о системе таких обобщенных взглядов на политическую действительность, системе таких политических убеждений и идеалов, которая раскрывает практическое и теоретическое отношение индивида или сообщества к политическим событиям, его способ видения, понимания и оценки окружающей политической действительности, а также образ действий в ее рамках. Данное определение, таким образом, отражает две основные функции картины мира — интерпретативную и регулятивную (1: 25), значимость которых для ХКМ и ТКМ, в том числе и на лингвистическом уровне, не одинакова.

В отвлеченном понимании “холодная” картина мира является четкой структурированной моделью действительности, следование законам в рамках которой гарантирует индивида или сообщество от нарушения или срыва намеченного образа действий. В “теплой” — случай является решающим фактором, способным изменить ход развития событий или процессов, при этом индивидуальные переживания воспринимающего, сам субъект есть источники динамики “теплой” картины мира. В сопоставлении картин мира, таким образом, очевидно коренное различие в возможном исходе выполнения ими регулятивной функции как логического продукта интерпретативной. В рамках “холодной” картины мира казалось бы априори гарантируется прогресс, в рамках “теплой” — катастрофа в случае, если субъективные ощущения не соответствуют истинному положению вещей.

Указанная взаимосвязь оказывается особенно очевидной в контексте политической картины мира, а именно, ее информационного сектора. Идеология как составляющее политической картины мира своим непременным оружием избирало пропаганду, в основном распространяемую в виде политической информации. Предназначение пропаганды точно соответствует назначению самой политической картины мира. Так, главной функцией пропаганды всегда являлась, в первую очередь, интерпретационная, которая естественным образом продолжалась в регулятивной. “Привлекая внимание общественности к тем или иным фактам, пропа-

гандист создает вокруг них атмосферу значительности, а также культивирует определенное (положительное или отрицательное) отношение к ним" (13: 240). Так, суждение о том или ином политическом событии, умело сформулированное и навязанное пропагандой определенному слою общества, неуклонно влечет за собой его реакцию, регулирует его поведенческую модель. В условиях, когда выяснить обстоятельства политического события трудно, а иногда и невозможно, соотношение концептов ТКМ и ХКМ в интерпретации этого события, а, следовательно, и регулятивная роль указанных картин мира, могут стать решающими не только для исхода самого события, но и для дальнейшей судьбы целой нации или страны.

Соотношение компонентов ХКМ и ТКМ в информационном секторе политической картины мира целесообразно рассматривать в рамках интерпретации такого основополагающего понятия любого информационного поля, как факт. Толкование его далеко не однозначно. Современные словари отмечают некую двойственность, которая, по нашему мнению, ярко иллюстрирует различия в подходах к действительности в рамках ХКМ и ТКМ. Так, в научном, читай "холодном" понимании, факт есть синоним понятия "истина", "событие", "результат", "знание, достоверность которого доказана", тогда как в логике и методологии науки факт есть предложение, фиксирующее эмпирическое знание ("теплая" картина мира?) (14). Толковый словарь Брокгауза и Эфрона трактует факт в научном смысле как основание, на котором строится теория (что в принципе подходит нам для трактовки политического факта), однако тут же оговаривается со ссылкой на "Dictionary of Philosophy" Болдуина (1901), что факт есть объективно данное, установленное опытом, но рассматриваемое независимо от пути, которым оно установлено" (15), что явно не соответствует действительности в рамках информационной политической картины мира.

Таким образом, политическая информационная картина мира предоставляет нам факты не в "чистом" научном понимании этого слова. "В пропаганде нет так называемых "чистых" фактов. (...) Взятый из сферы общественной жизни, он уже не беспристрастен. Он уже выбран с каких-то определенных позиций, и выражен в форме, которая соответствует этим позициям" (13: 240). Факт в ней является продуктом "теплой" картины мира, вторичного восприятия действительности индивидом, так как зачастую трактуется не в сравнении с пережитым событием, а в сопоставлении его субъективных интерпретаций в различных средствах массовой информации.

Соотношение компонентов ХКМ и ТКМ в рамках интерпретации факта может быть проиллюстрировано более убедительно в случае рассмотрения его как некой суммы когнитивных компонентов, одним из которых является время события, интерпретируемого информационным фактом, другим - место события, третьим - его агент (исполнитель, участник), четвертым - собственно совершенное действие. Анализ информационных материалов показывает, что средствами реализации "холодной" картины мира зачастую являются такие когнитивные компоненты факта, как время и в особенности место события, так как они реже всего зависят от интерпретации субъекта, описывающего его. В то же время, агент и собственно действие находятся в центре интерпретационной сферы события, то есть являются продуктами "теплого" восприятия действительности.

Приведенные выводы как нельзя лучше могут быть проиллюстрированы на примере материалов периодических изданий России, США и Великобритании, посвященных военному конфликту в Чеченской республике 1999-2000 годов. До сих пор, видимо, ни один вооруженный конфликт за исключением войны в Югославии, не вызывал столь ожесточенных споров, такого непримиримого противостояния Востока и Запада, как чеченский. Несмотря на различия идеологических посылов, приемы, применяемые средствами массовой информации с обеих сторон, отличаются общностью, среди них и интерпретирование не только агента и действия, но и места и времени события, освещаемого как информационный факт.

Так например, 16 декабря 1999 года международные информационные агентства сообщили о том, что 15 декабря вечером бронеколонна российских войск предприняла попытку войти в г.Грозный. В результате, по их утверждениям, они понесли серьезные потери: было подбито не менее 7 танков и БТРов, убито 100 военнослужащих. Бой в центре Грозного, в районе площади Минутка, продолжался в течение трех часов. Российские СМИ в ответ опровергли факт боев в этом районе, утверждая, что за указанный период в Чечне погибло только двое военнослужащих. Таким образом, в интерпретационной "теплой" сфере оказались не только агенты и действия, но и время и место описываемого события.

С точки зрения отбора самих информационных фактов, однако, различия в пропагандистской работе СМИ России и Запада все же отмечаются. Так, авторы российских периодических изданий сосредоточены на отборе возможно большего числа положительных фактов и обобщении их в благоприятную картину войны (дедуктивный прием, свойственный

методологии ХКМ), тогда как западные средства массовой информации после тщательного отбора единичного отрицательного факта представляют его как повсеместное явление (индуктивный прием, свойственный методологии ТКМ).

Реализация концептов политической информационной картины мира в рамках ХКМ и ТКМ может быть рассмотрена также в терминах фреймовых структур, которые выводят исследование непосредственно в лингвистическую сферу. Так, например, фрейм война в интерпретации средств массовой информации четко структурируется в слоты — темы, постоянно находящиеся в центре внимания прессы: “военная политика правительства”, “боевые действия - воюющие стороны”, “снабжение армии”, “война и мирное население”. Языковая реализация указанных слотов происходит зачастую посредством реалий, все чаще приобретающих характер публицистических клише. При этом характерно, что только на лингвистическом уровне прослеживается их противоположная оценочность, вербализующая “теплые” концепты.

Так, в слоте “военная политика правительства” в английском языке реализованы такие реалии, как: *people making money; hawkish prime minister; Moscow bombing civilians; Russia's onslaught; Russians' colonialism in Chechnya; ethnic cleansing; humanitarian disaster; Russia's ruthless campaign in the North Caucasus*. В русской прессе они противопоставлены следующим: *довоенная Чечня - рай для преступников; необходимость отстаивать целостность страны; единодушная поддержка народа; тактика максимального сохранения личного состава и мирного населения*.

Не менее интересные противопоставления представлены и в слоте “боевые действия - воюющие стороны”. В английской интерпретации это: *Russian troops terrorizing civilians; rampage of murder, rape and looting; bloody mess; street after street flattened*. Российские газеты описывают военные действия и армию иным образом: *солдаты, сражающиеся за честь своей родины; готовые каждую минуту к бою; “вертушки”; “железка”; “калаши”; “бээмпешки”; “зеленка”; солдаты, напоминающие ополченцев сорок первого года*.

Абсолютное различие интерпретаций ситуации наблюдается и в рамках слота “снабжение армии”: *lack of warm clothing, inadequate food, brutality of dyedovshchina* противопоставлены реалиям: *удовлетворительное питание и снабжение личного состава, наличие сухого пайка, обеспечение горячим питанием, обилие гуманитарки, машины от земляков*.

Вербальная реализация слота “война и мирное население” отличается наибольшей эмоциональной наполненностью, что еще раз доказывает

принадлежность данного типа концептов к “теплой” картине мира: *killing innocent people; walking over corpse; dropping bombs on houses, hospitals, schools, mosque; crowds of refugees queuing at the border; hospitals full of women and children with shrapnel wounds*. В видении российских средств массовой информации это: *поддерживающий русских чеченский народ; чеченцы, сидящие в подвалах без света и воды, в тревоге за свои семьи; необходимость спасти мирных жителей от гибели от рук боевиков и от голодной смерти; коридоры безопасности; возвращение беженцев; откритые медицинских пунктов*.

Таким образом, противопоставление “холодных” и “теплых” концептов в рамках политической картины мира — одно из неперенных условий нормального течения процесса формирования политической картины мира индивида. В ходе отбора, интерпретации, а впоследствии и вербализации факта как особой информационной единицы в рамках политической картины мира находят отражение в основном “теплые” концепты, что определяется самой ее сущностью. Регулятивная функция политической картины мира, таким образом, обладает свойствами, ингерентными ТКМ со всеми ее положительными и отрицательными потенциалами. Использование этих потенциалов выводит исследователей в область морально-этических проблем, также решаемых в рамках методологии “теплой” картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поставалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. - М.: Наука. - 1988.
2. Цофнас А.Ю. Комплементарність світогляду і світорозуміння // Філософська і соціологічна думка. - 1995. - № 1-2. - С. 5-22.
3. Березин Ф.М. Язык как средство идеологического воздействия, М. - 1983.
4. Засурский Я.Н. Язык и стиль буржуазной пропаганды. М: Московский университет. - 1981.
5. Кашлев Ю.Б. Информационный взрыв: международный аспект. М.: Международные отношения. - 1988.
6. Стриженко А.А. Роль языка в системе средств пропаганды // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - 1987. - Вып.286. - С. 54-70
7. Ваняшкин С.Г. Речевая образность в английском газетном тексте (структурно-семантическая и функциональная характеристика) // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - 1985. - Вып.203. - С. 3-20.
8. Гладкая Н.М. К проблемам формирования лексического фонда газетно-публицистического стиля // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - 1989. - Вып.338. - С. 75-80.
9. Заводовская Е.А. Коммуникативная роль просторечной лексики в языке английской газеты // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - 1987. - Вып.286. - С. 152-160.
10. Ланчиков В.К. Субстандартная лексика в прессе: проблема оценочности // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - 1989. - Вып. 331. - С. 91-99.
11. Максютова О.М. О некоторых способах выражения оценки как форме реализации прагматической установки в английском газетном заголовке // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - 1982. - Вып.197. - С. 53-64.
12. Романовская Н.В. Функциональные особенности образ-

ных стилистических приемов в языке газеты // Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М.Тореза. - 1980. - Вып.155. - С. 136-140. 13. Афанасьев В.Г. Системность и общество. М.: Политиздат. - 1980. 14. Современный толковый словарь. Электронная версия. Библиотека в кармане. - № 5. - 1999. 15. Толковый словарь Брокгауза и Эфрона. Электронная версия. Библиотека в кармане. - № 5. - 1999.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Известия (18-26 января 2000 г.) 2. Комсомольская правда (2 декабря 1999 г. - 18 февраля 2000 г.) 3. Независимая газета (17 декабря 1999 г. - 18 января 2000 г.) 4. Financial Times (8 December 1999 - 25 December 1999) 5. The Guardian (6 December 1999 - 3 January 2000) 6. The Guardian Weekly (28 October 1999 - 22 December 1999) 7. The Mail on Sunday (12 December 1999 - 9 January 2000).

ДО ПИТАННЯ ПРО ДІАЛЕКТИКУ ВЗАЄМОВІДНОШЕНЬ МІЖ МОВОЮ, МИСЛЕННЯМ ТА МИСТЕЦТВОМ

Жаборюк О.А., канд. філол. наук (Одеса)

Наявність певної співвідносності між мовою і мисленням, з одного боку, та між мовою і мистецтвом, з іншого, є практично незаперечними фактами сьогоденної науки. Вони визнаються не лише переважною більшістю мовознавців (В.З.Панфілов (9, 3), П.С.Попов (11, 7) та ін.), але й представниками споріднених з лінгвістикою дисциплін – антропологами, філософами, мистецтвознавцями та діячами культури. “Мислення та мовлення – діалектична єдність” – ось так, наприклад, назвав одну з глав своєї монографії антрополог А.Ф.Анісімов (2, 19). “Мислення та мова... неподільні...”, – відзначає інший відомий антрополог П.Ф.Протасеня (12, 37). Що ж стосується взаємозв'язку між мовою та мистецтвом, то і філософи і мистецтвознавці одностайні в тому, що взаємовідношення між ними не пряме, на відміну від взаємозв'язку мови і мислення, а опосередковане. “Мистецтво – як і мова, – відзначає В.І.Самохвалова, – є вираженням мислення...” (15, 12). Аналогічну думку висловлює й відомий французький антрополог та лінгвіст К.Леві-Строс, стверджуючи, що і мова, і культура, включаючи мистецтво, “розвивались декілька тисячоліть, і цей розвиток відбувався паралельно в мисленні людей” (7, 67). Подібною точки зору дотримується й В.З.Панфілов (10, 46). При цьому чимало філософів та мистецтвознавців, не говорячи вже про лінгвістів¹, вбачають спільність між мовою та мистецтвом саме в їх комунікативній функції, трактуючи мистецтво як своєрідне знаряддя спілкування (Л.Толстой, цит. за Л.О.Сморжем (16, 187), (18, X). В.І.Самохвалова, висловлюючи аналогічну думку, посилається на таких дослідників як К.Кроче, Е.Касіре, Е.Гомбріх, Р.Г.Колінгвуд та ін. (15, 12-13).

Незважаючи на те, що проблема взаємозв'язку між мовою, мисленням та мистецтвом протягом тривалого часу була об'єктом пильної уваги дослідників, ряд важливих аспектів цієї проблеми до цього часу залишається не розв'язаним. В першу чергу, це стосується взаємозв'язку між мовою та мисленням, який, за словами П.Ф.Протасені, є “надзвичайно складний, багатограний і багатий на відтінки” (12, 37). “Зв'язок між мовою та мисленням, – конкретизує цю думку В.З.Панфілов, – їх взаємодія визнається в самих різних лінгвістичних і філософських напрямках. Проте

¹ Трактування мистецтва як мови вперше було введено в науковий обіг О.А.Потебнею (цит. за В.І.Самохваловою (15, 12-13)).

питання про характер цієї взаємодії, про роль, яку відіграє кожне з цих явищ у процесі їх взаємодії, продовжує залишатися дискусійним і вирішується з принципово різних позицій” (10, 18).

Що стосується взаємозв'язку мови й мистецтва, то характер взаємовідношень між ними теж остаточно не визначений, звідси – розмитість та суперечливість висловлювань з цієї проблеми.

Мета цієї статті — спробувати розкрити механізм взаємозв'язку мови, мислення і мистецтва як єдиної системи: духовної діяльності людини, прослідкувати специфіку цього зв'язку, починаючи з витоків його формування в свідомості прадавньої людини.

Теоретичною базою, з позицій якої ми підходитимемо до висвітлення цієї проблеми, є сформульована нами теорія логіко-граматичної динаміки, наріжним каменем якої є поняття “предикативність” і “предикація” та діалектика взаємовідношень між ними. Ці поняття лежать в основі процесу віддзеркалення людиною дійсності, і, як такі, слугують базою для всіх видів її духовної діяльності.

Під предикативністю ми розуміємо сам процес віддзеркалення – найзагальніший, найдревніший процес синтезування об'єктивного з суб'єктивним, зовнішніми виявами якого є висловлювання, жести, певні емоції, а також, не в останню чергу, – художня діяльність людини.

При цьому термін “предикативність” (від лат. “проголошувати”, “розказувати”, “вказувати”) виник як своєрідна данина традиції, згідно з якою вербальні вияви віддзеркалення – і цілком слушно – вважаються найсуттєвішими його виявами.

Предикація – це свого роду “квінтесенція” процесу віддзеркалення. Вона є формою мислення сучасної людини – **засобом вираження конкретної елементарної думки**. Предикація розвинулась на базі предикативності – найдавнішого й найпростішого засобу віддзеркалення дійсності – в результаті когнітивного розвитку людського мислення.

На самому ранньому етапі свого розвитку в мисленні панувала виключно предикативність – синкретичне, дифузне віддзеркалення дійсності на рівні уявлень, які не виходили за межі конкретної ситуації. Цей період називається в антропології наочно-дійовим і відноситься до раннього палеоліту (Д.В.Бубрих, цит. за А.Ф.Анісімовим (2, 49-50)). За характеристикою П.Ф.Протасені, це був період, коли “форми свідомості ще не віддиференціювалися одна від одної (12, 87). Ці особливості мислення не могли не позначитися на таких його зовнішніх виявах як “мова” та “мистецтво”, а точніше – мовлення та зображувальна діяльність (1, 84), які розрізнялися між собою лише зовнішньо, фактично ж були одним і тим же – цілісним віддзеркаленням конкретного “чуттєвого образу”. Нерозчлено-

вані висловлення первісної людини, за характеристикою О.А.Потебні, були “вказівкою на **чуттєвий образ**, в якому немає ані дії, ані предмета, взятих окремо, але все це в **неподільній єдності**” (Цит. за П.Ф.Протасеєю (12, 70-71)). Первісне мистецтво теж не було нічим іншим як цілісним безпосереднім віддзеркаленням чуттєвого образу і відзначалося максимальною наближеністю до зображуваного предмета (4, 248).

Отже, на первісному етапі розвитку мислення мова та мистецтво ще не набули ані своїх специфічних форм, ані свого конкретного змісту, а просто безпосередньо віддзеркалювали синкретичне, дифузне первісне мислення, в якому чуттєве, емотивне та когнітивне ще не відокремилися одне від одного, а виступали як єдине ціле. Невипадково окремі мистецтвознавці висловлюють сумнів з приводу доцільності застосування до цього періоду розвитку зображувальної діяльності людини терміна “мистецтво” (1, 84).

Значною віхою в еволюції мислення, а разом з ним – еволюції мови й мистецтва, став розвиток абстрактного мислення, початком якого вважається асоціативне усвідомлення близькості певних предметів між собою та розвиток асоціативної пам’яті. Значний внесок в цей процес зробила, на нашу думку, зображувальна діяльність, яка, завдяки намаганням первісної людини якнайточніше передати зображуваний предмет, поступово витісняє з мислення дифузність і робить його чітким, “картинним”.

У мові цей процес знайшов вираження у відриві слова від конкретної ситуації і розповсюдженні його на ряд асоціативно пов’язаних між собою предметів. Слід відзначити, що на перших порах ці асоціативні зв’язки носили швидше випадковий, аніж сутнісний характер і значно відрізнялися від концептів у сучасному розумінні цього слова. На це, зокрема, вказує Л.Леві-Брюль, який на прикладі вивчення мов слаборозвинених племен Океанії та Австралії дійшов висновку, що класифікаційні критерії первісних людей значно відрізнялися від сучасної людини (6, 91). Важливо відзначити те, що в цей період слово втрачає “вагу предмета” (обтяженість конкретним предметом) і древня людина починає маніпулювати словами так само легко, як і інструментами праці – поєднуючи слова між собою, експериментуючи, створюючи при цьому якісь нові, часто-густо фантастичні образи. Формуються передумови для розвитку фантазії (В.Г.Чайльд, цит. за П.Ф.Протасеєю (12, 129)).

Даний етап знаменує собою початок диференціації форм свідомості – відриву суто мисленнєвої форми від чуттєво-емотивної. З’являється якісно-нова форма мислення – поняття, яке, хоч і значно відрізнялося за своїм змістом та об’ємом від сучасного, та все ж було справжнім провісником сучасного мислення.

Відрив мисленнєвої форми свідомості від чуттєво-емотивної зумовив відрив мови від видів мистецтва, в основі яких лежало чуттєво-емотивне сприйняття дійсності, зокрема від музики та живопису. Цей період розвитку мислення охоплює в часових вимірах середній та пізній палеоліт. "Що ж стосується більш конкретного уявлення про час зародження мови слів, то тут, – як слушно вказує П.Ф.Протасеня, – ... необхідно уникати непритаманної цьому явищу хронологічної точності. Було б утопізмом, – завершує цю думку дослідник, – задаватися метою віднайти дату її народження" (12, 59).

Та відірвавшись одна від одної, ці форми свідомості – мисленнєва та чуттєво-емотивна – продовжують взаємодіяти між собою, але вже на якісно новій основі. Так, слово, його зміст, стає таким же подразником почуттів, як і певна дія чи конкретний предмет (12, 118-119). Вільне маніпулювання поняттями (гра словами) та вплив результатів цього маніпулювання на чуттєво-емотивну сферу людини, створює передумови для виникнення нового жанру мистецтва – літератури. Маніпулювання словами, яке призводить до утворення фантастичних образів, не могло не вплинути й на образотворче мистецтво, яке вдосконалюється не лише технічно, але й змістовно: людина починає зображувати не лише світ реальний, але й уявний світ, створений фантазією. Це ж, по суті, означало початок моделювання світу, інакше кажучи, – зародження мистецтва у сучасному розумінні цього терміну.

У свою чергу, мисленнєва (когнітивна) сфера не лише впливає на почуття, вона починає збагачуватись за рахунок почуттів, живитись ними. Наділене абстрактною силою, мислення не вдовольняється лише "обробкою" предметної сфери та сфери природи, а починає робити понятійні "знімки" з відношень прадавнього суспільства (наприклад, відношень рідства, свідченням чого є фонетична близькість слів, які позначають ці відношення у мовах індоєвропейського походження), а пізніше – і з найпростіших етичних норм примітивного суспільства. Так поступово формується база для утворення в мові слів з абстрактним змістом. Більш чітко усвідомлення певних форм суспільного життя та певних етичних норм поступово починає втілюватись і в образотворчому мистецтві (статуетки – символи матріархату, наскельні малюнки з зображенням побутових та ритуальних сцен).

Та процес формування мислення відбувався не хаотично, він був повністю підпорядкований законам природи, часткою якої була й сама людина. Саме це слугувало гарантом правильного віддзеркалення у свідомості людини оточуючого світу, що, в свою чергу, було гарантом її виживання та подальшого розвитку. Мислення людини корегувалося і направ-

лялося самою природою – циклічністю процесів, які в ній відбуваються, її єдністю (12, 85; 93). Поступово відшліфовуються асоціативні зв'язки між предметами, вони починають все точніше віддзеркалювати природу, наближаючись до її сутності. Поняття, за своїм змістом та об'ємом, все більше стають схожими на сучасне концептуальне усвідомлення світу; закладаються передумови для формування таких загальних концептів як буття, субстанціальність, властивість тощо.

Це, в свою чергу, направляє структурування природної мови – слова підсвідомо групуються концептуально, набираючи певних морфологічних обрисів. Зароджуються частини мови. Очевидно, саме в цей час – час формування абстрактних концептів – від мови відривається поняття кількості (а воно, за свідченням багатьох дослідників, було одним із перших абстрактних понять (12, 111)) і укладається в систему специфічних відношень, закладаючи, таким чином, фундамент для розвитку математики.

Під тиском життєвих обставин – необхідності передати достовірну інформацію – маніпулювання з поняттями (в мові це відповідає послідовному сполученню слів) теж підсвідомо вбирало в себе закономірності природи, імітуючи її та імітуючи діяльність людини з об'єктами природи. “Дії, ...перш ніж стали виконуватись на символах, – відзначає Ж. Піаже, – виконувались на об'єктах” (Цит. за Ю.С.Степановим (17, 234-235)). Отже, найперші синтаксичні структури були, по суті, нічим іншим як моделюванням у свідомості людини закономірностей природного світу та практичної діяльності людини.

Все це заклало передумови для революційного прориву в розвитку мислення, який було здійснено завдяки появі у ньому якісно нової форми – структури предикації. Адже ця структура, сутність якої полягає у вираженні специфіки існування концепту субстанціальності (чи специфіки існування відношень між двома чи більше концептами субстанціальності) у часі та просторі, як за своєю формою, так і за своїм змістом є нічим іншим як аналогом побудови світу – процесу, його концептуальною моделлю. У своїй діалектичній гнучкості, пластичності вона імітує саму матерію, поєднуючи у собі такі діалектичні протиріччя як загальне та конкретне, цілісність та дискретність, єдність сталого та плинного тощо (5, 122-123). У цій своїй якості предикація (у логіці їй відповідають терміни “судження” та “пропозиція”) здатна передавати абсолютно усі події, які відбуваються в навколишньому світі. Завдяки цій структурі мислення остаточно втрачає свою первісну синкретичність та дифузність, набирає чітко-окресленої форми. Звичайно ж, ця форма мислення не могла не відбитися й на природній мові, в якій з її появою пов'язаний остаточний

процес структурування мови. Завдяки цій структурі мова здійснює перехід від кількісного розвитку, який йшов по лінії номінації¹, до якісного, який передбачає декілька – разову “переробку” вже наявного лексичного та структурного матеріалу з метою якнайповнішого забезпечення запитів мислення. Одним із найбільш значущих моментів цього переходу було утворення на базі частин мови відповідних членів речення. Це дало змогу структурі предикації стати повноцінним засобом вираження думки, а точніше – конкретної елементарної думки (5, 85), (3, 96).

Досить близько підійшов до усвідомлення структури предикації як носія конкретної елементарної думки А.К.Корсаков (19, 8-10). Пророчими можна вважати роздуми щодо структури предикації та її ролі в мові фізіолога І.М.Сеченова, який ще в минулому столітті писав: “Нескінченна кількість людських думок, втілюючись у слово, приймає завжди **одну й ту ж загальну форму – тричленного речення**, яке складається з підмета, присудка та зв’язки. Завдяки незмінності цієї форми у людей різних за віком, різних епох та ступенів розвитку, нам однаково зрозумілі роздуми дикуну й дитини, думки наших сучасників та пращурів” (Цит за П.Ф.Протесенею (12, 82)). Отже, якщо не брати до уваги заперечення І.М.Сеченовим еволюції мислення, то його розуміння структури предикації як носія думки є цілком відповідним нашому.

Проте з появою предикації предикативність як форма мислення нікуди не зникає, вона продовжує, разом з предикацією, обслуговувати процес віддзеркалення, відіграючи в ньому не менш важливу роль ніж остання. Таким чином, сучасній людині, на відміну від прадавньої, притаманні дві форми мислення – предикативність (цілісне сприйняття дійсності на рівні уявлень) та предикація (концептуально-структуроване віддзеркалення дійсності на рівні думок).

Ці дві форми мислення знаходяться між собою в діалектичному відношенні. Так, з одного боку, структура предикації є продовженням предикативності – свого роду її “вінцем”, з іншого ж, вона є її якісним запереченням, “антиподом”. Між цими двома формами мислення існує й взаємовідношення загального та конкретного, цілісного та дискретного тощо.

Звичайно, обидві форми мислення знайшли відповідне вираження в мові. Структура предикації втілилась у мовній структурі предикації і в межах речення обслуговує сферу вираження думок. Предикативність же знайшла своє місце у висловленнях-нереченнях – висловленнях, які не містять у собі (а також і не дорозумлюють) первинну структуру предикації.

¹ У слаборозвинених народів один і той же предмет має багато синонімічних назв у залежності від типу його природних виявів та ролі, яку він виконує в житті племені (12, 107; 6, 261).

кації, обслуговуючи в природній мові сферу уявлень. Висловлення-неречення, як і уявлення, відзначаються цілісністю, нерозчленованістю. Прикладом предикативності в природній мові є, зокрема, т. з. номінативні речення, такі як “Зима”, “Winter” тощо.

Між предикацією та предикативністю не існує жорстких меж, одна форма мислення може вільно перетікати в іншу, чим, власне, і зумовлюється те, що вони повністю задовольняють мисленнєві запити сучасної людини в будь-якій сфері її діяльності. Цілком природно, що ця особливість мислення відбилася і в мові. Прикладом перетікання речень у висловлення-неречення, є, зокрема, такі висловлення, які етимологічно низходять до речень: *Спасибі* (← *Спаси бог*), *Hullo* (← *Whole be you!*) тощо. Ці висловлення в процесі багаторазового вжитку втратили свій первісний зміст (перестали бути носіями конкретної думки) і вживаються зараз не з інформативною, а з суто комунікативною метою. Досить красномовними прикладами цього процесу є те, що в слов'янських мовах мовна “руда” – синтаксичні структури модифікації та комплементатії – переробляються ще раз – для утворення на їх базі висловлень-неречень з предикативністю, тобто висловлень, подібних до речень: *Ребенку – год* (← *Я даю ребенку год*); *Борщу – ціла миска* (← *Ціла миска борщу*). Іноді предикативність нашаровується на предикацію з метою надання реченням розмовності, невимушеності: “*Сестру отличает скромность*”, еквівалентне реченню “*Сестра – скромна*” (← “*Скромность отличает сестру*”). В англійській мові в таких випадках свідомо опускається дієслово “*to be*” в особовій формі, в результаті чого повноцінне речення-думка перетворюється на предикативне висловлення-уявлення. Це надає зображуваному “картинності”, динамізму. Наприклад: *Women and kids screaming. The stall-holders, police and everybody else cursing me... miles of cars tooting like hell white the policeman on point duty concentrated on brow-beating me [J. Herriot]*. Завдяки цьому засобу – перетворення речень на висловлення з предикативним звучанням – мова набирає гнучкості, пластичності, стає здатною віддзеркалювати найтонші нюанси сприйняття людиною оточуючого світу.

Полюсами предикації та предикативності в мові є відповідні функціональні стилі – стиль науково-технічної літератури та стиль художньої літератури, зокрема поезія.

Предикація та предикативність, їх взаємодія між собою, лежать в основі й характеру взаємовідношень між мовою та мистецтвом, зокрема образотворчим мистецтвом та музикою.

Поєднувальною ланкою між ними є предикативність, адже всі ці явища є нічим іншим як своєрідними засобами синтезування об'єктивного з

суб'єктивним. "Взаємодією віддзеркалюваного і віддзеркалювача" характеризує мистецтво В.І.Самохвалова (15, 19; 20). "Самопротиставлення суб'єкту об'єкту єдності" – так визначає музичне буття А.Ф.Лосєв (8, 69).

Специфікою ж образотворчого мистецтва та музики по відношенню до мови є домінування в них предикативності – віддзеркалення на рівні уявлень, "цілісно-образний" тип віддзеркалення (13, 59), тоді як у мові предикація та предикативність функціонують на рівних началах. Спорідненість мови й образотворчого мистецтва через предикативність виявляється, зокрема, в тому, що при спробах словесної передачі змісту картини глядач, як правило, вдається до використання висловлень-неречень (тобто висловлень, які не містять у собі первинної структури предикації). Ось як, наприклад, І. Рєпін описує своє враження від рисунка К. Брюллова "Розп'яття":

"Фотокопія, очевидно, з рисунка сепією, виконаного з такою силою, з такою майстерністю геніального художника, з таким знанням анатомії! Енергія, віртуозність пензля... На цьому невеличкому клаптику тла так багато натхнення, світла, трагізму! Руки Христа, міцно прибиті великими цвяхами, впалі груди від останнього віддиху виявили лінію хрящів; голова закинулася і загубилася в загальній агонії тіла. Ще мить – і темрява, яка насувається смугами, накриє це страшне страждання. Боже, скільки екстазу! Скільки сили в цих тінях, в цих рішучих лініях рисунка" (14, 36-37).

Однак домінування предикативності в образотворчому мистецтві та музиці аж ніяк не означає, що предикація в них взагалі відсутня. Психічна діяльність людини, як справедливо відзначають мистецтвознавці та філософи, має "гетерогенний характер" (1, 128; 40-41). А тому створення цілісних образів нерідко потребує допомоги дискурсного мислення (13, 59). Доказом цього є існування в мистецтві такого поняття як "творчий задум", що свідчить про попереднє осмислення художнього твору художником, скульптором чи музикантом. Нерідко художники та музиканти вдаються до дискурсивного мислення, даючи назву картині чи музичному твору, допомагаючи таким чином зрозуміти його основну ідею. (Наприклад: "Над вічним спокоєм" І.Левітана, "Пори року" П.І.Чайковського, "Козаки пишуть листа турецькому султану" І.Рєпіна, "Що є істина?" М. Ге тощо). Нерідко об'єктом зображення художників є не безпосередня дійсність, а історичні події, осмислені та зафіксовані засобами мови. При цьому слід відзначити, що і сам рівень уявлень (тобто сама предикативність) суттєво відрізняється від тієї, яке існувала на рівні первісного суспільства. На сучасному етапі розвитку мислення ця форма не є еквівалентною безпосередньому сприйняттю (13, 62). У багатьох аспектах уявлення зумовлюються такими особистістними характеристиками митця

як його освіта, морально-етичні норми, які він сповідує, його аналітичні здібності – і в цьому розумінні предикативність можна вважати вторинною до такої форми мислення як предикація.

Що стосується художньої літератури, то цей вид мистецтва, так само як живопис, скульптура та музика, моделює світ через внутрішнє “я” митця. Специфіка ж її полягає в тому, що, маючи на озброєнні такий могутній зображувальний засіб як слово, художня література моделює світ, вільно маніпулюючи двома формами мислення – предикацією та предикативністю (або ж поєднанням обох) – у відповідності до характеру, якого набирає художній твір: аналітичного чи цілісно-образного.

ЛІТЕРАТУРА

1. Андреев А. Л. Художественный образ и гносеологическая специфика искусства. Методологические проблемы. – М.: Наука, 1981. – 192 с.
2. Анисимов А. Ф. Исторические особенности первобытного мышления. – Л.: Наука, 1971. – 135 с.
3. Васильев С. А. Синтез смысла при создании и понимании текстов. – К.: Наукова думка, АН УРСР, 1988. – 69 с.
4. Еремеев А. Ф. Происхождение искусства. Теоретические очерки. – М.: Молодая гвардия, 1970. – 271 с.
5. Жаборюк О. А. Категория stanu в сучасній англійській мові та індоевропейський синтаксичний процес. Теоретичні аспекти. – Одеса: Маяк, 1998. – 206 с.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М.: Госуд. антирелигиозное изд-во, 1937. – 512 с.
7. Леви-Строс К. Структурная антропология. – М.: Наука, 1985. – 535 с.
8. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики. – М.: Издание автора, 1927. – 262 с.
9. Панфилов В. З. Грамматика и логика (Грамматическое и логическое членение предложения). – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 78 с.
10. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. – М.: Наука, 1982. – 357 с.
11. Попов П. С. Суждение и предложение // Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М.: Учпедгиз, 1950. – С. 5-36.
12. Протасеня П. Ф. Проблемы общения и мышления первобытных людей. – Минск: Изд-во высшего и среднего спец. образования СССР, 1961. – 151 с.
13. Раппопорт С. Х. От художника к зрителю. Проблемы художественного творчества. – М.: Сов. художник, 1978. – 237 с.
14. Репин об искусстве. Составитель О. А. Ляковская. – М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1960. – 187 с.
15. Самохвалова В. И. Язык искусства. Эстетика. – М.: Знание, 1982. – 63 с.
16. Сморж Л. О. Світ десяти муз. Мистецтво і дійсність. – Київ: Мистецтво, 1973. – 213 с.
17. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семислогическая грамматика. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
18. Fleming W. Arts and Ideas. – N.Y.: Holt, Rinehart & Winston. – 797 p.
19. Korsakov A. K., Korsakov A. A., Korsakov A. I. A. Theoretical Foundations of Modern English Grammar. Part I. Syntax. – Odessa: Odessa University. Machinescript, 1982. – 327 p.

ЕТИКЕТНІ ФУНКЦІЇ АПРОКСИМАЦІЇ У АНГЛОМОВНОМУ НАУКОВОМУ ДИСКУРСІ

Ільченко О.М., канд. філол. наук (Київ)

Апроксимація як лінгвістичне явище є складним та багатомірним феноменом, а отже, не перестає привертати увагу дослідників (2, 3, 4, 5, 7), хоча переважно на матеріалі загальнонародних мов. Не викликає сумніву значний прагматичний потенціал цього явища. Апроксимація в цілому відіграє значну роль у різних науках, допомагаючи передати, так би мовити, відносність істини, а також некатегоричність висновків авторів, усвідомлення того, що у науці не існує "hard and fast lines". Недарма одним із найперспективніших напрямків розвитку наук - від технічних до гуманітарних - вважають так звану теорію фазифікації (fuzzy logic), сама назва якої містить сему апроксимативності. Наведемо типовий приклад судження в рамках зазначеної теорії:

"In the real world the things are often neither true nor false but something in between. Is the Statue of Liberty tall? It is, next to Michelangelo's David - but it isn't compared to World Trade Center. Miss Liberty is mostly tall, sometimes short, and both tall and short at the same time, depending on how you look at her. Human reasoning is guided by the rules more flexible and ad hoc than those of Aristotelian logic. Depending on context, a statement can be rather true or mostly false, somewhat false or mostly untrue. An object can lie partly in one category, and partly in the opposite one" (6: 44).

Загалом можна погодитись з думкою про те, що приблизна номінація є широким явищем, яке не може однаково трактуватись стосовно предметів, якостей, кількостей та процесів. Так, у сфері кількості апроксимація означає квазіточність, причому у випадках прямої, первинної номінації, коли значною мірою відсутня образність, експресивність, вирази типу "багато", "велика кількість" певним чином наближаються до раціональної оцінки (1: 21, 33). Водночас апроксимація може виступати як прагматичний оператор ввічливості як основного прояву етикетизації (зокрема у англомовному науковому дискурсі).

Досліджуючи засоби апроксимації у науковому дискурсі, ми насамперед розглядаємо їх у опозиції апроксиматори наукового дискурсу :: апроксиматори загальнонародної мови:

<u>апроксиматори</u> <u>наукового дискурсу</u>	<u>апроксиматори</u> <u>загальнонародної мови</u>
<i>approximately / around</i> <i>several / a number</i> <i>a little / a few</i> <i>much</i> <i>a large amount</i> <i>a great number</i>	<i>round / around</i> <i>a couple of</i> <i>a touch of / a scrap of</i> <i>masses of/heaps of/bags of /</i> <i>loads of / oodles of</i> <i>bazillion</i> <i>umpteen</i>
<i>and so on / etcetera (etc)/</i> <i>or something of that sort (kind)</i>	<i>and all (that sort of thing) / or</i> <i>stuff (like that) / or what have you/</i> <i>you name it /</i> <i>or/and whatnot /</i> <i>and junk like this / and crap</i>
<i>(a) kind of / (a) sort of</i>	<i>kind of / sort of</i> <i>whatsit / thingy / thingummy</i>

Звичайно, наведені випадки не передають усього діапазону апроксиматорів, однак є досить показовими у плані їх розмаїття. Межа між апроксиматорами загальнонародної мови та апроксиматорами наукового дискурсу є досить прозорою та умовною. У англомовному науковому дискурсі (зокрема наукових статтях та монографіях у галузі інформаційних технологій та лінгвістики) виявляється ціла низка апроксиматорів які виступають у якості засобів етикетизації цього типу дискурсу. До них належать насамперед такі:

Апроксиматори кількості - *several; a number of; some; certain; not all; many; in many cases, most; more/less than; much more; approximately; almost; nearly; primarily; essentially; a wide range; something like+quantifier; say+quantifier; about+quantifier; around/about+quantifier; plus/minus+quantifier; more/less like+quantifier; somewhere in the (quantifier) range; (anywhere) between+quantifier; plus or minus+quantifier; at least+ quantifier; quantifier+or+quantifier; more/less than+quantifier, quantifier+or so//or more/less; the order of+quantifier(s); гіперболічні апроксиматори типу hundreds of millions, а також апроксиматори кількості з модальним компонентом типу maybe/perhaps+quantifier.*

Апроксиматори кількості “звільняють” автора від тягаря відповідальності за стовідсоткову достовірність кількісних даних/параметрів, що

наводяться: something on the order of 20 or 30 million; 2010, plus or minus 10 years; something like 30 of them; for the last, say, 20 years we were on the wrong path toward trying to achieve it; the statistics are now somewhere in the 1.2 million range; ... the number is somewhere between 80 and 100 percent...; ... only a dozen or so are publicly accessible outside the company; the growth is in the tens of millions тощо. Відтак автор може напевне й не знати точні кількісні параметри. Вживаючи апроксиматори він робить певне ймовірне припущення гіпотетичного плану:

The dominant one after .com is maybe 40 000, while .com is more than a million (RTSI). У даному випадку спостерігаємо вживання двох кількісних апроксиматорів - одного з модальним компонентом, а іншого - звичайного кількісного (more than a million). Як бачимо, друге кількісне припущення звучить більш "конкретно":

X is maybe 40 000 (indefinite probability - may be more, may be less than 40 000) while Y is more than a million (the number definitely exceeds one million - million plus).

Інколи кількісні апроксиматори, що позначають невизначено велику кількість, поєднуються з апроксиматорами, які передають значення невизначено малої кількості, а відтак спостерігаємо їх своєрідну "динамічну рівновагу", нейтралізацію модифікаторів прагматичних значень впевненості та недостатньої впевненості: *In fact, a large body of data based on several studies has shown that (SO)*, що зрештою призводить до зменшення категоричності висловлення.

Науковці часто використовують кількісні апроксиматори-обмежувачі аби зазначити те, що автор не претендує на всеохоплююче висвітлення проблеми, а обмежується вивченням лише певних її аспектів: *Our research primarily involves proactive and situated data collection for system design, which precedes building a fully functional system (SO).*

Апроксиматори темпоральності (позначення невизначеного часу та невизначеної періодичності) - *for a long time; for some time, over the years, periodically; sometimes; occasionally; seldom; often; sometimes; is/are, or soon will be; around/about+time marker; maybe+time marker.* Наприклад:

There is sometimes a difference between the policy of the administration and the paradigms of Federal and state bureaucrats who are implementing the laws and regulations (RT-1), що можна трактувати, як *sometimes (but not always)* або *there are cases when this is not true*. Останнє звучить менш категорично порівняно з *there is a difference between the policy of the administration and the paradigms of Federal and state bureaucrats who are implementing the laws and regulations (there is a difference → there is always a difference)*. Розглянемо інший випадок:

Something like 60 to 70 percent of the exchanges in the country, are, or soon will be, ISDN capable (RT-1) → 60 to 70 percent of the exchanges in the country are ISDN capable. У даному разі спостерігаємо так званий **кластер** (ланцюжок) апроксиматорів, тобто вживання декількох апроксиматорів з метою максимального зменшення категоричності (у нашому випадку, апроксиматорів кількості та часу).

Апроксиматори часу з модальним компонентом, як і у випадку з аналогічними апроксиматорами кількості, передають приблизне припущення, а автор звільняє себе від уточнення конкретної дати, яку він не знає напевне:

Up until recently, maybe a year ago, if applied to be in the net, InterNIC questioned whether you were actually operating a network versus any other random business. They stopped doing that about a year ago (RTSI).

Темпоральні апроксиматори можуть пом'якшувати констатацію невдачі: *Research by noncomputer scientists shows that computer scientists have sometimes failed to appreciate distinction between human and computer modalities (GB).*

Апроксиматори, що розглядаються, можуть вживатися і для того, аби вказати на те, що термін, який позначає предмет, явище та ін. ще не є усталеним:

These slots represent characteristic properties of the node (sometimes called facets) (GB). Деякі апроксиматори цього типу можуть містити емпатичні елементи, наприклад,

Operating systems based on modular languages ... have offered similar capabilities for well over a decade. Until quite recently, it was universally accepted that the effort required for computation is so great that it must be performed offline (SO). Порівняймо: *decade* та *well over decade*; *recently* та *quite recently*.

Апроксиматори якості - *relatively; essentially; somewhat; a little bit; some kind of/ something of; pretty/rather+adjective; essentially; particularly; largely; mainly; nearly; less/more+adjective; approximately+adjective*; порівняльні структури типу *X is faster/wider/smoothier /lower/closer/larger/higher* тощо.

Такі апроксиматори передають головним чином авторську оцінку предмета, явища, а саме:

Four techniques are particularly useful [...] This kind of information is more in-depth than the set-use analysis found in most tools [...] These facilities accelerate the refinement of existing code into more efficient code by removing redundancy (NS), а також власне авторські спостереження/висновки: The remaining quantization noise is nearly white (WW).

Апроксиматори якості через експліцитне значення непевненості виражають авторську імплікацію впевненості, що досягається некатегоричним шляхом (див. трансформацію):

They're somewhat different issues (RT-1) → they're different issues.

We have to be a little bit careful about that (RTSI) → we have to be careful about that.

Апроксиматори даного типу також здатні інкорпорувати семи якості та семи місця:

The solution was to give the invention away, which at the time could only have been done in the university research laboratory kind of environment (RT-2).

Апроксиматори приблизної номінації предмета/процесу/явища - approximate; crude; rough; vague; subtle(ly); blur(ry); much like; (a) kind of; (a) sort of; some kind (of); loose(ly). Такі апроксиматори позначають приблизні параметри предмета, наприклад:

Writing requires a pen, music an instrument of some kind, and so forth (GB), або вказують на неможливість чіткого розподілу, межі між предметами, явищами, процесами:

The distinction between multimedia and multimodal interfaces is subtle and can be confusing. These and other technical terms are often used loosely, without a precise understanding of what they connote (GB). У такому розумінні дієслово *to blur* також має сенс апроксимативності: *Modular systems are written in languages that blur the distinction between libraries and application programs (RJ).*

За допомоги згаданих апроксиматорів також можна дати приблизну дефініцію:

In crude, layman terms, success is the abstract notion of "having gotten it". It is much like nirvana - few can achieve the state the guru reaches (SH).

Апроксиматори-узагальнювачі - general(ly); traditionally; as a rule; usually; normally; typical(ly); ideal(ly) тощо.

Апроксиматори, що узагальнюють певні явища, процеси, та предмети, вказують на щось типове, регулярне, передбачуване у більшості випадків:

It is well-known that the bilinear transform has several important advantages (PT); Typically, they rely on instruction, training, and practice with the system (SO).

Апроксиматори-обмежувачі (рестриктори) - where possible; somewhat; in a way; in a sense; in principle; to a certain degree/extent; as... as possible; if at all, if any; partly/ in part; just; technically (speaking) та ін.

Цей тип апроксиматорів передає значення обмежень, тобто певних рамок, у межах яких може відбуватися процес: *Differential circuits are used where possible (PT.)*;

... errors occurring across module boundaries can be detected only at link time, if at all (WG).

Апроксиматори-обмежувачі вказують на потенційну можливість того, що процес або явище взагалі може мати місце:

In principle, every module may serve simultaneously as a library to higher level clients and as a client of lower level libraries(WG). Такі апроксиматори також допомагають дати пояснення явища шляхом образного порівняння (апроксиматор у даному випадку позначає відносність, певну умовність такого порівняння):

In a sense, communication channels physically constrain the flow and shape of human language just as a river bed directs the river's current (SO).

Значення мовної одиниці *technically* як рестриктора наочно простежується у такому випадку:

The term accent, when used technically, is restricted to the description of aspects of pronunciation which identify where an individual speaker is from, regionally or socially (SR).

Звичайно, наведений перелік апроксиматорів, що виконують етикетні функції у англомовному науковому дискурсі, не є вичерпним. Апроксимація (*vague language* ааі *the language of approximation*) є інгерентною рисою англомовного наукового дискурсу в цілому. Вона вживається з різними цілями: як засіб передачі наукової неточності, або навпаки, як засіб більш точної передачі думки, а також як засіб навмисного намагання бути точним - у випадках, коли наведення точних даних не є принципово важливим, або коли автор не знає точної відповіді. Етикетні апроксиматори вживаються головним чином з метою досягнення максимальної некатегоричності висловлювання й використовуються як засіб некатегоричної аргументації, що і виявляється, зокрема, через некатегоричну імплікацію авторської впевненості, удавану або реальну невпевненість, гіпотетичність, обережність поглядів, уникання прямої оцінки, вуалювання недостатньої точності відомостей, а також через намагання ухилитися від крайнощів у поглядах.

ЛІТЕРАТУРА

1. Акуленко В.В. О выражении количественности в семантике языка // Категория количества в современных европейских языках. - К.: Наукова думка, 1990. - С. 7 - 40.
2. Сахно С.Л. Приблизительное именование в естественном языке // Вопросы языкознания. - 1983. - №6. - С. 29-36.
3. Шкот И.Л. Аппроксиматоры в

современном английском языке // Вестник Киевского ун-та. Романо-германская филология. - 1979. - №13. - С. 60 -63. 4. Channel J. More on approximations // Journal of Pragmatics/ - 1980/ - No. 4. - P. 461-476. 5. Channel J. Vague language. Oxford: Oxford University Press, 1994. - 226 p. 6. Marshall L. Reasoning with *Maybe* / The Sciences. - July-August 1993. - P. 44-45. 7. Wierzbicka A. Precision in vagueness: the semantics of English approximatives // Journal of Pragmatics. - 1986. - No.10. - P.597-614.

ДЖЕРЕЛА ІЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРІАЛУ

RJ - Jain R. Merging virtual and real // IEEE Multimedia. - Vol. 3. - No 4. - Winter 1996. - P. 1 - 3. WG - Grosky W. Smart - but vulnerable // IEEE Multimedia. - January-March 1997. - P. 12 - 16. NS - Newcomb P., Scott M. Requirements for advanced year 2000 // Computer. - 1997. - Vol.30. - No. 3. - P. 52 - 57. PT - Thompson P. Web-based enterprise management architecture // IEEE Communications magazine. - Vol. 36. - No. 3. - 1998. - P. 80 - 86. GB - Glinert E., Blattner M. Multimodal interaction. - Vol. 3. - No 4. - P. 13 - 25. SR - Reisman S. Web sight // IEEE Multimedia. - Vol. 3. - No 4. - Winter 1996. - P. 4 -6. SO - Oviatt S. User-centered modelling for spoken language and multimodal interfaces // IEEE Multimedia. - Vol. 3. - No 4. - Winter 1996. - P. 26 - 35. SH - Hemmady S. Attaining success in an NP-complete problem//Computer. - November 1996. - P. 130 - 136. WW - Williams L., Wooley B. A third-order sigma-delta modulator with extended dynamic range // IEEE Journal of solid-state circuits. - Vol. 29. -No 3. - P. 193 - 203. RT-1 Roundtable Debate: Upgrading the Information Structure // IEEE Spectrum. - September. - 1995. - P. 22 - 29. RT-2 Upgrading the Internet // IEEE Spectrum. - December 1995. - P. 24 - 29. RTSI State of the Internet. Roundtable 3.0 // IEEE Spectrum. - October 1997. - P. 29 - 38.

К ПРОБЛЕМЕ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА ПОХВАЛЫ

Клочко Л.И. (Сумы)

Наиболее общим признаком высказывания является его иллокутивная функция. Исследование иллокутивной функции высказывания опирается на теорию речевых актов. Суть теории речевых актов заключается в том, что в центре внимания исследователя находится говорящий и слушающий и любое высказывание говорящего рассматривается как определенное действие, целенаправленный акт. В каждое высказывание говорящий вкладывает не только определенное содержание, но и определенное коммуникативное намерение.

Моделирование речевого акта похвалы должно основываться на определении сущности речевого акта и коммуникативной ситуации, в которой он функционирует. Под РА понимается высказывание, выражающее определенное речевое действие в определенной коммуникативной ситуации. "Коммуникативная ситуация предполагает наличие адресанта, канала связи и сообщения, возникающего в конкретном физическом, социальном и жизненном пространстве" [8:51]. В соответствии с этим в РА похвалы можно выделить следующие аспекты:

1. Мотивационный аспект.

Как всякая деятельность, речевая деятельность начинается с мотивации, т.е. появление мотива - потребности говорящего передать другому коммуниканту некоторую информацию, побудить к действию и т.п. Сама речевая деятельность, как правило, "включена в деятельность более высокого порядка: обычно порождение высказывания или обмен высказываниями не является самоцелью, а выступает средством планирования и регулирования практической деятельности, обусловленной собственным мотивом. Поэтому в каждом отдельном случае мы имеем дело с определенной иерархией мотивов" [9:151].

Этап мотивации – это еще доречевой этап. На следующем этапе под влиянием данного мотива формируется общий замысел, смысловой образ того, что намерен сообщить говорящий, т.е. возникает /создается общий смысл высказывания.

Следует отметить, что мотив не совпадает с иллокутивной силой и важен для понимания речевого акта похвалы.

Мотив РА похвалы всегда определяется коммуникативной ситуацией сотрудничества - говорящий выражает позитивную оценку адресата и его деятельности. Например:

Landeck, close to forty was a senior resident. Kevin made a point of keeping Max close at hand. Taciturn, brusque, his talent for putting diagnostic pieces together was superb (Another Abe Gold).

"You should have been chief resident", Kevin once said to him. "You're the best medical man on house staff" [1:99].

Лингвисты, занимающиеся вопросами теории речевых актов, основное внимание уделяют локутивной и особенно иллокутивной составляющей речевого акта.

2. Иллокутивная сила. Иллокутивные силы высказывания имеют эксплицитные способы выражения /синтаксическая форма высказывания, знаки препинания, интонация, иллокутивные глаголы/. Иллокутивные глаголы можно отнести к "мерцательным" компонентам РА, т.к. для одних РА их присутствие обязательно, для других они факультативны. Для РА похвалы в английском языке они нехарактерны. В русском же языке иллокутивный глагол "хвалить", по-видимому, возможен только в особых случаях; например, как реакция на: "За что вы меня хвалите?" - "Я хвалю тебя за то, что..."

Иллокутивную силу можно разделить на семь компонентов: "иллокутивная цель, способ достижения иллокутивной цели, интенсивность иллокутивной цели, условия пропозиционального содержания, предварительные условия, условия искренности и интенсивность условий искренности" [14:251].

Цель того или иного типа иллокутивного акта - это замысел, внутренне присущий ему как акту данного типа. Так как РА похвалы относится к экспрессивам [14], то его цель состоит в том, чтобы выразить ту или иную психологическую установку говорящего относительно положения дел, репрезентированного пропозициональным содержанием высказывания. Иллокутивная цель речевого акта похвалы состоит в том, чтобы выразить позитивное отношение говорящего к адресату, к объекту оценки, к деятельности. При этом адресант выражая свое положительное отношение, тем самым воздействует на адресата.

Таким образом, РА похвалы содержит элемент воздействия на адресата, который "интерпретирует полученную информацию и тем самым модифицирует свой внутренний мир" [5:16].

3. Аспект адресанта /Я - аспект/.

Роль этого аспекта в общей модели РА чрезвычайно велика: во-первых, он определяет содержание сообщения и его иллокутивную силу. Во-вторых, и в содержании, и в языковой форме высказывания всегда содержатся разнообразные сведения об адресанте, о степени его коммуникативной компетенции, психическом состоянии, социальном положении, представленные как имплицитно, так и эксплицитно.

В следующем примере заведующий отделением хвалит двух врачей-интернов за правильно оказанную медицинскую помощь тяжело раненому пациенту. Выбор простых слов, кратких фраз – неслучаен. Опытный врач показывает свою положительную оценку действий молодых интернов/коллег, подчеркивая отношение к ним.

"Nice work, both of you", Dr. Gold said. "Nice splint".

Kevin Derry, a third-year medical student, studied the man's leg. It looked like a bandaged telephone pole. "Darn good job, Riley. You too, Matt" Young Derry was always polite and cheerful to drivers, orderlies, kitchen help, lab technicians. A very junior member of the hospital, he was well-known and well-liked" [1: 4].

Имплицитные сведения об адресанте выводятся адресатом из языковых и паралингвистических данных, и на основе этих данных у адресата формируется образ адресанта, который влияет на дальнейшее речевое поведение адресата. Тем самым аспект адресанта в определенной степени формирует стратегии и тактики коммуникации.

4. Интерперсональный аспект /Я – Ты отношения/.

Под интерперсональным аспектом понимаются отношения между адресантом и адресатом. В РА похвалы может выражаться целый спектр отношений между адресатом и адресантом:

1.1. официальность:

Shingler's notes on the day's interrogation were before them on the table. Briers turned again to the record of Perryman's out burst: "Well done, Norman. I want to hear you tell me all about it again." He was soaking in what he heard. He asked Ball for anything he had noticed. He confirmed that Shingler had touched a nerve. "Well done," Briers said. "I'll take that up next time I talk to him." [2:293]

1.2. неофициальность:

Профессор и студенты-медики разбирают случай с фатальным исходом. Кевин первый из студентов заявил, что причин смерти две-гипогликемия и Эддисонова болезнь, о которой никто не подозревал.

"Not bad, Derry", Dr. Rhodes said "The pathologists conclusions is pretty much like yours. We'll settle for a fatal case of myasthenia gravis, complicated by Addison's disease. A unique case. Have we found anything in the literature like it, Dr. Gold?"

"Nothing, sir."

Professor Howard was pointing at Kevin. He had a soft voice. "Mr. Derry... I'm curious. What made you suggest the complication of Addison's disease?"

"An educated guess, sir. The pathology of the adrenal glands."

"Quite a good guess. And you're being modest."

Potsy dug an elbow into Kevin's side.

"Friggin' genius. Your lucky Irish ass." [1:79]

2.1. отношения близкого знакомства:

"Nice job, Needle", I said [3:197]

2.2. отношения между малознакомыми людьми:

"Oh yes, Chief Superintendent, I'm ready to talk to you." Shingler smoothed out his notebook. "Yes," Perryman was speaking with a curious expansiveness, "I've listened carefully to your various profiles of my character. Interesting, sometimes quite flattering, if one accepted your view of my moral position. I have also followed your reconstructions of certain actions of mine. I'm going to take a leaf out of your book, Chief Superintendent, and tell you that you are an unusual man. But we have to settle our bit of business, don't we? And I'm bound to tell you that I'm getting distinctly tired of it." [2: 327].

2.3. отношения между людьми разных возрастных категорий:

When she thought of all the people in the world consigned to dull mean work, she battled a rising sense of guilt. Worse she often thought of the children she had deserted at the Brambier Institute.

"You're one of my best people, Bridgit", Helen Mc.Grory had told her. [1:395]

Эти отношения могут выражаться как эксплицитно, так и имплицитно.

Следует отметить важную особенность РА похвалы, а именно: возможность отсутствия компонента "непосредственная связь объекта положительной оценки с адресатом" [11:1].

Данная особенность указывает на то, что можно хвалить отсутствующего в момент произнесения РА адресата. Например: Кевин находится в больнице после сердечного приступа. Сын, узнав о болезни отца, позволил в клинику.

He handed the receiver to the nurse who put it back in its cradle.

"Your boy?" she asked.

"Yes. Good kid. I'd sort of lost track of him".

"It was sweet of him to call. I tell you, some of this kids. Their parents sick, and no calls, no letters" [1: 507].

5. Контекстный аспект.

В современной науке о языке, и, в частности, в таком ее важном разделе как коммуникативная лингвистика, пока отсутствует достаточно четкое разграничение терминов "ситуация" и "контекст", в силу чего указанные метаязыковые единицы могут использоваться в различных исследованиях нередко для описания одного и того же феномена: /Сравним: «речевая ситуация» [7:23], «коммуникативная ситуация и коммуни-

кативный контекст» [4:92], «ситуация жизни и контекст жизни» [2:178], «ситуация речевого акта» [10:148], «контекст произнесения» [14:242].

Вслед за Серлем и Вандервекенем мы рассматриваем контекст как один “из факторов, детерминирующих иллокутивный акт, совершаемый посредством того или иного произнесения” [14:243]. Контекст произнесения с точки зрения его формализации состоит из пяти различных элементов и множеств элементов: говорящий, слушатель, время, место и, кроме того, некоторые другие характеристики говорящего, слушателя, времени и места, связанные с совершением речевых актов. Особенно существенны в данной связи психологические состояния – намерения, желания, верования и т.д. – говорящего и слушателя.

“Пристальное изучение безграничного разнообразия доступных и недоступных непосредственному наблюдению видов контекста приводит к выводу о его системной природе” [15:172], которую можно представить в виде “следующей иерархии:

микрконтекст – межличностный, характеризующий говорящего как конкретную языковую личность, реализующую в данном коммуникативном эпизоде свою конкретную интенцию;

макрконтекст – более широкий, социокультурный контекст, характеризующий говорящего как представителя своего социума и своей /суб/ культуры;

метако́нтекст – контекст мысли и знания, характеризующий ту концептуальную систему, в рамках которой говорящий мыслит и которая отражает сложившееся в данном социуме видение мира” [16:273-274].

6. Ситуативный аспект.

Речевая /коммуникативная/ ситуация – это самый широкий контекст, в котором протекает речевая деятельность. “Речевые ситуации в целом можно признать соответствующими фреймам – тем когнитивным схемам или сценариям, что хранятся в языковом сознании и памяти речевого коллектива” [16:275].

Если факторы коммуникативного контекста конкретны и непосредственно детерминируют РА, коммуникативная ситуация выступает как генерализующая по отношению к контексту совокупность латентных параметров, детерминирующих возможный выбор вербальных средств в коммуникативном контексте /например, набор социальных ролей, отношения социально-психологической дистанции, обстановка общения/.

Существует множество классификаций коммуникативных ситуаций, в основу которых положены различные критерии [3:358], [1:6], [4:9], [12:373].

Эти классификации не учитывают индивидуально-психологического параметра ситуации общения. Принимаем точку зрения тех, кто считает возможным "разделение ситуаций коммуникации согласно типам межличностного общения, а именно: ситуация конфликта, сотрудничества, автономии и подчинения" [6:113].

Конечно, все эти типы коммуникативных ситуаций не могут охватить все реально существующие отношения в сфере межличностных отношений, однако, такое распределение, учитывая принципы речевого взаимодействия, отражает личностный и социальный аспекты в структуре коммуникации. Наше исследование ограничивается анализом коммуникативных ситуаций сотрудничества, т.к. именно в них функционируют РА похвалы.

Учитывая вышесказанное, возможно определить структуру коммуникативной ситуации похвалы как совокупность следующих параметров:

1. Коммуникативное взаимодействие /эксплицируемое как вербально, так и невербально/.

2. Субъективный параметр (который является наименее изученным и наиболее мобильным):

а) объективно-личностный: наличие определенных фреймов и норм поведения в сознании субъекта коммуникации;

б) индивидуально-психологический /наличие определенного темперамента, эмоционального настроя коммуниканта/.

3. Социальный параметр:

а) ролевые характеристики,

б) статусные характеристики.

7. Денотативный аспект составляет ядро содержания сообщения. Его наличие обязательно и является константой в модели РА похвалы. Денотативной сферой речевого акта похвалы является человек, а точнее его деятельность.

Что касается содержания всего сообщения в целом, то при эксплицитном выражении мотива и сведений о контексте и ситуации оно может иметь достаточно сложный характер. Для РА похвалы обязательным является указание на адресанта и адресата.

В качестве факультативных элементов могут включаться информационно избыточные сведения об иллюкуции РА похвалы, тем самым, усиливая ее.

8. Языковой аспект.

Конкретные лексико-грамматические средства не входят как специальные компоненты в модель РА похвалы, однако, они приобретают существенное значение при моделировании его вариантов, которые будут рассмотрены позже.

9. Метакоммунікативний аспект визначає засоби контактоустановлення, забезпечуючі початок, продовження і розширення речової інтеракції [13], [17], а також коммунікативні принципи, максими вежливості.

Учитывая выше сказанное, можно сказать, что аспектная модель РА похвалы состоит из 9 различных аспектов, которые были описаны выше. В ядро прагматической структуры входят иллокутивный, мотивационный и контекстный аспекты. Кроме того, РА похвалы требует обязательного наличия аспектов адресанта и адресата.

С точки зрения теории речевых актов на основе аспектной модели удобно систематически изучать каждый из аспектов, их взаимодействие между собой и с паралингвистическими средствами. Именно адекватное взаимодействие является одним из факторов, обеспечивающих удачность высказывания; последняя зависит также от правильного фокусирования аспекта /аспектов/.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Стратегия и тактика речевого поведения //Сб. науч.тр./ Киевск.гос.пед.институт иностр. яз. - 1983 - Прагматические аспекты изучения предложения и текста. - С. 4 - 12.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. - М.: Наука, 1988. - 341 с.
3. Гак В.Г. Высказывание и ситуация //Проблемы структурной лингвистики 1972. - М.: Наука, 1973. - С. 349 - 372.
4. Дейк Ван. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1989. - 312 с.
5. Демьянков В.З. Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике. - М.: Наука, 1988. - 86 с.
6. Дорда С.В. Комунікативно - прагматичні особливості висловлювань, що передають казяття /на матеріалі англ. мови/. - Дисертація за спеціальністю 10. 02. 04 - германські мови; Київ, 1996. - 167 с.
7. Евтушевский Ю.И. Функционирование идентифицирующих дескриптивных (сложных) наименований в различных типах речевых ситуаций. Сб. работ по лексике и методике. - Пятигорск, 1986. - 227 с.
8. Эйгер Г.В., Шевченко И.С. Принципы моделирования речевых актов // Вісник Харківського державного університету № 406. - Харків: Константа. - С. 51-57.
9. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М.: Наука, 1977. - 182 с.
10. Макаров М.Л. Метакоммунікативные единицы регламентного общения //Языковое общение и его единицы: Межвуз. сб. науч.тр./Калининск.гос.ун-т. - Калинин, 1986. - С. 66-78.
11. Міщенко В.Я. Компліменти в мовленнєвій поведінці представників англомовних (британської та американської) культур. - Автореферат дисертації за спеціальністю 10. 02. 04. - германські мови. - Харківський національний унів-т ім. В.Н. Каразіна. - Харків, 1999. - 18 с.
12. Плотников Б.А. О форме и содержании в языке. - Минск: Высшая школа, 1989. - 256 с.
13. Почепцов Г.Г. Прагматика предложения //И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. Теоретическая грамматика современного английского языка. М.: Прогресс, 1981. - С. 267 - 281.
14. Серль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 18: Логический анализ естественного языка. - С. 242 - 262.
15. Тарасова Е.В. Речевая системность и контекст // Мовна компетенція, креативність та актуальні проблеми викладання іно-

земних мов. – Харків.: Константа, 1998. – С. 168 – 175. 16. Тарасова Е.В. Речевая системность в терминах лингвопрагматики //Іноземна філологія на межі тисячоліть (Вісник Харківського національного унів-ту). – Харків: Константа, 2000. – С. 273 –279. 17. Чхетиани Т.Д. Лингвистические аспекты фатической метакоммуникации (на материале англ. яз.) Автореферат диссертации по специальности 10. 02.04. – германские языки. – Киев, 1987. – 24 с.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Green Gerald. The Healers. A Berkley Book, N Y, 1980. - 561 p. 2. Snow C.P. A Coat of Varnish. Penguin Books Ltd Middlesex, England, 1979. – 349 p. 3. Spark Muriel The Public Image. Stories. Progress Publishers, Moscow, 1976. – 291 p.

СРЕДСТВА КОСВЕННОГО ВЫРАЖЕНИЯ ИЛЛОКУЦИИ ПОБУЖДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 16 - 20 вв.

Михайлова Л.В. (Харьков)

В статье рассматриваются вопросы косвенной реализации побудительных речевых актов (далее - РА) в диахроническом аспекте. Проблема косвенности традиционно является одной из сложных и нерешенных в семантике и прагматике. Принятые в современной прагмалингвистике речеактовый и дискурсивный подходы к ее решению оказываются достаточно плодотворными, но отдельные явления все же остаются вне фокуса исследований, в частности, это взаимосвязь иллокутивной силы и семантико-синтаксического аспектов РА, а также связь побудительности с иными иллокутивными значениями РА, проблемы косвенных способов реализации РА и т.п. Для комплексного решения этих проблем используем концепцию прагматического поля, моделируем иллокутивное поле побудительности в английском языке и проследим его историческое варьирование в 16 - 20 ст.

В качестве рабочего примем определение косвенных РА как таких речевых актов, смысл или иллокутивная сила которых выводится адресатом по правилам имплицатур (1). Остановимся на этом подробнее. Целый ряд авторов утверждает, что при косвенной реализации происходит трансформация РА одного типа в другой. Представляется, что такая трактовка возникает вследствие неадекватного понимания идей Дж. Серля о том, что в косвенном РА "один иллокутивный акт осуществляется опосредованно, путем осуществления другого" (8: 196). Сам Дж. Серль подчеркивает, что в подобных случаях "предложение, содержащее показатели иллокутивной силы для одного типа иллокутивного акта, может произноситься для осуществления, кроме того (курсив Дж. Серля) иллокутивного акта другого типа" (8: 195). Тем самым Серль утверждает возможность одновременной реализации различных иллокуций.

С нашей точки зрения вряд ли правомерно говорить о том, что одно языковое явление осуществляется посредством другого (одна фонема едва ли выражает другую, единица одной части речи не служит выражением другой части речи). В этой связи целесообразно рассмотреть какие именно единицы языка служат средством косвенной реализации РА.

РА реализуется в речи высказыванием (по Г.Г. Почепцову, - предложением (3)). В случае косвенной реализации предложения наблюдается прагматическая транспозиция его коммуникативного типа. Для того, чтобы

предложение - единица языка - стало речевым актом - единицей речи, необходимо учитывать всю совокупность аспектов последнего. К аспектам речевого акта относим выделенные И.С. Шевченко (9) аспекты адресата, адресанта и их интенций, контекста, ситуации, локуции, иллокуции, денотативный и метакоммукативный аспект, поскольку лишь взаимодействие всех аспектов ведет к реализации РА того или иного типа. Так, вопросительное предложение в ситуации, отличной от ситуации спрашивания (например, побуждения), не реализует РА квеситив. Оно косвенно реализует РА директив, используя языковую единицу нехарактерной для побуждения структуры. Можно сделать вывод, что терминологически понятие косвенного РА - нонсенс, ибо косвенным (опосредованным) является не речевой акт, а лишь способ его реализации. На этом основании в дальнейшем мы используем термин "имплицитный РА" или "РА, реализованный косвенно", подразумевая под этим понятием предложение/высказывание, в котором виртуальное и актуализированное в речи не соответствуют друг другу.

Не менее важно ответить на вопрос о том, сколько речевых актов реализуется при их косвенном выражении. Отмеченная Дж. Серлем одновременность реализации нескольких иллокутивных актов трактуется отдельными авторами как реализация двух и более типов РА одновременно. С нашей точки зрения, в принципе может осуществляться лишь один РА, на что недвусмысленно указывает его определенный перлокутивный эффект: для квеситива - сообщение информации, для директива - выполнение желаемого действия. При этом ведущие и сопутствующие иллокуции сосуществуют в РА. Так, первичный иллокутивный акт, представляющий собой действительную реализацию некоего предложения речи, определяет ведущую иллокутивную силу РА, а вторичный иллокутивный акт, соответствующий буквальному значению предложения, определяет сопутствующую. Разделяя точку зрения таких авторов, как О. Герасимова (2), Р. Конрад (4), Дж. Серль (7), Г.Г. Почепцов (6), О.Г. Почепцов (7), И.С.Шевченко (9), мы считаем, что сопутствующая (буквальная) иллокутивная сила реализуется одновременно с ведущей (интендируемой). При этом имеет место лишь один речевой акт, реализуемый косвенно.

Косвенная реализация РА, как правило, контекстно обусловлена, но может быть и контекстно независимой. Рассмотрим несколько примеров, где форма предложения, его пропозиция и его потенциальная иллокутивная сила соответствуют (1) либо противоречат (2) друг другу. В первом случае форма предложения отличается от побудительной, но пропозиция прямо указывает на желаемое действие (косвенный директив с эксплицитной пропозицией):

(1) *Is the light on? (It 's very dark here) → Turn on the light!*

Во втором случае имеет место косвенное выражение имплицитной позиции. Проявление потенциальной многозначности зависит от конкретных условий речевой реализации предложения: прямое значение вопроса способно трансформироваться в косвенное побуждение:

(2) *Is the window open? → Close the window!*

Речевые акты, для косвенной реализации которых достаточен нулевой (нейтральный) контекст, имеют фиксированную языковую форму. Просьбы типа (3) контекстно независимы, в случае нулевого контекста такие предложения с фиксированным языковым несоответствием структуры и пропозиционального содержания реализуют РА побуждения (5):

(3) *Could you open the window? (Will you do it?)*

Принцип вежливости является основной мотивировкой косвенного осуществления иллокутивных актов побуждения (8). В силу принятых требований вежливости в речевом общении повелительные конструкции часто бывают неуместными, поэтому говорящий ищет косвенные средства для осуществления своих иллокутивных целей (*Will you be so kind to do it now?*). Так, использование вопросительной структуры вместо повелительной является важной частью ритуала речевого общения, обусловленного принципом вежливости. Это создает благоприятную для говорящего обстановку, снимая категоричность, обращая приказ в просьбу.

Идея системного характера речи в ее прагматическом аспекте находит свое наиболее законченное выражение в теории прагматических полей - динамических системных явлений в отличие от жестко конфигурированной структуры. Именно полевая модель дает такое представление об иллокутивных силах и РА, в котором они реализуются, которое позволяет объяснить и инвариантные конститuentы, и варианты случаи взаимного наложения отдельных иллокутивных сил в пределах РА. Это свидетельство более гибкой природы поля как проявления функциональных ролей конститuentов в отличие от структуры - проявления иерархических отношений между конститuentами, которая не способна объяснить наложение отдельных классов элементов. Построению прагматического поля предшествует инвентаризация набора иллокутивных сил.

Прагматическое поле побудительности охватывает совокупность речевых единиц, объединенных общим иллокутивным значением побуждения к действию. Речевой единицей в прагматике признаем РА. Мы отличаем собственно побудительные значения РА директивов от побуждения дать информативный ответ (в РА квеситивах) и побуждения к изменению эмотивного отношения адресата к адресанту (в РА извинения).

Иллокутивное значение побудительности является инвариантом, который входит в состав конститусентов поля всех уровней. Прагматическое значение собственно побудительности градуировано по степени выраженности иллокутивной силы - *приказ* в РА инъюнктивах и *просьба* в РА реквестивах.

По форме выражения различаем конститuentы - РА, в которых иллокутивное значение побудительности передается эксплицитно (с помощью императивных предложений) либо имплицитно (с помощью предложений иных синтаксических типов).

По принципу соотношения с другими иллокутивными значениями побудительность может быть ведущей (в директивах) либо сопутствующей (в РА иных типов).

С учетом названных выше параметров иллокутивного значения побудительности моделируем директивные РА в виде иллокутивного поля побудительности, которое имеет три уровня - ядро, центр и периферию.

Ядро поля побудительности образовано эксплицитными директивными РА с императивной структурой предложения и формами с *let*. В ядерных конститuentах иллокуция побудительности является ведущей и единственной, тем самым это моноиллокутивные РА инъюнктивы и реквестивы.

К центральной части поля принадлежат полииллокутивные РА директивы с ведущим эксплицитным значением побудительности, которое сопровождается добовочными иллокутивными значениями иных типов, а также контекстно независимые имплицитные директивы - высказывания, в которых ингерентное значение побудительности выражено непрямым способом с помощью структур с модальными глаголами типа *Will / Would you do p? Can / Could you do p?* Иллокутивное значение побудительности присуще таким высказываниям независимо от контекста и ситуации их употребления.

На периферии поля побудительности расположены имплицитные директивы с непрямым выражением иллокутивного значения побудительности, а также РА иных типов, в состав которых иллокуция побудительности входит как сопутствующая иллокутивная сила. Эти последние конститuentы образуют общие сектора с прагматическими полями иных иллокутивных типов.

Сравнительный анализ состояний иллокутивного поля побудительности в различные исторические периоды позволяет установить степень схожести и отличия, а также выяснить, какие из свойств поля остаются исторически неизменными, а какие характерны для поля на определенных этапах его развития. По нашим данным, полученным на основе ана-

лиза 6000 английских побудительных высказываний 16 - 20 вв. (по 1200 высказываний каждого столетия) и обработанных методами лингвистической статистики, наибольшие качественные изменения происходят в ядре поля побудительности: его численность сокращается с 16 века к 20 веку почти на треть (ядерные конститuentы составляют 96% поля в 16 ст. и лишь 63% в 20 ст.). Качественные изменения центра поля в наибольшей степени касаются локутивного (лексико-синтаксического) аспекта директивов и их денотативного аспекта (способов представления пропозиции. В частности, это так называемые безглагольные императивы типа *Let's to England!*, которые широко употреблялись во времена В.Шекспира, но позже исчезли.

Центральная часть поля побудительности существенно расширяется в количественном и качественном плане. С одной стороны, увеличивается численность и видовое разнообразие сопутствующих иллюкутивных значений, которые сопровождают ведущее значение побудительности в директивах. С другой стороны, состав контекстно независимых имплицитных директивов, точнее реквестивов, с ингерентным значением побудительности, расширяется: в 16 - 17 ст. функционируют только формы с *Will you do p?* Начиная со второй половины 18 ст. наряду с этой формой в речи фиксируем первые примеры употребления подобных структур с *Would, can, could*. В целом численность контекстно независимых директивов существенно возрастает (1,25% в 16 ст. - 3,2 % в 19 ст. и 5,8% в 20 ст.), например:

- (4) "*Will you be so good as to pledge me, sir?*" (Goldsmith),
"*Would you see him for just a moment?*" (Dreiser).

Необходимо отметить, что в 16 - 18 вв. побуждения с *Will you* не имеют той ориентации на нижестоящего или равного по статусу адресанта, которая закрепляется за ними в 19 - 20 вв. На более ранних этапах они употребительны и в ситуациях общения равных коммуникантов, и в ситуациях ликоповышения. Позже целям ликоповышения служат преимущественно более вежливые формы с *would, could, a will, can* связываются с ситуациями ликопонижения или с общением на равных.

Площадь периферии поля побудительности за анализируемый период увеличивается почти в десять раз (ср.: 3,9% в 16 ст. - 37,5% в 20 ст.). Изменения происходят и в качественном плане: если в ранненовоанглийский период почти половина (42,6%) директивов, реализованных косвенно, представлена повествовательными предложениями, то в 20 ст. их доля не превышает 22,3%, например:

- (5) "*I want you to give me the combination of the safe in Reisher's office*" (Close).

Напротив, доля директивов - вопросительных предложений с имплицитно представленным значением побудительности растет (57,4% в 16 ст. - 77,8% в 20 ст.), ср.: мать стремится урезонить сына:

(6) *"Why don't you settle down, Lester, and get married? You know, it's time"* (Dreiser)

Таким образом, полевое моделирование иллокутивных значений в исторической прагмалингвистике является плодотворным и надежным способом изучения отдельных типов иллокутивных значений, представления определенной конфигурации их инвариантов и объяснения случаев наложения отдельных иллокутивных значений в прагматических вариантах речевых актов, а также выявления исторически постоянных и переменных конституентов прагматического поля. В частности, полевая модель иллокутивного значения побудительности позволяет установить принадлежность речевых актов директивов, реализованных косвенным образом, к центру и периферии поля, а также проследить общую тенденцию увеличения количества и роста качественного разнообразия таких директивов к современному периоду по сравнению с ранненовоанглийским.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики. // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 16 - С. 3-42.
2. Герасимова О.И. О типах значений косвенных высказываний // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: Межвуз. сб. научн. трудов. - Калинин, 1985. - С. 150-158.
3. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. - М.: Наука, 1981. - 285 с.
4. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - Вып. 16. - М.: Прогресс, 1985. - С. 349-383.
5. Минкин Л.М. Новая теория прагматики и некоторые идеи современной лингвистики // Вісник Харків. ун-ту. - № 390 - 1997. - С. 101-104.
6. Почепцов Г.Г. Прагматический аспект изучения предложения // Иностр. яз. в школе. - 1975. - № 6. - с. 15-25.
7. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. - К.: Вища школа, 1986. - 116 с.
8. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986. - Вып. 17. - С. 195-222.
9. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16-20 вв. - Х.: Константа, 1998. - 168 с.

КОМПЛИМЕНТ КАК ПЕРЛОКУТИВНЫЙ АКТ

Мищенко В.Я. (Харьков)

Трактовка понятия перлокуции, на которой базируется предлагаемое в настоящей статье рассмотрение комплимента, имеет следующие важные особенности.

Перлокутивный акт (ПА) понимается нами как одна из трех составляющих речевого действия; двумя другими являются иллокутивный акт и социальное действие. Цель ПА, вслед за Уотсом (10: 32), мы понимаем как изменение *психического состояния* адресата, и в отличие от ряда исследователей (1, 4, 5, 7) не включаем в ее содержание изменения в *поведении* адресата, относим такие изменения к уровню социальных целей и действий (подробнее о модели иерархической системы качественно различных целей речевого действия см. (3)).

Основываясь на положении теории речевой деятельности (2, 6) о несамостоятельности речи, подчиненности ее неречевым целям, мы отступаем от точки зрения сторонников классической теории речевых актов, истолковывающих отношение иллокуции и перлокуции как «причина - следствие», и определяем это отношение как «цель - средство». Это означает, что иллокутивная (речевая) цель подчинена перлокутивной (неречевой) цели, и что ПА осуществляется посредством иллокутивного акта.

Исходя из сказанного выше, мы понимаем ПА комплимента как осуществляемое посредством иллокутивного акта комплимента действие, цель которого – вызвать положительную эмоциональную реакцию адресата, доставить ему удовольствие.

Механизм воздействия, оказываемого на адресата комплимента, основан на том, что, позитивная оценка, входящая в пропозициональное содержание высказывания, посредством которого данный ПА реализуется, а также выражаемое позитивное эмоциональное состояние говорящего, явившееся следствием этой оценки, его позитивное отношение к адресату и его желание, стремление доставить удовольствие адресату способствуют удовлетворению такой потребности, составляющей позитивное лицо коммуниканта, как потребность быть признанным и по достоинству оцененным другими членами общества. Психологи (Фрейд, Джеймс, Берн, Леви) считают, что эта потребность по своей значимости для индивида сравнима с основными жизненными потребностями (например, в пище), что стремление быть оцененным по достоинству окружающими является важнейшей особенностью человеческой природы, одним из глав-

ных мотивов, лежащих в основе поведения человека, и даже фактором, влияющим определенным образом на его судьбу.

Качественный характер перлокутивного эффекта, а следовательно, и успешность ПА обусловлены тем, в какой степени будут удовлетворены эти потребности, что в свою очередь зависит не от самого комплимента как типа ИА, а от его аспектов, т.е. от того, *как* он был сказан (языковое оформление), *кем* (имеются в виду ролевые и межличностные отношения партнеров по общению), *по какому поводу* (объект положительной оценки), *при каких обстоятельствах* и т.д.

Сравним перлокутивные акты и эффекты в приведенных ниже примерах (1), (2), (3) и (4). В (1) и (2) реализация перлокутивных актов комплимента является успешной, т.е. приводит к появлению положительного (запланированного) перлокутивного эффекта. Однако данные перлокутивные акты отличаются по силе эмоционального воздействия, что обусловлено факторами прагматического порядка.

Так, в примере (1) молоденькая девушка впервые слышит от взрослого, по ее понятиям, мужчины комплимент по поводу ее внешности.

(1) *As they had waffles after the movie Melvin said solemnly, "You are the most beautiful girl in the world, Teddy Lunel".*

"I am?" she gasped.

"Without any doubt." His glasses glittered at her. "I'm an acknowledged connoisseur of feminine loveliness, ask anyone at Collegiate."

"I don't believe you."

"It doesn't matter what you believe. That has nothing to do with it."

Teddy blushed, her ears buzzed and she was afraid that tears were about to come into her eyes. None of the compliments she had recieved in her life from grown-ups had ever meant anything, but this! (Krantz)

Сильное положительное эмоциональное воздействие (героиня краснеет, она едва сдерживает слезы) объясняется, главным образом, особым отношением адресата к говорящему, значимостью объекта оценки и мнения говорящего для адресата.

(2) *Trish came in carrying the soufflé and we all exclaimed.*

"Trish, you're marvellous", said Mollie, watching her serve it out.

Trish gave her a bright bird-like glance - "It's quite easy, really." (Cooper)

В (2) положительная эмоциональная реакция адресата гораздо менее сильная, поскольку партнеры по общению - давние приятели, объект положительной оценки - кулинарные способности хозяйки - не имеет первостепенной значимости в системе ценностей адресата, ситуация носит этикетный характер и положительная оценка воспринимается как должное. Это как раз тот случай, когда важна не сама положительная оценка,

а проявление доброжелательности, дружелюбия, вежливости, стремления доставить удовольствие адресату.

Примеры (3) и (4) иллюстрируют неуспешные перлокутивные акты комплимента, реализация которых не приводит к запланированным перлокутивным эффектам.

Пример (3) - это отрывок из рассказа R. Suckow "A Start In Life", повествующего о том, как юная девушка Дэйзи приезжает жить к своим родственникам, молодой супружеской паре Элмеру и Эдне, имеющим маленького ребенка, в надежде с их помощью как-то устроиться в жизни. Она стремится расположить к себе хозяйку дома, но понимает, что Эдна относится к ней совсем не так, как она ожидала.

(3) *Edna made a significant little face at Elmer. Daisy did not see. She was standing back from the stove, where Edna was at work, looking at the baby.*

"He can talk pretty good. can't he? Dwight couldn't say anything but mama when he was that little"

Edna's back was turned. She said meaningly:

"Now, Elmer's come in for dinner, Daisy, we'll have to hurry. You must help me get on the dinner. You can cut bread and get things on the table. You must help, you know. That's what you're supposed to do."

Daisy looked startled, a little scared and resentful. (Suckow)

Неуспешность данного перлокутивного акта комплимента можно объяснить, во-первых, различными представлениями партнеров по общению об их ролевых статусах (Эдна дает понять, что Дэйзи отводится роль домработницы), поэтому точка зрения говорящего не является сколько-нибудь значимой для адресата и, во-вторых, неуместностью (с точки зрения адресата) комплимента в данном физическом контексте. (Эдна недвусмысленно намекает, что когда ее муж ждет обед, не время говорить комплименты).

В примере (4) описана встреча родственников: мать с сыном-подростком и дочерью приехали в гости к тете (сестре матери). Дэвид хочет сделать приятное как тете, так и маме. Тете он говорит, что она пахнет как цветы, а маме - что она пахнет как соус для спагетти. Он удивляется, когда сестра одергивает его, возмущаясь его грубостью. Дэвиду непонятно, чем цветы лучше спагетти:

(4) *Marti gave each of them her usual feathery kiss on the cheek without smudging her lipstick or ruffling her short, lark hair.*

"You always smell like flowers," David said when he got his kiss.

"Why, thank you David," Marti said.

Before she could invite them inside David turned to Mom and said, "Mom, you always smell like spaghetti sauce"...

"What made you think of spaghetti sauce?"

"It's 'cuz Marti smells more like a garden, and you smell more like a kitchen."

"David, that is so rude," Christy stopped his analogy, feeling bad for Mom.

In a low voice between her teeth, she said, "I can't believe you'd say that!"

"Why?" David looked surprised. "I love spaghetti. It's just different from flowers, that's all."

Marti took the peculiar moment in her clever grasp and concluded, "I believe we have both been given a genuine compliment..." (Gunn)

Главная причина неуспешности ПА комплимента, адресованного матери, заключается в том, что у говорящего нет достаточно социального опыта, и он не знает, что если женщина пахнет кухней - это не является ее достоинством.

Как указывает О.Г. Почепцов, возможны такие ситуации, когда «орудием совершения одного перлокутивного акта становится другой перлокутивный акт, то есть ситуации, когда происходит перлокутивная цепная реакция - один перлокутивный акт вызывает другой перлокутивный акт» (5: 60). Нередко перлокутивный акт комплимента становится «орудием» совершения перлокутивных актов утешения, успокоения, ободрения. Так, в следующем примере (5) диалог происходит между бывшими любовниками. Пайт позвонил Джоржину после того, как сообщил ей в записке о том, что не может дальше продолжать с ней отношения. Его мучают угрызения совести. Зная, что Джоржин страдает, Пайт пытается хоть как-то смягчить причиненную им боль. Он говорит ей комплименты, надеясь, что это ободрит Джоржин, придаст ей уверенность в себе:

(5) "...Am I putting you off? I do want you."

"I know. Please don't apologize. You've been a lovely mistress."

She ignored his tense. "When I found the note the first thing I wanted to do was call you and what? Cry on your shoulder. Crawl into bed beside you. It was Monday night, Freddy was at Lions. I was terrified. I was alone in a big ugly house with a piece of paper in my hand that wouldn't go away.

"Don't be terrified. You're a lovely doubles partner and a fine wife for Freddy. Who else could stand him? If he lost you it would be the worst thing that's happened to him since he flunked medical school..."

She said, "It's so sad. You call to be reassured and end up by reassuring me." (Updike)

До сих пор речь шла об интенциональных ПА комплимента, т.е. таких ПА, в результате которых имел место запланированный, желательный перлокутивный эффект. Однако, не все перлокутивные акты находятся под контролем говорящего; возможны ситуации, когда реализуются перлокутивные акты и наблюдаются перлокутивные эффекты, которые не

входили в цели говорящего. На необходимость различать интенциональные и неинтенциональные перлокутивные акты и эффекты указывал еще Дж. Остин (4: 90), а вслед за ним и ряд других исследователей: Дж. Лайонз, (8: 131), Дж. Сэйдок (9: 9), О.Г. Почепцов (5). При этом следует подчеркнуть, что неинтенциональные ПА не могут называться действиями, поскольку они не подчинены осознанному целям говорящего.

Рассмотрим примеры неинтенциональных ПА комплимента.

О.Г.Почепцов описывает три типа ситуаций, в которых наблюдаются неинтенциональные ПА и эффекты (5: 65-66). К первому типу относятся ситуации, «когда произнесение высказывания имеет последствия, хотя говорящий к этому не стремился», то есть когда говорящий не рассматривает адресата как объект воздействия, в то время как адресат считает себя или является таковым.

В одном из эпизодов романа Апдайка "Rabbit at Rest" Грэг ошибочно принимает невестку Гарри (к которой тот испытывает чувства далекие от родственных) за его жену.

(6) *"My father said you'd be coming. This is Mrs. Angstrom?" He means Pru, who has come instead of Janice, who after all that tramping around yesterday wanted to stay home...*

Harry is stunned that Ed's son could make this blunder but then thinks he must deal all time with men in advanced middle age who have younger wives. And anyway Pru is no longer that young. Tall and fair-skinned like she is, she might well be his.

"Thanks for the compliment, Gregg", Harry says, pretty smoothly, considering, "but this is my daughter-in-law, Teresa." (Updike)

Ошибка Грэга свидетельствует о том, что Гарри похож на одного из тех мужчин, у которых жены намного моложе их, и следовательно, что Гарри вполне мог бы быть мужем Пру. Это льстит Гарри, доставляет ему удовольствие.

В ситуациях второго типа адресат оказывается не только объектом того воздействия, которое было запланировано, но еще и какого-то другого воздействия.

Элизабет обвиняет Джудит в том, что Джорж из-за нее уезжает на войну. Хотя Джудит понимает всю серьезность и опасность принятого Джоржем решения, ей приятно осознавать, что она сумела покорить еще одно мужское сердце.

(7) *"That silly boy," Judith said to Elizabeth. "Why on earth would George do a thing like that? I suppose he thinks war is romantic."*

"Another type of romance, I think. He's running away."

"From his father?"

"From you."

"George pays no attention to me. When I'm around he hardly ever speaks."
"You have a way with men," Elizabeth told her dryly. "George is in love with you. He's too honorable to stand the thought of coveting his father's wife so..."

"Silly boy!" Judith repeated, but she looked faintly pleased. (Shannon)

В данном случае адресат становится не только объектом воздействия, цель которого - вызвать чувство вины, но также объектом другого, непреднамеренного воздействия, вызвавшего у адресата положительную эмоциональную реакцию.

К третьему типу относятся ситуации, когда адресат оказывается объектом не того воздействия, который говорящий хотел на него оказать, а какого-то иного воздействия.

Диана Врилэнд, владелица агентства моделей случайно замечает девушку с типом внешности, который она давно искала:

(8) A dozen models were parading all about her. And there I sat like a toad, taking in the whole scene. Suddenly - in the middle of a sentence - Diana Vreeland stopped and pointed a long, white-gloved finger at me. "You!" she said.

"Me."

"Yes, you... you have a great presence," she said, her great eagle eyes piercing me.

"Thank you," I said. "So do you." (Krantz)

Говоря героине "You have a great presence", Диана Врилэнд имеет в виду, что эта девушка ей подходит. Однако адресат понимает или, скорее, делает вид, что понимает ее слова иначе - как комплимент. Таким образом, происходит неинтенциональный ПА комплимента.

Итак, ПА комплимента могут быть успешными и неуспешными, интенциональными и неинтенциональными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Восканян Г.Р. Интеракционный анализ диалогических текстов // Семантика и прагматика единиц языка в тексте. - Ленинград: ЛГПИ, 1988. - С. 26 - 34.
2. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. - Москва: Просвещение, 1969. - 214 с.
3. Мищенко В.Я. К проблеме интеграции теории речевых актов и теории речевой деятельности // Вісник Харківського державного університету: № 424. Романо-германська філологія. - Харків: Константа, 1999. - С. 101 - 105.
4. Остин Дж. Л. Слово как действие: Пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. - Москва: Прогресс, 1986. - С. 22 - 29.
5. Почепцов О.Г. Основы прагматического описания предложения. - Киев: Выща школа, 1986. - 115 с.
6. Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. - Москва: Наука, 1979. - С. 5 - 147.
7. Чахоян Л.П., Невзорова Г.Д. Коммуникативная интенция в структуре речевого произведения // Речевые акты в лингвистике и методике. - Пятигорск: ПГПИИЯ,

1986. – C.17 – 21. 8. Lyons J. Semantics. – Cambridge etc.: CUP, 1977. – 324 p.
9. Sadoch J.M. Toward a linguistic theory of speech acts. – New York etc.: Academic Press, 1974. – 125 p. 10. Watts R.J. The pragmalinguistic analysis of narrative texts. – Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1981. – 239 p.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Cooper W. Immortality at any price. – Sinclair – Stevenson Limited, 1991. 2. Gunn R. The island dreamer. – Grafton Books, 1991. 3. Krantz J. Mistral's daughter. – Bantam Books, 1985. 4. Shannon D. Family money. – Bantam Books, 1984. 5. Suckow "A Start In Life" // Eleven American Stories. – Moscow: Progress, 1978. – P. 98 – 112. 6. Updike J. Couples. – Penguin Books, 1968. 7. Updike J. Rabbit at rest. – Penguin Books, 1991.

ЦВЕТОВАЯ КОННОТАЦИЯ КАК ФОРМА ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИРА

Пастушенко Т.В., канд. филол. наук (Киев)

Семантический потенциал цветонаименования обусловлен богатством фоновых знаний человека о феномене цвета, которые являются неиссякаемым источником дополнительных смысловых компонентов цветовых номинаций. Цветовые ассоциации, занимающие определённое место в концептуальной модели мира, не всегда находят своё отражение в коррелирующих элементах языковой модели мира. Однако любой аспект представления о цвете (коллективного или индивидуального) в случае коммуникативной необходимости может быть перекодирован средствами языка в коннотативный компонент смысла цветонаименования, реализующегося в речевой ситуации.

Среди коннотативных компонентов содержательной структуры номинативных единиц традиционно выделяются эмотивный, оценочный, функционально-стилистический. Мы же исходим из широкого понимания термина коннотация. Помимо вышеуказанных микрокомпонентов мы относим к коннотативной сфере любые оттенки значения ассоциативного характера, являющиеся дополнительными к основному. Имплицитная информация, носителями которой являются коннотативные компоненты, — результат установления ассоциативных связей между разноприродными сущностями вследствие общности вызываемых ими впечатлений либо непосредственного контакта в видимом мире. Так, цветовые признаки ассоциируются с любыми реальными, мыслимыми или воображаемыми объектами, явлениями, ситуациями и т.п. на основе фоновых знаний человека, его психофизиологического, культурно-символического и социального опыта.

Особенности цветовой коннотации определяются, по нашему мнению, происхождением ассоциации, связывающей цветовой образ с какой-либо другой сущностью.

Переосмысление цветонаименования в процессе лингвокреативной мыслительной деятельности опирается на ту сферу фоновых знаний человека, в которую информация поступает из индивидуального или социального опыта его жизнедеятельности в видимом пространстве, изобилующем цветовыми сигналами (гносеологически и коммуникативно значимыми для человека), а также из фонда сверхиндивидуальных знаний, накопленных предыдущими поколениями языкового коллектива и хранящихся в самых разнообразных знаковых формах.

Существует два источника представлений о том или ином отрезке цветового пространства: эмпирический и семиотический. Соответственно, коннотативный компонент семантики цветоименований может иметь эмпирическое либо семиотическое происхождение.

Ассоциативно-цветовые образы эмпирического происхождения составляют основу коннотативных значений цветоименований двух типов: эмотивно-аффективных и эмпирических. Первый тип коннотативных значений обнаруживает зависимость не только от представлений человека о том или ином цветовом образце, но также от объективных, имманентных свойств природных цветовых стимулов.

Эмотивно-аффективный компонент в содержательной структуре цветовой номинации – это дополнительный элемент смысла цветоименований, коммуникативно-функциональная нагрузка которого заключается в возбуждении у адресата определённой эмоции или стимулировании прогнозируемого эмоционального состояния посредством актуализации в его сознании заданного цветового образа. При этом ожидаемый эффект должен быть аналогичным эффекту, который вызывает непосредственное воздействие соответствующего цветового раздражителя на зрительный анализатор человека.

Формирование эмотивно-аффективного компонента в содержательной структуре цветоименований, в отличие от формирования собственно эмотивного компонента, не имеет никакой опоры на ассоциативно-образную мотивацию.

Механизм воздействия цветового образа, создаваемого средствами языка, на эмоциональную сферу человека основывается на способности сознания искусственно вызывать ощущение цвета, а также весь комплекс других, связанных с ним ощущений и эмоций.

Эмоциональный заряд, который несёт цветоименование или группа цветоименований, содержащих эмотивно-аффективный компонент, определяется типичным потенциалом воздействия соответствующего реального цветового стимула при общей поддержке контекста, который способствует “поддержанию” (термин И.А. Стернина (2 : 115-118)) семы эмоциогенности данного цветоименования (или группы цветоименований). Следующий фрагмент художественного текста содержит ряд цветоименований, элементом контекстуального смысла которых является эмотивно-аффективный компонент:

“The little, sad, watery sun sputtered out like a lantern, and after a few minutes of wan greyness, shone more clearly, as if it had been relighted and hung up again in the sky. Colour flowed back into the landscape, trickling in shallow streams of blue and violet through the nearer fields and evaporating into dark fire where the broomsedge enkindled the horizon” (E. Glasgow).

Хроматические цветовые сигналы, которые более приятны человеческому глазу, приходят на смену ахроматическим, вызывающим ощущение скуки и "бесцветности": после безрадостной серости (*greyness*) с появлением солнца возвращается свет и цвет (*colour, blue, violet, dark fire*), что стимулирует смену эмоционального настроя адресата в положительную сторону. Отмечается также скоординированность языковых средств, которая обеспечивается общностью их прагматического потенциала: прагматическая нагрузка цветоименований органично вливается в общий контекст, создающий соответствующий фон скуки, сменяющийся приливом бодрости и надежды.

Эмоциогенный компонент семантики цветоименования выступает как семантическая сущность прагматической направленности, которая обеспечивается потенциалом воздействия природного цветового сигнала (присущим или приписываемым ему человеком). Его синтез эмоциогенного компонента в содержательной структуре цветоименования осуществляется как реализация способности слова таким же образом воздействовать на органы чувств человека, каким и то, что оно обозначает.

Среди цветовых коннотаций эмпирического происхождения выделяется также эмпирический тип коннотативного значения. К эмпирическим значениям цветоименований мы относим коннотативные смыслы, которые возникают в семантике цветоименования при условии его реализации в соответствующем контексте таким образом, что предыдущий опыт взаимодействия с окружающим миром позволяет адресату сообщения адекватно "расшифровать" дополнительную информативную и коммуникативную нагрузку, закодированную в содержательной структуре данного цветоименования. Вся совокупность элементов ситуации абстрагируется в один обобщенный образ – цветовой.

Коннотативные значения цвета указанной группы – продукты речи, как правило, не закреплённые в системе языка, однако осознающиеся всем языковым коллективом в силу регулярности связи между какой-либо ситуацией и цветовым сигналом, что и определяет его коммуникативно-информативную значимость.

Основное значение цветоименования дополняется в данном случае смысловым оттенком эмпирического происхождения:

"She liked the little trim curly moustache which did not conceal his full red lips. He had black hair, short and brushed very sleek. But of course his eyes under thick, bushy eyebrows were his best feature: they were so very blue, and they had a laughing tenderness which persuaded you of the sweetness of his disposition. No man who had those blue eyes could bear to hurt any one" (S. Maugham).

В обыденном сознании человека голубой цвет глаз связывается с такими личностными чертами, как наивность, невинность, добродетельность на основе наблюдений и соответствующих выводов, сделанных предыдущими поколениями языкового коллектива. Именно это представление легло в основу контекстуального коннотативного компонента – семы “невинности и добродетельности” в семантическом составе цветоименования.

Эмпириальный коннотативный компонент в семантике цветоименований содержит концентрированное знание о некоторой внеязыковой ситуации, репрезентация которой осуществляется посредством цветового образа.

Коннотативные значения цветоименований могут также базироваться на информации, которая хранится и передаётся членами социума в разнообразных знаковых формах. Такого рода информация составляет семиотический источник формирования цветовых образов. Ассоциативно-цветовые образы семиотического происхождения ложатся в основу коннотативных компонентов семантики цветоименований, носящих культурный либо социальный характер.

Культурные компоненты семантики цветоименований, как правило, являются принадлежностью семантической структуры устойчивых сочетаний, сложных слов, в состав которых входят цветоименования, либо отдельных системных лексико-семантических вариантов, в которых способно реализоваться данное цветоименование.

Культурный компонент вмещает в себя информацию, которая закрепляется языковым знаком как элемент совокупного культурного знания об обозначаемой реалии и языковом корреляте, накопленного отдельной культурно-языковой общностью и отражающего именно ей свойственное понимание или восприятие означенной реалии (либо реалии, существующей только в данной культурной общности).

Цветовая номенклатура английского языка отличается богатством и разнообразием культурных коннотаций. Практически все цветоименования (исключая лишь периферийные, обозначающие оттенки, то есть не совсем определённые цветовые образцы) несут на себе отпечаток тех или иных культурных явлений или видений, а также особенностей цивилизации.

Культурный коннотативный компонент, к примеру, содержится в семантической структуре устойчивого сочетания *white hat* (“*a good guy, a hero*”): по белому цвету шляпы американские зрители отличали положительных героев от отрицательных, которые носили, соответственно, чёрные шляпы, в вестернах – жанре кино американского происхождения (4).

Надо отметить, что решающая, в данном случае, роль цвета совпадает, а скорее даже определяется универсальной оценочностью белого и чёрного цветовых концептов (соответственно положительной и отрицательной).

Помимо национально-культурных реалий, культурный компонент цветоименования может определяться интересубъективным опытом взаимодействия с теми или иными реалиями, который, однако, получает специфически национальную языковую интерпретацию. В таком случае цвето-образные ассоциации возникают и закрепляются в сознании отдельного языкового коллектива.

Так, в основе производного значения глагола *to grey* лежит ассоциативный цветовой образ культурно-национального происхождения: "(of a population) *to come to have an increasingly large proportion of old people*" (3). Как видим, феномен "старения" нации представлен в образной форме, причём использование цветового концепта *grey*, который указывает на поседение большого количества людей, – это языковая интерпретация данного про цесса, характерная именно для британской культуры.

Среди цветовых номинаций, имеющих семиотическое происхождение, выделяются также социально-политические. Социально-политическая коннотация в семантике цветоименований отражает особенности системы социальных и политических связей, существующих в данной языковой общности, а именно: общественный статус и взаимоотношения представителей различных рас и национальностей; статус и соотношение различных политических сил в обществе, а также за его пределами (в международной политике); общественный статус представителей разного рода занятий и профессиональной принадлежности; статус представителей различных религиозных течений в обществе.

Пожалуй, наиболее полно представлена в содержательной структуре единиц цветовой номенклатуры система межрасовых и межнациональных отношений в обществе, что отчасти объяснимо наличием реального цветового признака кожи, который является одним из отличительных в расовой и национальной дифференциации. К примеру, существительное *redskin* и словосочетание *Red Indian* ("краснокожий"), служащие для обозначения коренных жителей Америки, отображают в своём семантическом устройстве негативное отношение к данной категории населения, используются как уничижительные наименования, поэтому в словарях они фиксируются как нежелательные для употребления ("*impolite words*") (1).

Напротив, нейтральной, с точки зрения расовых отношений, является номинация *black* ("чернокожий, негр"), предпочитаемая самим чернокожим населением: в данном случае цветовой признак кожи выступает пред-

метом гордости его носителей ("the term preferred by black people themselves, reflecting the pride in their African origins expressed by the concept of *negritude*") (1).

Метафорическое значение прилагательного *colour-blind* "не имеющий расовых предрассудков" ("making no distinctions on grounds of skin colour or ethnic origin") (3) зафиксировало официальный курс британской социальной политики - соблюдение прав представителей всех рас. Именно это направление социальной политики обусловило позитивную оценочность данного слова, что подтверждается следующим примером: *Influx control should be replaced by a colour-blind "strategy for orderly urbanisation" in which a specially created urbanisation board would play a key role* ("Guardian", 13 Sept. 1985).

Таким образом, семантика цветонаименования способна отображать разнообразные составляющие представлений человека о цветовом поле, его структуре и особенностях в эмпирическом, культурном или социальном преломлении. Цветовые коннотации, закрепляющие ассоциативные связи, которые устанавливаются языковым коллективом, выступают как форма языковой интерпретации опыта взаимодействия человека с природным цветовым пространством, а также культурных, социальных и политических особенностей, характеризующих языковое сообщество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринбаум С. Уиткат Дж. Словарь трудностей английского языка. – М.: Рус. яз., 1990. 786 с.
2. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж, 1985. – 171 с.
3. Эйто Дж. Словарь новых слов английского языка. – М.: Рус. яз., 1990. – 434 с.
4. Spears R.A. Dictionary of American Slang and Colloquial Expression. – Lincolnwood (Illinois): National Textbook Company, 1991. – 528 p.

КОНЦЕПТ «БОГ» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

Полина А.В. (Харьков)

В данной статье рассматривается совокупность осознанных вербализованных представлений о концепте «Бог» в коллективном сознании представителей английской культуры и анализируются различные фрейм-овые структуры, описывающие концепт «Бог», его содержательные и структурные аспекты. В результате многовековой эволюции аспектов этого концепта в английском когнитивном пространстве (термин В.В.Красных (4:54)) складывается целостное понимание, совокупность перцептивных и концептуальных знаний о данном объекте реального мира. Мы связываем этот этап развития концептуальной категоризации понятия «Бог» с изданием в 1611г. Библии короля Иакова (King James Version), официально принятого английского перевода Библии. В этом первом полном собрании библейских текстов на английском языке отражены сложившиеся общие представления о данном концепте в религиозной картине мира жителей Англии. Наша выборка содержит более 10000 примеров упоминания различных качеств Бога.

В основе такого подхода лежит понимание концепта как понятия историко-социального, что обуславливает необходимость непосредственного соотнесения того или иного концепта с конкретной эпохой и социумом, ср.: концепты «рождаются в процессе восприятия мира, создаются в актах познания, отражают и обобщают человеческий опыт и осмысленную в разных типах деятельности с миром действительность» (6:37). На этом основании нами избран определенный период развития концепта «Бог» – 17 век – и его отражение в текстах Authorized King James Version.

Размышляя о судьбах когнитивной лингвистики в начале XXI в., Е.С. Кубрякова считает плодотворной «когнитивно-дискурсивную версию когнитивизма, предполагающую многофакторный анализ каждого изучаемого языкового явления по его роли как для осуществления познавательных процессов, так и процессов коммуникации – и, следовательно, принцип системности, согласно которому каждое изучаемое языковое явление должно быть описано по его статусу не только относительно языковой системы непосредственно, но и относительно тех более «высоких» систем, частью которых является сам язык» (5:7).

Когнитивная лингвистика основана на системно - деятельностном подходе к анализу речевой коммуникации. Он заключается в том, что «язык рассматривается как неотъемлемая часть и органическая составляющая человеческого разума, тесно взаимосвязанная с другими когнитивными

структурами и процессами: восприятием, мышлением, памятью и другими» (2:213). Поэтому в модель речевой коммуникации вводится личность со всей совокупностью ее когнитивных, социальных и коммуникативных аспектов. Тем самым подтверждается справедливость предлагаемой социально-исторической трактовки концепта: «речевая деятельность, как часть общей системы человеческой деятельности, характеризуется социальной детерминированностью и изменчивостью в зависимости от конкретного социума, культуры, этоса в определенный период их исторического развития» (11:301).

Концепт – это основная ячейка культуры в ментальном мире человека. По определению Ю.С. Степанова, «концепт – явление того же порядка, что и понятие... Это как бы сгусток культуры в сознании человека, то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека», а также, «то, посредством чего человек – рядовой обычный человек... – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее... Концепт существует не в виде четких понятий... Тот пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают данное понятие, и есть концепт... Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» (9:40-41).

Е.С.Кубрякова добавляет, что «концептом может быть понятие, образ, схема действий, гештальт или картина» (7:141). Главное в том, что при осмыслении бытия человек использует данную сущность холистично, целостно. Это – целостное образование, способное меняться, пополняться и отражать человеческий опыт.

Концепт обладает сложной структурой, куда входит все, что делает его фактом культуры. Выделяют три компонента или слоя: (1) основной, актуальный или универсальный признак, определяющий функционирование концепта в современную эпоху; (2) дополнительный или несколько дополнительных «пассивных» признаков, которые формировались в процессе существования концепта, и являются не актуальными, относительно, «историческими»; (3) внутренняя форма, обычно не осознаваемая, выраженная во внешней, словесной форме (этимология) (9:44).

Особенность данного концепта заключается в его национально-культурной специфичности. Он возникает в определенный период человеческой истории вместе с объектом реальности, который он определяет, обрастая информацией в виде дополнительных трактовок, оттенков значений, ассоциаций и т.п. в процессе функционирования, пока достигает настоящего момента в том виде, каким его воспринимает наш современник. Поэтому для воссоздания концепта обратимся к первому (этимологическому) слою и проанализируем первичное представление о концепте «Бог» в английской лингво-культурной общности, по образному выра-

жению Ю.С.Степанова в те времена, когда он «был еще полностью нужным» (9:47).

Исследователи этимологии слова «Бог» в германских и славянских языках, отмечают, что это понятие восходит к понятию «вселенная», двуединая и преимущественно светлая (10:179). Но данный этимон выводился на основе реконструкции древних языковых форм, которые восходят к дохристианской эпохе. В христианстве (см. Ветхий и Новый Завет) Бог понимается совершенно иначе, не как «двуединая вселенная», а как Личность, обладающая определенными качествами и определенным отношением к человеку. Так как прагерманские религиозные культы не дают возможности проследить этимологическую форму концепта «Бог» в его христианской трактовке, обратимся для этой цели к христианскому первоисточнику – Библии.

Словом «Бог» при переводе обозначено несколько понятий, вернее, имен или качеств Бога в еврейском оригинале: «Эл, Элоим» (Бытие 1:1; Бытие 10:1) – *единый Бог во множественном числе, Творец неба и земли Промыслитель Вселенной, Достопоклоняемый Бог всего видимого и невидимого*; «Элион» (Бытие 14:18-20; Бытие 20:13; Псалом 7:18) – *Всевышний Бог, обладающий превознесенным положением*; «Адонай» (Исаия 6:1) *Господь, Всемогущий Владыка*; «Ягве» (Иегова) (Исход 3:14, Исход 15:2,3) – *Я есмь Сущий; Существо самобытное, независимое, безусловное, вечное*; «Шаддай» (Бытие 17:1; Бытие 28:3) – *Всемогущий* (1:96). Как видно, в христианской традиции возникают некоторые трудности с определением этимологии слова «Бог», так как оригинал иврита содержит несколько основополагающих понятий, не отдавая предпочтения ни одному. На этом основании можно вывести как бы «объединенную внутреннюю форму»: «Бог» – *Всемогущий и вечный Творец, обладающий превознесенным положением Владыка, существующий один во множественном числе*. Тем самым уже в этимологии проявляется комплексный характер концепта «Бог».

В религиозном сознании выделяется несколько десятков отдельных значений концепта «Бог» куда входит более 100 различных качеств, которые мы объединяем в 4 крупных фрейма: *GOD – LOVE, GOD – LORD, GOD – TRUTH, GOD – SUPERNATURAL BEING*, описывающие личностные качества Бога и Его отношение к сотворенному Им миру. В этих фреймах, или концептуальных моделях, формирующих концепт, выделяем прототипические и периферийные составляющие:

GOD – LOVE: Redeemer, Saviour, Merciful, Forgiving, Loving, Father, Longsuffering, etc.

GOD – LORD: King of Kings and Lord of Lords, Judge, Just, Possessor of Heaven and Earth, Lawgiver, Most High, etc.

GOD – TRUTH: Righteous, Lord of Knowledge, wise, doesn't lie, etc.

GOD – SUPERNATURAL BEING: knows everything, omnipresent, eternal, works wonders, etc.

Проблема целостности концепта, принадлежащего любому уровню абстракции, рассматривается исследователями в двух взаимосвязанных направлениях, которые, на наш взгляд, можно условно определить как эйдетическое и логическое. Такое определение соответствует философской концепции А.Ф.Лосева (8), где речь идет о проявленности мысли в двух основных формах: «эйдос» как нерасчлененная целостность и «логос» как целостность расчлененная и структурированная.

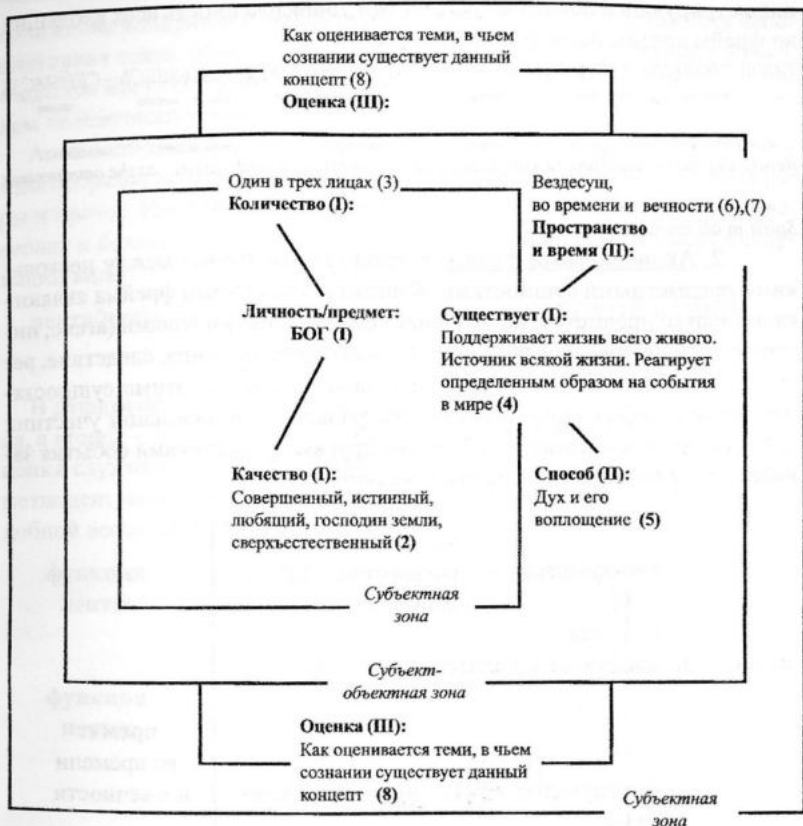
Эйдетический анализ концепта в большей мере концентрируется на его сущностной природе, то есть на том, как целостный концепт существует в мышлении. Логический анализ концепта предполагает возможность его внутреннего членения. Этот вид анализа направлен на установление закономерностей внутренней организации концепта, на выявление его элементов и моделирование их взаимосвязей.

Если предложенный выше прототипический анализ концепта может быть отнесен к эйдетическому, то анализ в соответствии с предложенными «слоями» концепта Ю.С.Степанова относится скорее к логическому. Представляется, что эйдетический и логический подходы к анализу вербализированных концептов взаимодополняют друг друга: воссоздаются концептуальные модели, структурирующие центральную и периферийную зоны прототипических категорий (6), а также модели концептуальных архетипов, охватывающих семантические примитивы.

В качестве концептуальных моделей выступают фреймовые структуры. Конституентами типовых фреймов являются понятийные сущности, объективированные в категориальных значениях частей речи. Тип фреймовой структуры зависит от того, какие слоты она включает и как эти слоты связаны между собой. С.А.Жаботинская предлагает пять типов фреймов (3:18), три из которых могут быть использованы для структурирования исследуемого нами концепта.

1 Предметноцентрический фрейм: к логическому субъекту примыкает несколько логических предикатов, характеризующих его по количественному, качественному, бытийному, локативному, темпоральному и оценочному параметрам. Ментальный образ предмета, последовательно разворачивающийся в своих конкретно-бытийных моментах есть «текст», в котором предмет исчисляется в своих свойствах и качествах, но остается единым, как идея. В этом и заключается единство эйдетического и логического плана концепта (3:19).

Предметноцентрический фрейм концепта «Бог» может быть представлен следующим образом:

Этот фрейм отражает порядок наращивания информации об объекте по мере его созерцания:

1) ЧТО/КТО 2) КАКОЙ 3) СКОЛЬКО 4) ЧТО ДЕЛАЕТ (СУЩЕСТВУЯ) 5) КАК СУЩЕСТВУЕТ 6) ГДЕ СУЩЕСТВУЕТ 7) КОГДА СУЩЕСТВУЕТ 8) КАК ОЦЕНИВАЕТСЯ. Порядок прочтения этого «повествования» о предмете задается на основе фреймовой модели с системой многоуровневых пропозиций. Предикаты пропозиций, соотносящиеся с предметом непосредственно либо опосредованно принадлежат к трем зонам предметной рефлексии: объектной, представляющей самотождественное бытие предмета как такового; субъект-объектной, представляющей его событие с субъектом наблюдателем; и субъектной, представляющий его оценку наблюдателем. Они соответственно включают предикаты первого, второго и третьего порядков. В английском языке моделью-скриптом,

иллюстрирующей последовательность и упорядоченность всех входящих во фрейм слотов, является следующая:

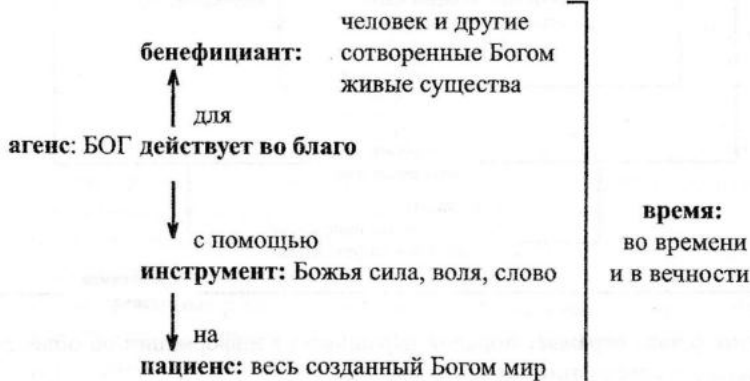
ТАК ||| СТОЛЬКО | ТАКОГО НЕЧТО (НЕКТО) || СУЩЕСТВУЕТ | ТАК | ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС |||

Оценка количество качество предмет инобытие способ место время

так столько такого некто существует существует так/здесь
Really, the only Perfect and Loving God is the source of all life and exists as the omnipresent

так сейчас
Spirit in all times and in eternity.

2. Акциональный фрейм моделирует отношения между несколькими предметными сущностями. Конституентами этого фрейма являются несколько предметов, наделенных семантическими ролями (агенса, инструмента, пациенса, адресанта, бенефицианта, цель, причина, следствие, результат...). Они отражают характер отношений между этими сущностями, среди которых одна (агенса) – центральная. Это основной участник события. Распределение ролей между другими участниками события зависит от выполняемого агенсом действия.

На первый взгляд может вызывать сомнения факт, что данный фрейм характеризует любое действие Бога как благое. Но библейское понимание Бога и Его действий именно таково, что даже «жесткие» меры приводят к добрым результатам (ср. Иеремия 29:11; Иов 5:17,18).

Модель-скрипт в английском языке имеет следующий вид:
СТОЛЬКО | ТАКОГО НЕЧТО (НЕКТО) || ДЕЙСТВУЕТ НА | ПАЦИЕНС | ПРИ ПОМОЩИ ИНСТРУМЕНТА | РАДИ БЕНЕФИЦИАНТА

такой некто действует пациенс инструмент бенефициант
Loving God influences the whole world with the help of His power for the benefit of a man.

3. Ассоциативные фреймы иллюстрируют отношения подобия, основанного не столько на «положении вещей» в онтологии, сколько на

сближении концептов в мышлении человека. Такое сближение есть ассоциативная связь, объективированная в метафорах и сравнениях языка. Сходства могут быть объективно существующими в мире или быть плодом человеческого воображения.

Ассоциативный фрейм концепта «Бог» позволяет структурировать все многообразие ассоциативных связей, основанных на принципах метафоры и прочее. Например: *Имя Господа крепкая башня. Убегает в нее праведник и безопасен* (Притчи 18:10). Ассоциативный фрейм имеет следующий вид:

некто/нечто: БОГ ————— подобен ————— некто/нечто: КРЕПКОЙ БАШНЕ

схема А

В данном фрейме (схема А) первый предмет – это то, что сравнивается, а второй – то, что привлекается для сравнения. Основанием для сравнения служит один или несколько параметров, представленных в предметноцентрическом фрейме. Схема Б – развернутое представление подобной ассоциации.

схема Б

Примером объективирования подобного фрейма служит:

Duke: Heaven doth with us as we with torches do, not light them for themselves; for If our virtues did not go forth of us 'twere all alike as if me had them not. /Shakespeare, Measure for Measure. I, i, 32-33/.

Схематически это можно представить в виде следующей модели-скрипта:

некто/нечто действует так подобно некто/нечто действует так в функции
Heaven doth with us as we with torches do, not light them for themselves;

Таким образом, рассмотрение концепта как единства плана выражения и плана содержания предполагает анализ исторической специфики отражаемого понятия в каждую отдельно взятую эпоху в соответствии с развитием языка и историческими изменениями, касающимися содержательной стороны концепта. В коллективном религиозном сознании ан-

гличан 17в. выделены четыре прототипических значения концепта «Бог»: *GOD – LOVE, GOD – TRUTH, GOD – LORD, GOD – SUPERNATURAL BEING*, объединяющие несколько десятков периферийных составляющих. Концепт «Бог», по нашим данным, может быть адекватно структурирован в виде трех фреймов: предметноцентрического, акционального и ассоциативного, причем основополагающая роль принадлежит предметно-центрическому фрейму, за счет которого разворачиваются другие фреймовые структуры.

В соответствии с принятым в данной работе эволюционным диахроническим подходом к анализу материала, развитие концепта «Бог» и его вербализация в английском языковом сознании в различные эпохи развития английской культуры составит предмет дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Когнитивное пространство определяется В.В.Красных как «определенным образом структурированная совокупность всех знаний и представлений, присущих либо (1) конкретной языковой личности, либо (2) тому или иному социуму» (4:54).

ЛИТЕРАТУРА

1. Библийская енциклопедія. Труд и издание архимандрита Никифора. – М.: Терра, 1990 – 902с. 2. Герасимов В.И. К становлению когнитивной грамматики // Современные зарубежные грамматические теории. Сборник научно-аналитических обзоров/ Под ред. Березина Ф.М., Кубряковой Е.С. – М.: 1985 – С.213-242. 3. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов // Вісник Черкаського Університету. Серія Філологічні науки. Випуск 11 – Черкаси – 1999 – С.12-25. 4. Красных В.В. Строение языкового сознания: Фрейм-структуры // Когнитивная семантика. Материалы II международной школы-семинара. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2000. – С.53-55. 5. Кубрякова Е.С. В начале XXI века // Когнитивная семантика. Материалы II международной школы-семинара. – Тамбов: Изд-во ТГУ. – 2000. – С.6-7 6. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997 – 327с. 7. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М., 1988. 8. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: 1990. 9. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., Языки русской культуры, 1997 – С.40-47. 10. Таранец В.Г. Спорідненість етимологій слова "Бог" в германських та слов'янських мовах // Актуальні проблеми вивчення мови та мовлення міжособової та міжкультурної комунікації. Міжвуз. зб. наук. праць. – Харків: Константа, 1996 – С.177-179. 11. Шевченко І.С. Об историческом развитии когнитивного и прагматического аспектов дискурса. // Вестник Харьковського університета – 2000 - №471 – С.300-307. 12. The Thompson Chain – Reference Bible. Fourth improved edition updated. King James Version. – B.B.Kirkbride Bible Co., Inc. Indianapolis, Ind., 1964. – 1345 p.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНА ГРУПА ВИКРИВЛЕННЯ ІСТИНИ

(на матеріалі лексики англійської мови)

Потапова О.І. (Харків)

Необхідність вивчення слів не ізольовано, а в співвідношенні з іншими словами, тобто як систему, була відзначена давно. Ще в другій половині 19-го сторіччя професор Московського університету М.М. Покровський відзначив загальні закономірності розвитку значень слів, пов'язаних за змістом. Але спроби подати словниковий склад як єдину систему були зроблені тільки в 20-м сторіччі.

З розвитком когнітивної науки увага лінгвістів звернулася до вивчення зв'язку мови та мислення. Вчені намагаються зрозуміти, чим обумовлюється природна мова і як вона, в свою чергу, обумовлює сприйняття, збереження інформації і її використання людиною. Дані мови мають величезне значення для розуміння процесів мислення, оскільки в мові закріплена концептуальна система людей, що говорять на ній. Тому дослідження словникового складу мови як системи вважається досить важливим.

Шляхом відтворення зв'язків мовної системи створюється мовна модель, що розуміється як специфічна форма відображення, як спосіб наукового пізнання об'єктивного світу. Основу зв'язку слів вчені бачуть в існуванні певної взаємозалежності між предметами і явищами, що позначаються цими словами (1: 7). З іншого боку, зв'язок між словами пояснюють особливостями будови розумового апарату. Групи тематично споріднених слів у словниковому запасі носія мови проєктуються на концептуальні структури. По теорії лексичного поля, концептуальні структури, що охоплюють весь світ, є органічним цілим, що виражає той особливий спосіб відображення нацією дійсності (5).

Значення слова - відносно мала концептуальна ділянка в рамках концептуального поля. Концептуальна ділянка, що виступає в ролі значення слова, називається концептом (5: 401). Весь словниковий склад мови - єдина інтегрована, ієрархічна система, що поділяється на поля двох типів, паралельних одне одному : а) концептуальні поля і б) лексичні поля. Кожне з полів поділяється на елементарні одиниці, тобто концепти і слова, при цьому компоненти лексичного поля цілком покривають відповідні концептуальні поля (5). У даній роботі ми звернемося до розгляду лексичної групи викривлення істини, що частково відбиває концептуальне поле викривлення істини.

Лексична система має складну організацію. Виділяють три типи парадигматичних зв'язків, що організують лексико-семантичну парадигму: семантичні, формально-семантичні і формальні зв'язки (1:7). Семантичні зв'язки обумовлені співвідношенням між компонентами значення лексичних одиниць. Серед семантичних зв'язків виявлені зв'язки, обов'язкові для кожної лексичної одиниці – елемента лексико-семантичної системи, і зв'язки, факультативні для лексичної одиниці. Обов'язковими є зв'язок, що позначається терміном «входження». Під входженням розуміється зв'язок слова або фразеосполучення з іншими елементами групи за спільністю хоча б однієї семи, тобто найдрібнішого семантичного компонента. Входження – це загальний зв'язок, він включає більш конкретні різновиди зв'язку, і кожний з них базується на ідентичності, принаймні, однієї семи в елементах (1: 12-13). Розглянемо деякі типи зв'язку між елементами лексико-семантичної групи викривлення істини, що аналізується докладніше.

Для того, щоб порівняти компоненти значення декількох одиниць, необхідно, насамперед, виконати компонентний аналіз цих одиниць. При виділенні сем ми ґрунтувалися на тлумаченні слів, запропонованих тлумачними словниками "Oxford Advanced Learner's Dictionary", "Oxford Learner's Wordfinder Dictionary" та "Collins Cobuild English Dictionary" (див. Додаток).

Подамо лексико-семантичну групу викривлення істини в вигляді схеми, до складу якої для початку введемо лише ключові елементи групи – слова "*deceive*", "*pretend*" і "*lie*" – збіжні з концептами "*deceive*", "*pretend*" і "*lie*" (див. Схему 1, на якій показано, що слова знаходяться на різних рівнях ієрархії, представниками якої вони є, при цьому сфери значення їх перекриваються).

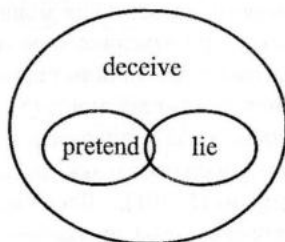

Схема 1

Звернемося до зв'язків між значеннями даних слів, поданих на схемі.

Гіперо-гіпонімічний зв'язок. Слова, позначені на схемі, утворюють однадерну лексико-семантичну групу ієрархічного характеру. Ідентифікатором в даній групі є елемент "*deceive*". Він належить вищому рівню даної ієрархії й охоплює за змістом елементи: "*pretend*" і "*lie*", що нале-

жать нижчому рівню. Ідентифікатор “*deceive*” утворює точку семного відліку в даній групі, тому що має найменшу кількість сем. Елементи “*pretend*” і “*lie*” містять семи ідентифікатора “*deceive*” (*misleading act, intention to deceive*), а також індивідуальні семи (“*Lying*” – *speech act, pretending* – *behavior*) (див. Таблицю 1).

Таблиця 1. Семантичні компоненти ключових одиниць, що утворюють лексико-семантичну групу викривлення істини.

	Deceive	Lie	Pretend
Misleading act	+	+	+
Intention to deceive	+	+	+
Speech act	+	+	–
Behaviour	+	–	+

Перекивання припускає, що одиниці мають загальні і відмінні семи, як слова “*pretend*” і “*lie*”. Вони перекиваються по загальних семах (у слові “*deceive*”) “*to act dishonestly with the intention to mislead*”. Дані слова конкретизують ідентифікатор “*deceive*”: “*pretend*” означає обман поведінкою, і “*lie*” означає мовний акт. При цьому необхідно зауважити, що мова йде про прототипічне значення даних слів. У повсякденному житті всі перераховані види обману частіше взаємодіють, ніж зустрічаються в чистому вигляді. Так, мовна поведінка може супроводжувати удавання, а обман може здійснюватися не тільки шляхом дії, що не відповідає дійсному стану речей, але і включати неправду й удавання. Слова “*pretend*” і “*lie*” знаходяться на одному рівні ієрархії й утворюють еквіполентну опозицію, оскільки вони конкретизують ідентифікатор і є рівноправними членами даної ієрархії.

Семантичний зв'язок. Елементи знаходяться в семантичному ієрархічному зв'язку, що припускає перекивання і гіперо-гіпонімічний зв'язок між одиницями. Ідентифікатор “*deceive*” є гіперонімом, що позначає загальне (родове) поняття, і включає диференціюючі семи, загальні для всіх елементів. Гіпоніми “*pretend*” і “*lie*” конкретизують ідентифікатор семами, властивими лише їм, і позначають більш вузькі, конкретні видові поняття. Елементи утворюють привативну опозицію. Семний склад вищестоячого в ієрархії елемента цілком включається в нижчестоячі елементи.

Графічно цей зв'язок можна також уявити у вигляді схеми 2, що зображує описані вище зв'язки між значеннями слів, що розглядаються.

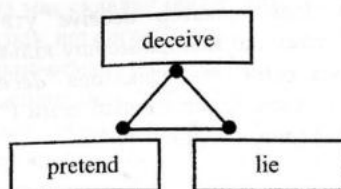

Схема 2

Виділимо концепт “*deceive*” і розглянемо лексико-семантичну підгрупу, що частково перекриває концептуальне поле, яке оточує даний концепт (Схема 3).

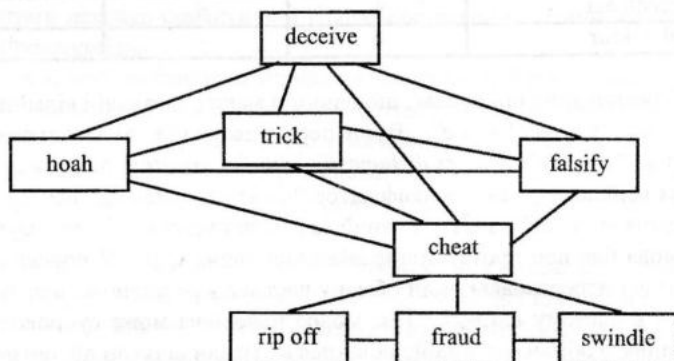

Схема 3

На схемі показано, що ідентифікатором даної підгрупи, що збігається з виділеним концептом, є слово “*deceive*”. У даній підгрупі також виділяються ключові компоненти: *cheat*, *trick*, *hoax*, *falsify*, *fraud*, *rip off*, *swindle* (див. значення даних слів у Додатку), що об’єднані гіперо-гіпонімічним зв’язком, зв’язком «перекривання», синонімічним і градуальним зв’язками.

Гіперо-гіпонімічний зв’язок. Всі дані одиниці мають загальні семи: введення в оману і намір обдурити. Гіперонім включає лише ці дві семи, а інші елементи відрізняються від нього однією або більш індивідуальними семами, поданими в Таблиці 2.

Таблиця 2. Індивідуальні семи елементів, що конкретизують лексико-семантичну групу “*deceive*”.

Cheat	1) deceive in order to win a profit; 2) to deceive in love; 3) deceive by disobeying rules
Trick	deceive for entertainment, by means of a trick.
Hoax	deceive sb as a joke.
Falsify	deceive by alteration.
Fraud	crime of deceiving in order to get money
Rip off	cheat sb by asking too much money for sth.
Swindle	cheat sb especially in a business transaction.

На схемі 3 ми бачимо, що слово “*cheat*” є гіпонімом слова “*deceive*”, конкретизуючи його трьома індивідуальними семами, і гіперонімом для слів “*fraud, rip off, swindle*”, що крім семи «*дістати прибуток/вигоду*», мають також семи, властиві лише їм. Так, вжиток слова “*fraud*” припускає протизаконне одержання грошей, слово “*rip off*” включає вказівку на те, яким саме способом гроші, і слово “*swindle*” вказує на те, що обман має місце в бізнесі при діловій угоді (див. Таблицю 2).

Зв’язок «перекривання». Елементи *cheat, trick, hoax, falsify* перекриваються по загальних семах ідентифікатора “*deceive*” і утворюють еквіполентну опозицію першого рівня, а елементи “*fraud, rip off, swindle*” перекриваються по загальній семі ідентифікатора “*cheat*” і утворюють еквіполентну опозицію другого рівня.

Синонімічний зв’язок. Як уже відзначалося вище, цей вид зв’язку припускає перекривання і гіперо-гіпонімічний зв’язок між елементами, що належать до одного або декількох рівнів ієрархії. Всі вищезгадані елементи є синонімами, тобто об’єднані синонімічним зв’язком.

Градualний зв’язок. Даний вид зв’язку припускає, що одиниці називають різні ступені поняття, що позначається. Так, слово “*hoax*” позначає обман з метою зіграти жарт, а слово “*falsify*” – підробку документів або показань на суді, що, природно, може заподіяти більше шкоди як ошукуваному, так і ошуканцю і оточуючим їх людям. Таким чином, “*hoax*” позначає більш слабку форму обману, ніж “*falsify*”. Слова “*rip off*” і “*swindle*”, що позначають обман при торговій операції, також можуть позначати різний ступінь обману. Слово “*rip off*” позначає обман при операції “купівля-продаж”, при котрій частіше страждає одна людина – покупець. Слово ж “*swindle*” позначає обман при діловій торговій угоді, у якій беруть участь дві сторони, і яка зачінає інтереси більше ніж двох людей, тобто від такого обману може постраждати більша кількість людей, ніж при обмані, що позначається словом “*rip off*”.

Так, ми бачимо, що гіперо-гіпонімічний зв'язок, що об'єднує проаналізовані елементи, збігається з градуальним, синонімічним зв'язками і зв'язком «перекривання».

Таким чином, наявність певних зв'язків між одиницями лексичного складу мови може бути доказом того, що мова – це когнітивне явище, що відбиває розумові процеси носіїв мови. Поглиблене дослідження мовних явищ може служити невичерпним джерелом даних про те, як упорядкована концептуальна система носіїв мови і як вона обумовлює процеси, що мають місце в цій мові.

Додаток

Deceive. Make sb believe something that is not true (so as to make him do something); deliberately mislead sb. (2; 3).

Lie. Make a statement one knows to be untrue (3).

Pretend. Make oneself appear to be (doing) something in order to deceive others or in play (3).

Cheat. 1. Act dishonestly or unfairly in order to win an advantage or profit. 2. Be unfaithful to one's wife, husband, lover. 3. Fail to obey a set of rules, which one should be obeying, e. g. in a game or exam (2; 3).

Trick. 1. A skilful act performed for entertainment, esp. one involving illusion. 2. Cause sb to do sth by means of a trick (2; 3).

Hoax. Mischievous trick played on sb for a joke; deceive sb as a joke (3).

Falsify. 1. Alter (e. g. documents) falsely. 2. Present falsely (e. g. evidence at the trial). To change sth, particularly a document or information, in order to deceive people (3; 4).

Fraud. Act of deceiving sb illegally in order to make money or obtain goods. The crime or deceiving sb in order to get money (3; 4).

Rip off. Cheat sb by asking too much money for sth (3).

Swindle. Cheat sb especially in a business transaction (3).

ЛІТЕРАТУРА

1. Гольдберг В.Б. Контрастивный анализ лексико-семантических групп. – Тамбов: ТГПИ, 1988. – 56 с. 2. Collins Cobuild English Dictionary. – London: HarperCollins Publishers, 1995. – 1951 p. 3. Oxford Advanced Learner's Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 1994. – 1579 p. 4. Oxford Learner's Wordfinder Dictionary. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 519 p. 5. Post M. Scenes-and-frames semantics as a neo-lexical field theory// Understanding the lexicon. Meaning, Sense and Word Knowledge in lexical Semantics. Ed. by Werner Hällen and Reiner Schluge. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1988. – 445 p.

ТИПЫ РЕАКЦИЙ НА ДОСТОВЕРНОСТЬ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Потыкина В. Л. (Харьков)

Традиционно анализ коммуникативных характеристик высказывания проводится с позиции говорящего. Однако при рассмотрении такой категории как достоверность данный подход не вполне эффективен; необходимым представляется перенос акцента с говорящего на слушающего. При исследовании категории достоверности мы отказались от терминов Говорящий и Слушающий в силу того, что в диалоге эти роли постоянно меняются. Вместо них мы используем термины Продукент (П)/Реципиент (Р) реплики-стимула/реакции. Как отмечает Г. Г. Почепцов, "понятие достоверности может быть определено как истинность с точки зрения слушающего"(3:218). Воспринимая высказывание-стимул, реципиент реплики-стимула выделяет в нем значимые для себя элементы, на основании которых оценивает его как достоверное или нет и сообщает продукенту высказывания-стимула свое мнение в ответной реплике-реакции.

В данной работе мы рассматриваем высказывания-реакции на достоверность высказывания с точки зрения их семантико-прагматических характеристик, соотнося стимул и реакцию через направленность последней на определенный компонент семантико-прагматической структуры стимула.

К семантической структуре высказывания относятся компоненты его внутренней и внешней модальных рамок. Во внутреннюю модальную рамку входит пропозиция, модусы истинности и потенциальности, а внешняя рамка представлена модусом полагания (3:145). Соответственно, выделяемые нами типы реакций на достоверность высказывания могут быть направлены на пропозицию высказывания-стимула, его модус истинности, модус потенциальности или модус полагания.

Рассмотрим каждый тип реакции подробнее. Как отмечает В. В. Богданов (2:126), пропозиции являются релятивными структурами, состоящими из предиката (признака) и аргументов, охарактеризованных по их семантической роли относительно предиката (агенса, пациенс и т. д.) и категориальными свойствами (одушевленность, неодушевленность).

Реакция реципиента реплики-стимула на пропозициональное содержание последнего может оценивать предикативные связи, описанные продукентом в пропозиции стимула, как соответствующие или не соответствующие по мнению реципиента отношениям реальной действительности. Например :

- (1) - *Are you okay?*
- *I am fine.*
- *You're fine?* (J. Grisham)
- (2) - *Did you authorize the payment of ten thousand dollars in cash to Jacki Lamanczyk?*
- *No. She is lying about that.*
- *Lying?* (J. Grisham)

В примерах (1) и (2) реакция Р может быть квалифицирована как повтор-переспрос указывающий на то, что по мнению Р пропозициональная репрезентация продуцентом ситуации не соответствует действительности. Н. Ю. Шведова (5:67) называет главной функцией повторов "выражение многообразных - в большинстве случаев отрицательных - экспрессивно окрашенных оценивающих реакций на сказанное". Отрицательная оценка содержания реплики-стимула в примере (2) выше, чем в примере (1), где мы имеем дело с так называемой "конвенциональной ложью", направленной на сохранение "лица" (8: 121).

Реакцией на пропозициональное содержание стимула может быть и эксплицитное отрицание пропозиции стимула.

- (3) - *"Yes", she said. "I'm clean".*
- *"No", you're not. Don't lie to me, Ruby.* (J. Grisham)
- (4) - *Birdie gave me the key, said I could look around.*
- *She did not!* (J. Grisham)

В примерах (3) и (4) использование слов "Yes", "No" и отрицательной частицы "not" имеет целью экспликацию ложности пропозиции, не отражающей объективной связи с действительностью (6:69). В случае подобного эксплицитного обличения во лжи отрицательная оценка содержания реплики-стимула является максимальной. Реплика-реакция в данном случае по своей коммуникативной направленности может быть отнесена к так называемым "ликоповреждающим" ("face-threatening") актам (8: 99).

Реакции, отрицающие компонент пропозиции стимула, оформлены высказываниями, основанными на актуализированной номинации, преобразованными с целью выделения отрицаемого элемента семантической структуры стимула (6:70). Реакция на компонент пропозициональной структуры стимула реализуется в семантических преобразованиях, актуализирующих предметный (6), признаковый (1), (3), темпоральный (7), агентивный (5) или предикативный (2), (4) семантико-синтаксический элемент.

- (5) - *Guess who is going to settle now?*
- *Who?*
- *Dot Black.*
- *Dot Black?* (J. Grisham)

(6) - *"Used to live in a shelter, but had to leave. Almost got raped. I have a car.*

I had seen no vehicles parked near the office when arrived. "You have a car?" (J.Grisham)

(7) - *He went to see Laval at Chateldon last month.*

"No", I said, "In November". (A. Massie)

Обратимся ко второму типу реакций на достоверность высказывания. Модус истинности есть определяемая с точки зрения П высказывания-стимула степень соответствия содержания высказывания действительности (6:157) и оценка им полноты своих знаний об этом соответствии (4:162). Модус истинности передает субъективно-модальное значение достоверности (4:167). Таким образом, понятие модуса истинности является более широким понятием, нежели понятие достоверности: "подобно истинности понятие достоверности связано с реальным миром, но в отличие от первого оно более ориентировано на человеческую коммуникацию. Достоверность – категория субъективная: именно от слушающего зависит, верить тому или иному сообщению или нет" (3:128). Вслед за Г. Г. Почепцовым, мы будем говорить о модальности достоверности модуса истинности.

Рассмотрим следующие примеры, в которых реакция Р направлена на модус истинностной оценки.

(8) - *Gooper never liked Daddy.*

- That's not TRUE. (T. Williams)

(9) - *We've found your husband, Mrs Lanigan, and he's alive.*

- "You're lying", Lance sneered. (J. Grisham)

(10) - *Oh, he exists all right, and so does my child, Brick's baby!*

- Liar! (T. Williams)

Реакция, направленная на модус истинности, как видно из данных примеров, может оценивать качество сообщаемой информации (8), коммуникативное поведение П (9) или личность самого П (10).

Тип реакций, направленных на модус потенциальности, включает оценку описываемых событий как вероятных или невероятных. Модус потенциальности (вероятностной оценки) (4:126) может утверждаться или отрицаться. Он может также изменяться по шкале интенсивности. В основе реакций на достоверность высказывания данного типа лежит разное положение модусов потенциальности в когнитивных системах П и Р на шкале интенсивности. Например:

(11) - *I'm telling you, he's guilty.*

- To some extent, I would say.

(12) - *She's so right about this.*

- Not quite.

(13) - *She's here.*

- *This can't be true unless she arrived by the night plane.* (Dictionary)

В примере (14) модус полагания эксплицируется глаголами пропозиционального отношения to believe, to doubt.

(14) - *What can you mean, no net? Last week there was a net.*

- *Is broken.*

- *Broken, I do not believe.* (B. Chatwin)

(15) - *You'll get caught and sent to jail.*

- *I doubt it ...* (J. Grisham)

К этому типу относятся и реакции, содержащие градацию степени уверенности Р в достоверности высказывания-стимула.

(16) - *Tell me about your job. What do you teach?*

- *Music and history. And I'm in charge of the band.*

- *Seriously?* (A. Shreve)

Тип реакций, направленных на модус полагания, включает также и реакции, в которых отсутствует определенное мнение Р о достоверности стимула. Например:

(17) - *He leaned forward and whispered, "He was an FBI agent. An old friend from college- Penn State".*

- *"Come on", I said, completely uncertain if he was telling the truth.* (J. Grisham)

(18) - *Are you suggesting your porcelains are alive?*

- *"I am and I am not", he said. "They are alive and they are dead. But if they were alive, they would also have to die. Is it not?"*

- *If you say so...* (B. Chatwin)

В данных примерах модус незнания "оставляет невыбранной пропозицию с тем или иным значением, а мнение о степени вероятности взаимоисключающих положений дел - несформированным "(1:186).

Интересны иронические реакции, формально выражающие согласие Р с высказыванием П, но имплицитно отрицающие достоверности стимула. Например:

(19) - *Nice to meet you.*

- *Yeah, a real pleasure.* (J. Grisham)

(20) - *I'm terribly sorry.*

- *I can tell...* (J. Grisham)

В ответ на реплику П, Р продуцирует эхо-высказывание, в котором имплицитно выражает свое отрицательное отношение к мнению П. Согласно Д. Шпебер и Д. Уилсон, отношение, выраженное ироничным высказыванием, неизменно отрицательное или неодобрительное. Его продуцент отрицает себя от мнения, которое повторяет, и указывает на то, что сам это мнение не разделяет (7:239).

По своему формальному составу реакции могут подразделяться на простые и сложные. Сложными мы называем те реакции, которые направлены на несколько компонентов семантической структуры стимула. Например:

(21) - *Who was she?*

- *His domestic.*

- *Oh, no! No. I don't beleive it... Not...Not Martha.* (B. Chatwin)

Здесь сложная реакция отрицает соответствие пропозиции действительности, актуализируя актанта, и отрицает модус полагания, т. е. реакция направлена на компоненты как внешней так и внутренней модальных рамок стимула.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что реплика-реакция на достоверность высказывания может быть направлена на следующие компоненты семантической структуры: пропозицию, модусы истинности, потенциальности и полагания, а также на несколько компонентов одновременно. Интенсивность реакции реципиента на достоверность высказывания может существенно варьировать, при этом с возрастанием интенсивности возрастает и отрицательная оценка, которая достигает своего максимума при наиболее эксплицитном выражении сомнений реципиента в достоверности высказывания продуцента при обвинении во лжи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Феномен второй реплики или о пользе спора// Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. – М.: Наука, 1990б. – С. 175-189.
2. Богданов В. В. Конструктивные и семантические компоненты предположения// Организация речевого произведения и его составляющих. – Челябинск. 1988. – С. 26-30.
3. Почепцов Г. Г. Достоверность высказываний// Вестник Харьк. Нац. ун-та. – 2000. – № 471. – С. 218-220.
4. Теория функциональной грамматики: Темпоральность, модальность. под ред. А. В. Бондарко – Л.: Наука. 1990. – 263с.
5. Шведова Н. Ю. К изучению русской диалогической речи// Вопросы языкознания. – 1956. – № 2. – С. 67-82.
6. Чахоян Л. П., Паронян Ш. А. Взаимодействие интенций как фактор, определяющий типы межличностного общения// Личностные аспекты языкового общения. – Кал., 1989. – С. 67-75.
7. D. Sperber, D. Wilson. *Relevance Communication and Cognition*. – Basil Blackwell, 1986. – 277p.
8. P. Brown and S. C. Levinson, *Universals in Language Usage: politeness phenomena*. Cambridge University Press, 1978. – 345p.
9. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. A. S. Hornby. Oxford University Press, 1987. – 675p.

МИТИГАЦИЯ КАК СТРАТЕГИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ КОММУНИКАНТОВ

Пудровская Т.Н. (Харьков)

Ослабление иллюкутивной силы речевого акта (РА) с помощью различных языковых и речевых средств, получившее в современной англистике название "митигация", является объектом исследования многих теоретиков коммуникации и дискурса – см., например, Б. Фрэйзер (3), К. Каффи (4), М. Лангнер (5). Наше понимание явления митигации основывается на определении К. Каффи, согласно которому митигация представляет собой "результат ослабления какого-либо из коммуникативных параметров... Вследствие ослабления коммуникативного параметра митигация ...снижает обязательства коммуникантов, которые налагаются продуцированием определенного РА. Таким образом, функция митигации заключается в "сглаживании" речевого взаимодействия путем снижения риска для коммуникантов на различных уровнях, например, риска противоречия, отказа, потери лица, конфликта и т.д." (3: 882) /перевод мой. – Т.П./.

В настоящей статье явление митигации в английском языке анализируется на примере РА деклинатива, который представляет собой отказ говорящего от предложенной ему услуги. Материал исследования состоит из 1250 фрагментов английского дискурса, содержащих 2500 РА предложения услуги и отказа как реакции на него.

Согласно теории вежливости П. Браун и С. Левинсона (2), данный РА обладает значительным ликопонижающим эффектом, поскольку наносит ущерб отрицательному лицу адресата и положительному лицу обоих коммуникантов. Действительно, продуцируя РА деклинатив, который является директивом, говорящий отказывается принять услугу, предложенную адресатом, исключая, таким образом, совершение действия, которое адресат желал бы совершить. Тем самым говорящий накладывает определенные ограничения на поведение адресата в будущем.

Кроме того, РА деклинатив угрожает положительному лицу как говорящего, так и адресата. Отклоняя услугу, предложенную адресатом, говорящий дает понять, что то, что желательно для адресата, нежелательно для говорящего. Следовательно, в случае отказа велика вероятность обидеть адресата, задеть его чувства, отвергнув его искреннее желание совершить некое действие в пользу говорящего. В свою очередь говорящий рискует показаться замкнутым и не склонным к сотрудничеству, что

может способствовать формированию социально нежелательного образа говорящего и “повредить” его положительному лицу.

Необходимость проявлять заботу о лице, как своем собственном, так и лице собеседника, заставляет участников коммуникативной ситуации “предложение услуги – отказ” прибегать к речевым механизмам, позволяющим наиболее оптимально удовлетворить их противоречивые “лицевые нужды” (face needs) и, если не устранить, то значительно снизить риск потери лица для обоих партнеров. Одним из таких механизмов и является митигация: смягчение иллокутивной силы РА, в данном случае, деклинатива.

Конкретные языковые и речевые средства, используемые коммуникантами для смягчения иллокутивной силы и, соответственно, митигации РА деклинатива, мы предлагаем называть митигаторами. Соответственно, деклинативы, содержащие митигаторы, мы предлагаем называть митигированными. Деклинативы же, которые не содержат средств смягчения иллокутивной силы, можно определить как категоричные. Подавляющее большинство деклинативов исследованной выборки (84,4%) содержат различные средства смягчения иллокутивной силы высказывания и, соответственно, являются митигированными. К категоричным деклинативам относится лишь 15,6% проанализированных РА.

На основании анализа эмпирического материала нами выявлены следующие внутренние митигаторы, используемые для смягчения иллокутивной силы РА деклинатива в английском языке:

1. Междометия *oh/ah* и *well*, предвещающие деклинативный компонент и выполняющие фатическую функцию контактоустановления (13,6%). Употребление данных местоимений в случае РА деклинатива выражает сомнение и неуверенность говорящего относительно целесообразности отказа, например:

(1) *“Just you sit there and I’ll get you a meal”.*

“Oh, no, thanks. I have to be going soon” (Davis).

2. Глаголы деонтической модальности, выражающие объективную необходимость отказа и “освобождающие” говорящего от личной ответственности за совершение данного речевого действия (7,2%), например:

(2) *Mrs Brown: Have a cup of coffee. Something to eat? Sandwiches?*

Marc: You’re very kind but I have to be at Bath this evening (Neels).

3. Средства каузальной и эпистемической модальности (35,2%) – модальные глаголы, модальные выражения и формы кондиционалиса, выражающие колебание и неуверенность говорящего в правомерности отказа, типа *I am not sure* и др.

(3) *“May I get you a drink, Jennifer?”*

“I’m not sure what I want yet. I’ll make my own, thanks” (Graham).

4. Почтительные или ласковые обращения (21%), акцентирующие уважение или теплые чувства, которые говорящий испытывает по отношению к адресату.

(4) *"Do you want me to come with you?"*

"No, love, thanks. I'll be okay" (Rice).

5. Высказывания, содержащие мотив отказа, аргументированное изложение его причины – 51,9%. Согласно данным количественного анализа, этот митигатор является наиболее распространенным способом смягчения категоричности РА деклинатива в английском языке, например:

(5) *"Want a lift somewhere?"*

"No, thanks. My car is right up the hill there" (Graham).

6. РА, выражающие благодарность за предложенную адресатом услугу – 18,3%, например:

(6) *"Would you like another glass of wine?" she asked.*

"No, thank you" (Cornwell).

7. РА, выражающие сожаление по поводу необходимости отказать реципиенту – 5,6% деклинативов нашей выборки, например:

(7) *"I'll get you some supper".*

"I'm sorry, I'm really sorry but I've got a date tonight" (Lescroart).

8. РА комплимент, подчеркивающий великодушие или доброту адресата – 8,6% проанализированных деклинативов, например:

(8) *"I'll take you in with me if you like".*

"It's very kind of you, but they sent me a card. No, I don't think I'll come" (Moore).

В зависимости от количества митигаторов РА деклинатива мы разграничиваем четыре степени митигации деклинатива в английском языке.

Нулевой степенью митигации характеризуются категоричные деклинативы, не содержащие митигаторов иллюкутивной силы. Категоричные деклинативы отличаются низкой частотой употребления и составляют лишь 15,6% деклинативов нашей выборки.

Первой степенью митигации обладают деклинативы, содержащие один митигатор, смягчающий иллюкутивную силу высказывания, например:

(9) *"Shall I get him?"*

"No, thank you" (Dobyns).

Деклинатив (9) содержит один внешний митигатор: выражение благодарности адресату за сделанное предложение.

Деклинативы первой степени митигации составляют 55% проанализированных деклинативов и являются наиболее многочисленной из выделяемых групп. Их предпочтительное использование коммуникантами

можно объяснить тем, что деклинативы этой группы представляют собой оптимальный баланс митигации и эффективности: говорящий смягчает отказ в достаточной степени, чтобы не показаться невежливым и не обидеть адресата, не отягчая деклинатив избыточными средствами митигации (проявляет "речевую экономию") и выражая свою иллокутивную цель достаточно недвусмысленно.

Второй степенью митигации характеризуются деклинативы, содержащие два митигатора иллокутивной силы высказывания.

(10) *Alejandro: Kezia, do you want Totie?*

Kezia: No, thank you. I'll wait for Luke (Steel).

Деклинативный компонент в примере (10) смягчен двумя митигаторами: выражением благодарности и объяснением причины отказа.

Деклинативы данной группы составляют 20,5%.

Третьей степенью митигации характеризуются деклинативы, содержащие три и более митигаторов.

(11) *"...I'm offering you a third share in the business. What do you say?"*

"Don't think I'm not grateful for the offer. I am, but it can't be done.

Don't get me wrong about this, but frankly I've been in small times

too long. I've got to make money. I have a feeling in my bones if I get

to Miami, I'll hit the jackpot. Sorry, Tom, but that's the way it is. And

don't think I'm ungrateful" (Carpenter).

Деклинатив (11) содержит немитигированный деклинативный компонент (*it can't be done*), иллокутивная сила которого смягчена выражением благодарности адресату за сделанное предложение (1й митигатор), обстоятельным объяснением причины отказа (2й митигатор), выражением сожаления в связи с необходимостью отклонить великодушное предложение адресата (3й митигатор), а также повторной благодарностью, завершающей деклинатив (4й митигатор). При этом первый и третий митигаторы – РА благодарности и РА сожаления – в свою очередь внутренне модифицированы дружеским обращением по имени. Таким образом, данный деклинатив характеризуется целой совокупностью развернутых внешних митигаторов и является деклинативом третьей (высшей) степени митигации.

Деклинативы третьей степени митигации составляют 9% нашей выборки.

Митигация деклинатива является эффективным средством смягчения иллокутивной силы данного ликоупонижающего РА, направленным на защиту или "реабилитацию" лица всех участников ситуации общения. Эффективность коммуникативно-прагматического приема митигации усиливается еще и тем, что он максимально соответствует социокультурным нормам речевого общения, принятым в англоязычных этнокультурах.

По мнению А.С. Герда (1), каждой этнокультуре присуща специфическая “картина мира”, которая представляет собой концептуальную модель мира, отражающую сумму знаний представителей данной лингвокультурной общности об объективной действительности. А. Вежбицка (7) полагает, что стратегии речевого поведения говорящего в значительной степени определяются этой “картиной мира”, в частности, ценностями и нормами той коммуникативной культуры, к которой принадлежит говорящий. Коммуникативные реализации одного и того же речевого акта в разных культурах различны, и специфика выбора коммуникантами речевых стратегий обусловлена спецификой культурных норм и представлений.

В соответствии с культурной традицией индивидуализма, сложившейся в англоязычных странах (6), действующие социокультурные стереотипы межличностного общения предписывают “соблюдение дистанции”, а также смягчение категоричности в процессе коммуникации с тем, чтобы не вторгаться в “личностное пространство” партнера. Этим во многом мотивирована приверженность англоязычных коммуникантов к непрямым и митигированным формам в общении. Та же тенденция находит проявление в продуктивности в английском языке такой стратегии отрицательной вежливости, как “hedging” — “неопределенность, уклонение от прямого ответа” (2).

Таким образом, митигация РА деклинатива является распространенной стратегией в речевом поведении представителей англоязычных этнокультур, направленной на смягчение иллокутивной силы отказа и реабилитацию лица как говорящего, так и адресата. При этом коммуникативный феномен митигации максимально соответствует культурным нормам и стереотипам межличностного общения, принятым в англоязычных этнокультурах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – Санкт-Петербург: Изд-во СпГУ, 1995. – 92 с.
2. Brown P., Levinson S. Politeness: Some universals in language usage. – Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
3. Caffi C. On mitigation // Journal of Pragmatics. – 1999. – V. 31, №7. – P. 881-911.
4. Fraser B. Conversational mitigation // Journal of Pragmatics. – 1980. – V. 4. – P. 341-350.
5. Langner M. Zur kommunikativen Funktion von Abschwächungen. – Muenster: Nodus, 1994. – 179 p.
6. Triandis H.C. Individualism and collectivism. – Boulder: Westview Press, 1995. – 259 p.
7. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. – 510 p.

АВТОРИТАРНЫЙ ДИСКУРС КАК ОСОБЫЙ ВИД РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рудякова В.М. (Харьков)

Понятие дискурса и его различных разновидностей возникло и изучается в русле интенсивно развивающегося направления – социолингвистики общения, точнее, в рамках направления, известного как этнография речи (5, 6), которое рассматривает дискурс как социально обусловленную коммуникативную деятельность.

Общество, как образование социально неоднородное оказывает влияние не только на развитие языка, но и ведет к его социальной дифференциации, так как использование тех или иных языковых средств и речевых стратегий обусловлено такими социальными характеристиками носителей языка, как возраст, пол, уровень благосостояния и образования, профессия, а также социальными ролями участников коммуникации. Одной из основных задач социолингвистики общения является изучение характера взаимосвязи между структурами языка и структурами общества. Задача данного исследования – рассмотреть особенности такой разновидности дискурса, участники которого разделены определенной «дистанцией власти» (power distance). Асимметричные отношения между коммуникантами могут возникать в силу ряда причин (различное имущественное положение, занимаемые должности, возрастные различия или социальные роли, природа или характер власти, которой наделен один из коммуникантов, но не обладает другой). Тип дискурса, характерного для «сильного» члена подобной пары, можно назвать **авторитарным**.

Чем больше разделяющая коммуникантов «дистанция власти», тем ярче и интенсивнее может проявляться авторитарность в речи «сильного члена пары». По мере сокращения этой дистанции степень авторитарности снижается.

Существенной характеристикой любого вида дискурса является цель. В асимметричных ситуациях цели участников речевого события не совпадают. Обладая большей властью коммуникант стремиться подчинить собеседника своей воле, используя в качестве орудия принуждения свой статус и авторитет. Поэтому, будучи разновидностью конфронтационного дискурса, авторитарный дискурс «сильного» члена пары неизбежно предполагает вторжение в личностную сферу адресата (personal space), и угрозу его «отрицательному лицу». Целью же адресата является по возможности противостоять такому вторжению, сохраняя тем самым свое «отрицательное лицо».

Именно противоречие целей, преследуемых участниками коммуникативного эпизода, предопределяет асимметричный, конфронтационный характер речевых ситуаций и событий, в которых фигурирует авторитарный дискурс – институциональных (учитель – ученик, врач – пациент, судья – обвиняемый) и бытовых (муж – жена, старшие – младшие дети и т.п.).

Авторитарность находит выражение во множестве вербальных и невербальных стратегий. Их выбор в тех или иных ситуациях общения во многом определяется логикой так называемого управления дискурсом (discourse management) (1, 4) и социальной идентификацией говорящего. Различия в ранге вынуждают более «слабого» коммуниканта полностью или частично соблюдать условия «социального контракта» (2), хотя, возможно, в другой ситуации он сам будет диктовать условия «игры», оказавшись «выше».

В силу своей «контрактной» природы авторитарный дискурс (АД) нередко выступает разновидностью так называемого институционального дискурса (institutional discourse). В определенных стереотипных ситуациях, закрепленных за теми или иными общественными, политическими или иными институтами существуют четко установленные, ритуальные правила поведения и рамки, выход за которые ограничен. Таким ситуациям-сценариям присуща высокая степень предсказуемости. Например, ситуация «визит к врачу» предполагает осмотр больного и вынесение решения относительно дальнейших действий больного.

Некоторые речевые ситуации требуют наличия определенных участников: адвокат – обвиняемый, политик – аудитория, учитель – учащиеся и т. п. Отсюда появляется необходимость выделения ситуаций (сфер) общения, в которых находит выражение авторитарный дискурс, таких, например, как «академическая ситуация», «лечебное учреждение», «ситуация судопроизводства» и др. (7).

Речевая ситуация (speech situation) включает, как известно, ряд речевых событий (speech events), состоящих в свою очередь из речевых актов (speech acts) (5).

Ситуация «судебное разбирательство» включает стабильный набор речевых событий: принятие присяги, допрос свидетелей, вынесение приговора и др. Вербальное поведение «действующих лиц» — участников ситуации также укладывается в определенные шаблоны и рамки. Нарушение правил лишь четче очерчивает границы предписанного.

В рамках речевого события, участником которого может быть носитель авторитарного дискурса, релевантными компонентами являются также обстановка (setting), время и место его функционирования. Например, если мать проводит воспитательную беседу со своим ребенком, то

это событие происходит обычно в домашней (не профессиональной) обстановке, а вынесение приговора судьей – напротив, требует официальной (зал суда) обстановки и имеет место только во время предусмотренного сценарием судебного разбирательства.

Анализируя обстановку, мы не только задаем себе вопросы типа: «Где и когда происходит событие?», но и «По какой причине оно происходит?». Немаловажное значение имеют и некоторые другие детали, которые дают ключ к пониманию асимметричного характера коммуникативной ситуации. Так, то как ее участники располагаются по отношению друг к другу, не является случайностью, а указывает каждому индивиду на его место. В традиционной ситуации «начальник – подчиненный», например, стол в кабинете начальника располагается так, что подчиненный находится на почтительном расстоянии. В случае, когда босс намерен еще больше подчеркнуть дистанцию, он может вообще не предложить посетителю сесть. Однако если начальник не считает нужным демонстрировать служебную иерархию, то он может покинуть свое кресло и «демократично» занять место рядом с собеседником.

Речевые события, которые имеют место в академической (учебной) ситуации общения (объяснение нового материала, опрос учащихся, проверка домашнего задания и др.) допускают различные варианты расположения коммуникантов по отношению друг к другу. В обстановке, когда стол преподавателя отдален от столов учащихся, последние будут чувствовать себя менее равноправными участниками события, чем в обстановке, когда преподаватель и студенты вместе сидят за круглым столом (как это принято, например, в США).

Существенной характеристикой речевого события является социо-культурный фон. Так, в учебном заведении, где учащимся предоставляется большая свобода действий (участие в управлении школой и т.п.), дети выберут более свободный, непринужденный стиль общения с учителями, чем в школе старого типа, где учитель возводится в ранг святого, и дистанция между ним и учениками огромна.

Участники речевого события – важнейшая его характеристика. Их количество может колебаться от двух до сотен тысяч (обращение политика к народу). Существуют речевые события, участником которых может выступать один человек, например, молитва. В данном случае авторитарным, но безмолвным адресатом (слушателем) выступает Бог. В другой ситуации – игра ребенка с куклами – ребенок выступает авторитарной личностью (подражая взрослым), в то время как куклы являются неживым адресатом.

Большое значение для идентификации ролей коммуникантов может иметь одежда. Высокий статус «сильного» участника ситуации может подчеркиваться ношением униформы (мундир военного, форма полицейского, мантия и парик судьи, белый халат врача, сутана священника и т.п.).

Особый код (code) общения – его дух, манера и тон – также относится к числу определяющих признаков авторитарного дискурса. Известно, что одинаковые по составу участников, обстановке и форме речевые ситуации могут существенно отличаться кодом общения насмешливым или серьезным, напыщенным или комическим и т.п. (5). Так, полицейский выбирает угодливо-вкрадчивый тон при беседе с высокопоставленным человеком, тогда как с «простым смертным» он прибегает к авторитарным речевым стратегиям. Такое кодирование может достигаться разными способами – невербальными (улыбка, жест, нахмуренные брови или подмигивание) и вербальными средствами (использование соответствующих РА, их лексико-грамматического и фонетического (интонация, темп речи, ударение) оформления, коммуникативно-прагматических и стилистических стратегий).

Типичными признаками авторитарного дискурса можно считать, например, саркастический тон. Так, если мать говорит ребенку «Ну ты и молодец», выражая этим недовольство, то, заключенный в ее высказывании сарказм сообщает ликоповышающему РА похвалы ликопонижающую направленность.

Выбор говорящим стиля общения – это тоже часть общего кода. В асимметричных ситуациях право выбора стиля признается за более властным коммуникантом, в то время как его менее властный партнер обычно принимает навязанный ему стиль общения. Стиль общения задается, как правило, первой фразой диалога: и то, как она произнесена – шутливо, насмешливо, дружелюбно или официально-высокомерно – определяет обычно и тон, и код и степень конфронтационности/асимметричности дальнейшего общения.

Естественно, что различные стили общения тесно коррелируют с ролевыми отношениями между участниками коммуникативного эпизода. Например, стиль и манера разговора юриста, учителя, врача в домашней обстановке будут иными, чем на работе (деловой, официальный).

Релевантным для анализа асимметричных ситуаций является также канал связи (message channel), под которым понимается обычно путь передачи информации. Различают вербальный и невербальный, звуковой и незвуковой каналы связи. Рассматривая авторитарный дискурс, мы имеем дело в основном с вербальным звуковым (устная речь) и вербальным незвуковым (письменная речь – реклама, выступления политиков в печат-

ти и т. п.). Невербальный звуковой путь означает использование паралингвистических и просодических средств, например, смех. К невербальным незвуковым путям передачи интенции говорящего относятся кинесика, проксемика, движение глаз, молчание (meaningful silence).

Канал связи самым непосредственным образом связан с содержанием сообщения, тем, о чем идет речь. Особый интерес в связи с сообщением представляет собой тема разговора. Существуют ситуации, в которых тема строго задается самой ситуацией и отклонения от нее недопустимы. В других – тема не предопределена и может изменяться в ходе сообщения. Например, в юридическом дискурсе коммуникативная ситуация создается и вращается вокруг единого тематического ядра – соблюдения закона, а в академической ситуации тема общения может варьировать в зависимости от характера коммуникативного события – опрос, дискуссия, изложение нового материала и т.п.

Тема определяет также и выбор функционального стиля. Судья, выступая в зале суда, использует особый язык, юридическую лексику (профессионализмы), стереотипные обороты речи, закрепленные за данной ситуацией. В медицинской среде информация, которой обмениваются медработник и пациент имеет непосредственное отношение к происходящему (процесс лечения) и поэтому облекается в соответствующую форму: вопросительные конструкции, имеющие целью получение информации о состоянии пациента, использование специальной лексики и терминологии.

Наряду со всеми вышеперечисленными аспектами анализа дискурса (в нашем случае авторитарного) особое внимание следует уделить форме передачи сообщения, тому не *что* сказано, а *как* сказано (5). Отправной точкой анализа в этом направлении является концепция *лица* (3). Для авторитарного дискурса характерно использование ликопонижающих речевых актов (face threatening speech acts), то есть актов, представляющих угрозу как положительному, так и отрицательному лицу партнера. Среди них и те, что мы называем “авторитарными” РА – менасивы, директивы, приказы, команды и т.п.

В авторитарно маркированных высказываниях могут участвовать, таким образом, различные типы речевых актов, оформленные грамматическими, лексическими и стилистическими средствами, подчеркивающими разделяющую коммуникантов дистанцию власти.

Таким образом, авторитарный дискурс – это особый социокультурно обусловленный вид речевой деятельности, целью которого является демонстрация говорящим своей власти в коммуникативных ситуациях или событиях, предполагающих участников, разделенных дистанцией влас-

ти, и конфликтность преследуемых ими целей. Как способ управления дискурсом АД продуцируется «сильным» членом асимметричной пары коммуникантов и характеризуется определенным репертуаром речевых «стратегий усиления» (reinforcement strategies), включающих специфический набор кодов и стилей, каналов связи, особых «авторитарных» речевых актов и дискурсивных маркеров авторитарности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Buck, R. A. Towards an extended theory of face action: Analysing dialogue in E.M. Fotsret's *A Passage to India* // *Journal of Pragmatics*. - 1997. - #27. - P.83-106.
2. Culpeper, J. Towards an anatomy of impoliteness // *Journal of Pragmatics*. - 1996. - #25. - P.349-367.
3. Goffman, E. *Analysing Discourse: Text and Talk*. - Georgetown, WA: Georgetown University Press, 1981.
4. Hayashi, T. Politeness in conflict management: A conversation analysis of dispreferred message from a cognitive perspective // *Journal of Pragmatics*. - 1996. #25. - P.227-255.
5. Hymes, D. *Direction in Sociolinguistics. An Ethnography of Communication*. New York: Holt Rinehart and Wilson. 1972.
6. Saville-Troike, M. *The Ethnography of Communication* (2nd ed.). - Oxford: Basil Blackwell, 1989.
7. Рудякова В.М. Дистанция власти и ее отражение в коммуникации // *Вестник Харьков. Ун-та*. - 1999. - № 430. - С.168-173.

КОНФЛИКТНО-НАПРАВЛЕННЫЙ ПАРЕНТАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК ТИП ДИСКУРСА

Солощук Л.В., канд. филол. наук (ХАРЬКОВ)

Взросший в последнее время интерес лингвистики к изучению реального функционирования языка привел к появлению значительного числа работ, посвященных моделированию различных типов дискурса, среди которых одно из главных мест принадлежит по праву работам Т.А. ван Дейка. Одним из типов дискурса является диалогическое речевое общение "родитель - ребенок", характеризующееся конфликтной направленностью, именуемое далее "конфликтно-направленный парентальный диалогический дискурс", или КНПД.

По мнению С.А. Сухих, типы дискурса выступают как коммуникативно-прагматические образцы речевого поведения, протекающего в определенной социальной сфере, т.е. они представляют свои собственные сферы общения, которые характеризуются набором некоторых взаимообусловленных переменных. К ним относятся социальные нормы и конвенции, ситуативный контекст, социальные отношения и роли общающихся, степень знакомства собеседников, состав участников коммуникации, уровень формальности и др. (4 : 8-11). Социальные сферы, соответственно, условно можно разбить на две группы: формальная и неформальная. Последняя характеризуется личностным характером общения, связанным иногда с отрицанием действующих в обществе норм, непринужденным, неофициальным общением, высокой степенью знакомства и т.д. К данной сфере относится семейно-бытовая сфера (3), в рамках которой мы выделяем КНПД.

Выбор КНПД в качестве объекта исследования не случаен и объясняется извечной актуальностью самого конфликта поколений, который является предметом исследования для многих научных дисциплин, таких как психология, педагогика, социология, собственно конфликтология. Тема конфликта "отцов и детей" затрагивается также и во многих литературных произведениях, не говоря уже о том, что проблема конфликтных взаимоотношений между поколениями старших и младших возникает в той или иной мере в жизни практически каждого человека, будь он еще в роли ребенка или уже родителя.

Определяющими особенностями КНПД, за счет которых реализуется конфликтность в речи родителей и детей, становятся противоречия, выражающиеся в аксиологическом диссонансе, в столкновении мировоззрен-

ческих взглядов детей и родителей и их представлений о ценностях. Разногласия в оценке ценностных категорий и служат поводом к возникновению конфликтных ситуаций между родителями и детьми, которые зачастую трансформируются в бурный эмоциональный спор или ссору. Аксиологический диссонанс обуславливает и тематический репертуар исследуемого типа дискурса, т.е. тот набор тем, которые затрагиваются участниками конфликта и по поводу которых возникают споры и ссоры. В основном конфликты вызывает обсуждение таких тем, как внутрисемейные отношения, стиль жизни, манера поведения детей, их окружение, друзья, выбор профессии и карьера. В семьях с более высоким интеллектуальным уровнем развития конфликтность провоцируют и такие темы, как политика, власть денег, неравенство, расовая и правовая дискриминация.

Исследование КНПД в лингвистическом ракурсе еще раз подтверждает влияние возрастного фактора на речеповеденческие характеристики его участников. Причем, определяющим для классификационного подхода к КНПД является возраст ребенка. Принятая в психологии возрастная периодизация подтверждается и исследованиями речевого поведения детей. Возраст ребенка определяет вербальное и невербальное оформление речи родителей. Таким образом, исследования проводились на выборке примеров, подразделенных на три группы: первая группа - некооперативно-направленные диалоги между родителями и детьми младшего возраста, вторая группа - некооперативно-направленные диалоги между родителями и детьми подростково-юношеского возраста, третья группа - между родителями и взрослыми детьми. Как показал сравнительный анализ, из 3-х групп наиболее ярко, показательно и многообразно конфликтность "отцов и детей" на речевом уровне проявляется во второй группе, в общении между родителями и детьми - подростками. Данный факт, таким образом, является лингвистическим подтверждением данного психологами, педагогами, юристами и социологами определения подростково-юношеского возраста как наиболее конфликтно-подверженного. В настоящей статье КНПД исследуется на основе речеповеденческих характеристик родителей и детей-подростков.

Общая стратегия конфликтности в КНПД обуславливает выбор конфликтующими соответствующих языковых средств и применение тактик соответствующего коммуникативного наполнения, использование которых придает общению некооперативный характер и трансформирует его в спор или ссору. К числу основных дискурсообразующих компонентов КНПД следует отнести категорию негативности и категорию модальности. Семантика негативности позволяет реализовать противопоставление,

противоречие мнений, а модальность придает КНПД характер категоричности, побудительности, повелительности.

В роли инициаторов конфликтной перспективы диалога могут выступать как родители, так и дети. В КНПД, где в роли инициаторов конфликта выступают дети-подростки, они используют следующие тактики для реализации конфликтных намерений:

- Тактика критической оценки родителей, их мнения, манеры поведения, стиля жизни и т.п., которая реализуется за счет иронических высказываний, содержащих лексические единицы с негативной семантикой:

- a) "Caroline, be quiet, please. I'm thinking."

- "There's too much thinking going on in the house. We'll think ourselves into absolute inertia!" Caroline said despairingly. (I.Shaw)

- b) "There are all those lessons on Saturday mornings", Leslie said (mother).

- "Those snooty juvenile delinquents. They would vote you Woman of the Year if you gave them one Saturday off" (son).

- Тактика демонстративной оппозиции реализуется за счет противопоставлений типа *we - they, I - you, you both - me, love - hate, etc.*, использование которых привлекает внимание к участникам конфликта, маркирует разногласие между ними, образует фокус противоречивости:

- a) "That was very nice of him to come. I like him," Laura said quickly.

- "I hate him," Tom sounded hostile. (I.Shaw)

- b) Louise: (bitterly) *Your father and I have been worried to death...*

- Clive: (insolently) *Do I detect a new note in the air? Your father and I (mimics). How splendid! The birth of a new moral being. Your-father-and-I. When did you last see your -father-and-I?.. I congratulate you. I always thought you two ought to get married.* (P.Shaffer).

В данном случае противопоставления *I - you, like - hate* подкрепляются соответствующим интонационным оформлением, что характерно для эмоционально подчеркнутой интеракции именно в семейно-бытовой сфере.

- Довольно часто дети-подростки прибегают к тактике запроса подтверждения очевидного состояния дел, тем самым провоцируя конфликт. В этом случае используется вопросительно-отрицательные предложения (см. пример "а"), в которых отрицание усиливается при помощи невербальных маркеров негативности (интонация, взгляды, мимика и т.п.) (см. пример "б"). Возможно употребление серии вопросительно-отрицательных предложений практически одинакового содержания (см. пример "а"):

- a) Louise: Clive - *you frighten me. Why are you being so terrible? What have I done?*

- Clive: Don't you know? Can't you see what you've done?.. (P.Shaffer)

6) *The boys were wearing dark blue pants and starched white skirts. Tom gave Laura a sharp look.*

"No black?" His tone reproved her.

"I've got nothing. White is summer mourning, anyway"

"You are not wearing black", Tom said again.

"It's too hot for it, Tom"

"Not for me". He was still dressed in a dark suit and a black tie. Equally black was the look that he gave to Laura (B.Plain)

· Тактика эмфатического переспроса, повтора, цитации иногда приобретает форму передразнивания и обеспечивает подчеркивание субъективных оценок:

6) *Clive: You are patronizing me. That's precisely what you are doing.*

Stanley: That's very unfair.

Clive: (working himself into a deep rage) Precisely! Precisely! I'm very glad you have some nice chums, Clive - I did it, too, at your age. They aren't just my little play-pals, Father! (P.Shaffer)

2) *Louise: But it's not true. It's not true what you said.*

Clive: True? True? I told lie, yes. But what I felt under the lie?.. True! The only thing I know is what's happened to him - my father. (P.Shaffer)

В последнем примере конфликтная экспрессивность усиливается введением оппозиционной единицы "lie". Эмфатический повтор позволяет не вводить в текст описание интонационного оформления речи коммуникантов, хотя экспрессивная интонация является неотъемлемым компонентом таких высказываний. Таким образом, совокупность лексических и синтаксических средств иногда позволяет "услышать" интонации, свидетельствующие о высоком эмоциональном накале диалога.

· При использовании тактики выдвижения обвинения интерактанты нарушают принятые в данном социуме нормы и конвенции и пытаются перехватить коммуникативную инициативу. В таких условиях наиболее частотным является способ мены коммуникативных ролей с перебивом (3):

Heavenly: Don't give me your "Voice of God" speech.

Boss: Are you blaming me for - ?

Heavenly: Yes, I am, Papa, I am. You married for love, but you wouldn't let me do it. (T.Williams)

· Тактика выдвижения условий реализуется в виде условных предложений, от результата реализации которых зависит исполнение/неисполнение действий, влекущих создание конфликтной ситуации. Зачастую тактика выдвижения условий граничит или комбинируется с тактикой констатации отрицательных последствий и реализуется при помощи речевых актов промисива или угрозы :

a) *Leslie said: "I imagine I could postpone the lessons. Some way. And I'd have to talk to Eleanor and Jimmy, see what they want to do." Caroline said with a challenge: "If they deprive me for their own selfish reasons, I'll never speak to either one of them again". (I. Shaw).*

б) *"Daddy, if you are going to sound like a father in a Victorian novel, there's no sense in my standing here. I'll go" (I. Shaw)*

в) *"I'm not going to explain anything, Ma," Wesley said. "But you can tell Mr. Kraller that if he as much as tries to lift a finger to me, I will kill him!" (I. Shaw)*

В данных примерах четко просматривается совмещение в сознании говорящего выбора синтаксической модели с выбором языковых средств в пределах семантических диапазонов негативности.

Для родителей, которые уже только в силу возрастного фактора обладают более высокой языковой и коммуникативной компетенцией и авторитарным статусом, характерно оперирование как большим набором тактик, так и использование вербальных и невербальных средств в более широком диапазоне в пределах одних и тех же тактик, влекущих создание некооперативно-направленного общения с детьми.

• Широко применяется тактика упрека, который может варьироваться по степени интенсивности:

Clive: I'm back, you see.

Louise (bitterly): Your father and I have been worried to death. You might have warned us. (P. Shaffer)

Для реализации данной тактики главным образом используется модальный глагол *"might"*. Но более интенсивным по силе выражения упрека оказываются невербальные элементы коммуникации, которые звучат иногда "громче и выразительнее", чем слова:

She turned to him, her face working "To do that on the very night that a son of the family was laid to rest after giving his life for his country!... You've got a soul of murderer, Wesley". (I. Shaw)

• С тактикой упрека связана тактика критической оценки ребенка, его поведения, желаний и т.п. В этом случае эффективным оказывается прием дистанцирования, который заключается в обращении к ребенку как к третьему лицу, как к постороннему. Для выражения дистанцирования родители намеренно избегают обращения к ребенку по имени, используют имена существительные с обобщенной семантикой, местоимения 3-го лица вместо 2-го лица, что уже является нарушением конвенциональных норм общения и характеризует коммуникативную ситуацию как конфликтно-направленную. Реплика родителя в таких случаях начинается либо с повторения реплики ребенка, которое в данном случае фун-

кционірує як риторический хід, функція якого состоїть в приписуванні доповнїтельної "значимості" повторенної пропозиції, а именно преувеличенними догадками о желаниях ребенка; преувеличение при этом определяется как ход, в котором формулируется мнение, которое очевидным образом является "большим", например, "более отрицательным", чем планировалось говорящим (1: 286), что и подтверждается содержанием дальнейшего высказывания (см. пример "а"), либо реплика начинается с комментариев по поводу высказывания ребенка, за которыми следует приведение примера правильного поведения, основанного на конкретных фактах и жизненном опыте родителя; для речи родителей характерно использование перебива и неотмеченных грамматических конструкций, подчеркивающих их общую эмоциональную негативную настроенность в отношении ребенка (см. пример "б"):

а) *"I ought to have a car of my own, like lots of other fellows!"*

"A car of you own?... A boy that can't pass his Latin exam, like any other boy ought to, and he expects me to give him a motor-car, and I suppose a chauffeur, and an air-plane, maybe as a reward for the hard work he puts in going to the movies with Eunice Littlefield!" (S.Lewis)

б) *"... And then suppose I was walking with you, Ma, and somebody passed a slighting remark - " "Nobody's going to pass no slighting remark on nobody." Babbit observed, "not if they stay home and study their geometry and mind their own affairs instead of hanging around a lot of poolrooms and soda fountains and places where nobody's got any business to be"* (S.Lewis).

Для реализации данной тактики используются также восклицательные субъективно-оценочные фразы, содержащие единицы со сниженной литературной лексикой (ругательства, проклятия, вульгаризмы и т.п.). Они означают переход в более низкий стилистический регистр и в наибольшей степени фокусируют конфликтность в КНПД:

а) *"You fool David! Crazy fool! What the hell did you think you could do there?"* (B.Plain)

б) *"Nonsense! Fool's talk! Ignorant and dangerous! Dangerous! Keep opening your mouth like that and none of us will be accepted in any respectable house!"* (B.Plain)

В общении с детьми родители часто прибегают к использованию тактики выпытывания. Но если применение упомянутых выше тактик создает конфликтную заданность ситуации практически немедленно, т.к. коммуникант эксплицитно проявляет свои намерения как вербально, так и невербально, то в случае выпытывания конфликтность имеет латентный характер. Но по мере накопления вопросов (обычно - простых) их количество переходит в "качество", т.е. в данном случае - в конфликт:

Stanley: (carefully) Clive, do you remember coming to see me at a factory for your allowance the day you went up to Cambridge?

Clive: (nervously) Yes, I do.

Stanley: Did you have a talk to my manager while you were waiting?

Clive: Did I, yes, - I suppose I did.

Stanley: Yes. Is it true you told him you thought the furniture we make was - what was it — shoddy and vulgar? (He pauses.) Well?

Clive: I think I said it - it lacked...

Stanley: What?

Clive: Well, that it didn't use materials as well as it might. Wood, for example. (He smiles hopefully).

Stanley: And the design was shoddy and vulgar?

Clive: Well - well, yes, I suppose I gave that impression. Not all of it, of course - just some things.

Stanley: What things?

Clive: Well, these terrible oak cupboards, for example.

Stanley: Mr. Clark said you called them "grotesque"!

(Clive lowers his eyes). Is that right - grotesque?

Clive: (rising, mumbling) I think they are, rather. (P. Shaffer)

Реплики-реакции детей на вопросы родителей носят в данном случае уклончивый характер, что может привести к невербальному побуждению со стороны родителей и реализации конфликта на невербальном уровне:

Stanley: Did something happen while I was out?

Clive: (in a low voice) No.

Stanley: Did mother say something? Is it something to do with Walter? (He moves above Clive and faces him) That's it, Walter, Clive! What happened with Walter?

Clive: (frightened) I don't know. I don't know.

Stanley: (seizing Clive, relentlessly) Tell me what happened with Walter?

(They struggle together, then Clive disengages himself, pushes Stanley to the left...) (P. Shaffer)

Тактика декларации негативных последствий для ребенка может трактоваться и как угроза:

Heavenly: ...Suppose I still say I won't.

Boss: Then you won't. But there would be consequences you might not like. Try not to obey me and you'll see what it'll mean to you" (T. Williams)

Таким образом, арсенал средств, используемых как детьми-подростками, так и их родителями для реализации конфликтных намерений довольно богат и зависит от статусно-ролевой и возрастной конфигурации

коммуникантов. В данной статье описывается лишь самое “массовое оружие”, применяемое коммуникантами для достижения своих целей. Как объект лингвистического исследования, конфликт “отцов и детей” представляет интерес в рамках изучения лексической и грамматической вариативности речи родителей и детей, в плане используемых ими тактик в ходе развития некооперативных диалогов, которые могут на конечной стадии развиваться по различным сценариям: либо происходит закрепление конфликта, либо один из участников (а иногда и оба) изменяет стратегическую направленность диалога, прибегая к “примирительно-направленным” тактикам. Исследование динамики развития КНПД, на наш взгляд, является важной ступенью “на пути к постижению такого непростого феномена, как использование естественного человеческого языка в качестве орудия социального действия и взаимодействия в условиях конкретной ситуации общения на основе специальной системы правил, постулатов и стратегий” (1: 15).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Сусов И.П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система \ \ Языковое общение: процессы и единицы. – Калинин, 1988 – С.3 – 18.
3. Сусов И.П., Аристов С.А. Коммуникативно- когнитивная лингвистика и разговорный дискурс \ \ Лингвистический вестник. – Вып. 1. – Ижевск, 1999.
4. Сухих С.А., Зеленская В.В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. – Краснодар, 1998.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Lewis S. Babbit – N.Y., 1983.
2. Plain B. Daybreak. – A Dell Book, N. Y., 1995.
3. Plain B. Crescent City. – A Dell Book, N.Y., 1987. – 526 p.
4. Shaffer P. Five Finger Exercise. – Crafton, N.Y., 1984.
5. Shaw I. Bread upon the Waters. – A Dell Book, N. Y., 1982. – 480 p.

БИЗНЕС ДИСКУРС И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ АКТУАЛЬНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (на материале английского языка)

Снигур Л.А. (Николаев)

Основной структурной и коммуникативной единицей дискурса является высказывание. При функциональном подходе высказывание определяется как речевая единица, соотносимая с предложением.

Существует несколько подходов к проблеме разграничения высказывания и предложения, обусловленных методами анализа и теоретическими предпосылками исследования. Отличие высказывания от предложения видят в объеме, а также структурном, содержательном и функциональном аспектах (1, 3). В первом случае границы предложения и высказывания могут не совпадать. Высказыванием представляется "либо законченный в смысловом отношении текст между паузами, либо единица уже предложения" (2). Со структурной точки зрения высказывание может не иметь формы предложения и относиться к речевым образованиям, не укладывающимся в обычную схему предложения. При содержательном подходе основное различие состоит в модально-коммуникативном аспекте, проявляющемся в интонации и актуальном членении.

Основными категориями содержательного подхода к тексту с точки зрения актуального членения, организующего его для передачи актуальной информации, являются тема - исходная часть, данное и рема - что утверждается о данном, новое. Тема и рема - предикативные категории, обязательные контекстуальные единицы высказывания.

Актуальное членение тесно связано с когезией - связностью текста и дискурса. Когезия представлена взаимосвязанностью элементов дискурса, определяющей содержательную сторону входящих в него единиц.

Выделяют грамматическую когезию и лексическую когезию (7, 8). Тема-рематическое членение в силу своей контекстуальной обусловленности связано с обоими вышеназванными типами.

Актуальное членение не соотносится прямо с формально-грамматическим членением. Это обусловлено, прежде всего, его бинарностью. Однако компоненты актуального членения распознаются грамматически по позиции (тема обычно находится в начале высказывания, рема - в конце), выделительно-ограничительным конструкциям и некоторым другим грамматическими маркерами темы и ремы (1, 5, 6, 8).

В предложении грамматический субъект обычно представлен темой, а грамматический предикат - ремой. Учитывая, что мы рассматриваем актуальное членение в рамках дискурса (точнее, такой его разновидности, как бизнес дискурс), логичнее будет, вслед за Гринбаумом и Квирком (9), использовать термины "тема" (theme - T) для обозначения исходной части информации и "фокус" (focus - F) для обозначения новой информации, на которой в высказывании делается акцент. Например:

Our official receipt is enclosed.

T

F

The material arrived in good condition and has now been sold.

T

F

We would also find a short credit advantage to our trading capacity.

T

F

Тема в бизнес дискурсе преимущественно грамматически маркирована. Наиболее распространенными грамматическими индикаторами темы являются:

- указательные местоимения this, that, these, например:

These customers paid us 50% in advance and this is acceptable finding.

- определенный артикль the, например:

The practical value of the book depends largely on the quality of its illustrations.

- притяжательные местоимения your, our, their и др., например:

Your book demands illustrations that meet all the criteria of good correspondence.

- притяжательный падеж имени существительного, например:

By the way, Liuba's garment business is still not so bad.

- причастные и герундиальные конструкции, вводящие предложение, например:

In making our decision, we need the information requested in the following questions.

Маркеры фокуса - более разнородны и включают как грамматические, так и лексические единицы. Наблюдается также большая подвижность маркеров фокуса внутри структуры высказывания..

Индикаторами фокуса могут быть специальные слова:

- уточняющие частицы only, just, namely, likely, например:

This is likely to operate with increasing disadvantage to export from countries outside the tariff wall.

- наречия also, therefore, recently, immediately, since, например:

We are also prepared to accept a 2% reduction in commission if you are prepare to make an all-round price cut.

We have since seen you full catalogue of the market in this market.

Маркерами фокуса выступают также пассивные конструкции, указывающие на кого/что направлено действие, например:

Your order was despatched from here 2 days ahead of the guaranteed time.

Последние реорганизуют содержательную сторону высказываний: объект действия становится фокусом, а предикативная часть - темой (см. предыдущий пример).

Синтаксическая организация бизнес дискурса представляет особый интерес. С синтаксической точки зрения в деловых документах преобладают сложные предложения, и это порождает определенную специфику в оформлении темы и фокуса. Так, при сложносочиненной модели они равномерно распределяются между составляющими ее структурами, например:

We would be happy to provide working space for you.

T

F

and we assure you of our very best cooperation.

T

F

При подчинительной связи тема-рематические отношения могут реализоваться двумя способами: "изнутри" и "извне". Первый способ предполагает существование актуального членения на двух уровнях - уровне макроструктуры, т.е. в пределах целого высказывания и уровне микро-структуры, т.е. когда каждая из составляющих - главная и подчиненная - имеет собственные "внутренние" тему и фокус, например:

Our price list is enclosed with this letter, together with our trade terms.

T

as we think you will need these when you have completed you tests

F

(актуальное членение на уровне макроструктуры).

Our price list is enclosed with this letter, together with our trade terms

T

F

as we think you will need these when you have completed you tests

T

F

(актуальное членение на уровне микроструктуры).

Второй способ предполагает обращения к контексту, учета анафорических и катафорических связей, порядка расположения частей более обширных фрагментов текста, без чего идентификация темы и фокуса в отдельном высказывании часто невозможна.

We see from Lloyd's List that your M.V. Orion is expected to discharge at this port about the middle of next month, and we are writing to offer you our service as agents. (F). Our firm has had considerable experience, having been established here for 30 years, and we are acting as agents to all Anglo-Saxon chartered vessels calling at this port.

Важной отличительной особенностью делового дискурса является клишированность его языкового оформления, проявляющаяся, в частности, в наличии так называемых “рутин”, или штампов - устойчивых конструкций и словосочетаний. Высокая степень рутинизованности бизнес текстов коррелирует определенным образом с их тема-рематической организацией. Эта соотношенность связана с семантикой рутин как единиц, организующих дискурс.

Выделяются два типа клише-рутин. Первый включает законченные выражения, структурно совпадающие с предложением. Рутин данного типа выражают, как правило, тематическую часть высказывания. Предложения, в которых рутины представляют часть сложного предложения, рассматриваются как двучленные.

Тема в таких предложениях вводится рутинной формулой, так как она в данном случае является базовым опорным пунктом при развертывании информации, например:

We are determined that our products will do for you what we say they will do.

You may be sure that your machines will be ready for shipment by April.

We are anxious to serve you but are sure you will see the need for giving us a little more notice of your requirements.

Рутины второго типа представляет собой незаконченные высказывания и вводят обычно рематический блок высказывания, например:

We would like to have a supply of your small appliance to include in our October promotion.

В качестве маркеров фокуса они могут фигурировать как в составе микроструктур (как в главных, так и зависимых предложениях), так и макроструктур, например:

We are capable of paying our bills promptly, as you'll see from the enclosed financial statements.

Связь актуального членения с семантической структурой бизнес текста проявляется в тема-рематической нерасчлененности некоторых высказываний. Это имеет место в случаях, когда тема представлена абсолютно новой информацией, не связанной с предыдущей. Белошапкова (1) называет это “нулевой темой”, а Гринбаум и Квирк (9) именуют подобные высказывания экзистенциональными.

Наиболее распространенным формальным признаком нулевой темы является структура *there + be*, указывающая на неопределенный субъект нулевой темы, например:

There will be no difficulty in getting the goods to you by your stipulated date.

Unfortunately there are three of them that cannot be prevented already according to the rules.

К нерасчлененным высказываниям относятся повелительные предложения, со значением просьбы, например:

Come and visit us any day next week.

Please say hello to David for me.

Можно заключить, таким образом, что актуальное членение в текстах, представляющих английский деловой дискурс, проявляет ряд особенностей, связанных как со спецификой их языкового оформления, так и семантической организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белошапкина В.А. Современный русский язык. Синтаксис. - М., 1977.
2. Гак В.Г. Высказывание. // ЛЭС, 1998.
3. Крылова О.А. Понятие о многоярусности актуального членения и некоторые синтаксические категории (сочинение, подчинение, обособление, присоединение) // ФН. - 1970. - С.3-15, 25-30.
4. Реферовская Е.А. Лингвистическое исследование структуры текста. - Л., 1983.
5. Перепеченко Г.П. Проблема актуального членения многозвенных сложноподчиненных предложений. // Вопросы романо-германской филологии. М., 1972.
6. Слюсарева Н.А. Категориальная основа тема-рематической организации высказывания-предложения. // ВЯ. - 1986. - С.217-230.
7. Шевякова В.Е. Актуальное членение предложения. // ЛЭС, 1998.
8. Greenbaum, S., Quirk, R.A. Student's Grammar of the English Language. - М., 1990.
9. Halliday M.A.K., Ruqaiya, H. Cohesion in English. - London: Longman, 1976.
10. Halliday. M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. - London: Longman, 1991.

К ПРОБЛЕМЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО И ПРАГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Черновол-Ткаченко О.А. (Харьков)

Выявление семантического и прагматического инструментария, необходимого для идентификации данного текста как юмористического (или неюмористического) (речь пойдет в данном случае о текстах больших форм) не представляется возможным без, во-первых, выведения моделей семантической динамики текста, отражающих тенденцию приращения новых и новых его значений; во-вторых, факторов, обеспечивающих устойчивость влияния поверхностной структуры текста в сознании реципиента.

Указанные аспекты являются, разумеется, лишь частью общей интерпретации текста, однако их анализ необходим для того, чтобы уточнить природу объекта нашего исследования – юмористического текста и доказать, что наш подход к анализу больших юмористических текстов не противоречит теории анализа текста в современной лингвистике и смежных с ней областях.

Мы исходим из того, что только объекты, используемые в качестве знаков, могут нести в себе потенциально заложенный юмористический заряд. Иными словами, юмор существует исключительно в коммуникации, т.е. в семиозисе, следовательно, предлагаемый подход применим исключительно к юмору в рамках коммуникации. Иные формы юмора, если они существуют, не являются объектом нашего анализа.

Исследование юмористического текста должно опираться на общую нарратологию (в работах Принса, Бала, Риммона-Кеннана, Тулана). При этом однако вслед за Аттардо и Чабанне (1992) мы считаем необходимым, выделить юмористические тексты в особую категорию на основании их перлокуционной цели – быть смешными. Аттардо (1:761) определяет юмористический текст как текст, «перлокуционной целью которого является признание его как такового (т.е. юмористического) аудиторией, для которой этот текст предназначен».

Юмористические тексты больших форм (большие по объему, чем шутка/анекдот) обладают рядом качественных особенностей, которые являются у них общими с неюмористическими текстами, а именно:

1) наличие «банка памяти» для хранения информации, которая эксплицитно или имплицитно выражена в тексте, а также информации, кото-

рая обеспечивает его связность (независимо от того, является ли данный текст диалогичным или монологичным);

2) наличие в пределах банка памяти особых его участков, в которых некоторая часть обычных (немаркированных) способов кодировки значения (как прямого, так и переносного) является временно недействительной или умышленно нарушается автором. Пользуясь терминологией логики, общее повествование не является однородным;

3) представление информации, заложенной в тексте не дискретными элементами, а информационными скоплениями (скриптами, фреймами), которые передаются и воспринимаются в цепи ассоциаций и во взаимосвязи друг с другом;

4) комплексный характер этих скоплений, каждое из которых в свою очередь может состоять из целого ряда скриптов. (Раскин (1985) называет такие скопления информации, макроскриптами или сложными скриптами в зависимости от того, организованы они хронологически или нет);

5) наличие нелинейности в расположении хранящейся в базе памяти информации. Хотя и существуют ее участки, строящиеся согласно Евклидовым законам семантики и логики (например, то, что происходит позднее времени T_0 , относится в рамках реальной модальности ко времени $T \geq 1$), некоторые участки повествования могут соотноситься с информационным скоплением, нарушающим хронологию изложения, чтобы вернуться к прошлому или «заглянуть» в будущее (flashbacks или foreshadowings);

6) возможность одновременной обработки информационных скоплений в базе памяти по разным каналам (например, одновременная ассоциация того или иного участка информации с разными фреймами).

Рассмотрим на базе этих общих характеристик динамичность значений текста вообще и юмористического текста в частности. Механизм приращения значений юмористического текста и переноса их относительно базы памяти (вхождения или выхода из нее) не был еще объектом рассмотрения лингвистической науки. Психологи (Фельдман, Кинч и др.) однако доказывают, что модель построения базы памяти носит динамичный характер, т.к. сама база памяти претерпевает изменения при «столкновении» с новой информацией. Так, Кинч рассматривает информационные фреймы и схемы текста не как «фиксированные структуры, извлекаемые из памяти по мере необходимости, а как алгоритмы для образования организационных структур в контексте с определенной целью» (5:249).

Рассматривая проблему с лингвистической точки зрения, можно в качестве начальной гипотезы предположить, что база памяти изначально является пустым/незаполненным скриптом, слоты которого заполняют-

ся інформаційними/смысловими структурами активізуємими текстом в процесі його сприйняття. Як тільки текст активізує визначений скрипт, останній переноситься в базу пам'яті і вступає во взаємодію з іншими скриптами, що знаходяться в ній. Так, наприклад, висловлювання

(1) *Nurse James gave me an injection* активізує лексическі скрипти NURSE, JAMES, I [продуцуючий текст], які включають характеристики [+людина] [+/- чоловічого статі] (які, звичайно, включають експліцитно не виражені родові частини людського тіла, наприклад, руку, ногу і т.д.). Лексическе поєднання *gave an injection* активізує скрипт GIVING AN INJECTION, а також виводимі шляхом логічного висновку скрипти HOSPITAL, ILLNESS. В ролі пацієнта вступає продуцуючий текст індивід. В спрощеному вигляді представим активізуєми висловлюванням (1) скрипт (точками позначені частини скрипта, які можуть бути заповнені читачем в залежності від його фонових знань і контексту):

HOSPITAL/ILLNESS...

(агент NURSE JAMES, I [продуцуючий висловлювання])

(родові назви людського тіла, медических інструментів і хвороб)

GIVING AN INJECTION

(агент NURSE JAMES ...)

(родові назви людського тіла і хвороб)

(пацієнт I [продуцуючий висловлювання])

(інструмент SYRINGE з скрипта HOSPITAL/ILLNESS)

(час *x* в минулому)

Таким чином, скрипт HOSPITAL/ILLNESS активізується на основі скрипта GIVING AN INJECTION і порівнюваних з ним родових назв частин людського тіла, медических інструментів і хвороб, які є обов'язковими компонентами скрипта HOSPITAL/ILLNESS. Така логіска висновкова зв'язь між скриптами не носить, однак, обов'язковий характер (ін'єкція, наприклад, могла бути зроблена з метою вбити говорящого). Крім того, виводимі логіска компоненти складного скрипта не є безпосередньо необхідними для актуалізації буквального значення висловлювання, бо вони «зберігаються» в базі пам'яті і можуть бути вилучені в разі необхідності. Наприклад, якщо б закінченням висловлювання було:

(2) *and hurt my arm.*

або якщо б за висловлюванням (2) слідвало б:

(3) *You see, my husband has always given me trouble.*

В таком случае мы считали бы первый занесенный в базу памяти скрипт точкой отсчета (Т0), высказывание (3) активизировало бы новый скрипт, актанты которого совпадали бы с актантами первого скрипта. При этом актант I [продуцирующий высказывание] приобрел бы характеристики [человек] [+ женского пола], были бы активизированы выводимые логическим путем скрипты БРАК/СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ и т.д.

Приведенный выше механизм заполнения базы памяти читателя в процессе восприятия текста является не только подтверждением динамичности модели приращения значений текста, но и того, что активизация скрипта может быть основой для вывода части информации логическим путем. Кинч (1998) называет выводимую таким образом информацию текстовой базой, на основе которой строится ситуационная модель текста. Последняя включает активацию скриптов, выводимых логическим путем, и различные связи и элементы согласования между различными частями текста (также выводимые логически), а также фоновые знания автора текста.

Ситуационная модель является суммой пропозициональных значений текста, включающих значения, выводимые путем абдукции, интерполяции, разрешения, недоразумения и догадки реципиента. Коль скоро реципиент создает ситуационную модель определенного текста, он также параллельно и в строгом соответствии с ней строит в своем сознании ментальную репрезентацию "мира текста". Любое лингвистическое выражение мысли неизменно создает определенные отношения ("мир текста") между составляющими это выражение элементами. Такие отношения могут быть выражены эксплицитными средствами и/или имплицитно – в случаях, в которых смена пространства, времени и реальности описываемых событий не имеет формального выражения в тексте. "Мир текста" является исключительно ментальным феноменом, не обязательно связанным с реальностью и являющимся репрезентацией в сознании реципиента внутренних взаимоотношений порожденных данным текстом. Это понятие представляется особенно важным для анализа юмористических текстов, т.к. в последних чаще нарушается логика окружающего мира, при сохранении действия законов «мира текста».

Без рассмотрения проблемы взаимосвязи удаленных друг от друга информационных/семантических участков текста невозможно определение влияния поверхностной структуры текста на сознание реципиента и длительности срока ее сохранения в памяти. Психолингвистический анализ показывает, что поверхностная структура текста не сохраняется долго в человеческой памяти. Сакс (1974) утверждает, что поверхностная структура нескольких предложений сохраняется в памяти не более 20 секунд

последующего чтения. Однако, существует и доказательство противного: « Хотя совершенно верно, что значение запоминается лучше, чем поверхностная структура... длительное запоминание внешней формы не является редким... » (5:247). Исследования свидетельствуют о том, что внешняя форма текста лучше всего запоминается, когда способ ее выражения является прагматически важным и таким образом соотносимым с ситуационной моделью (например, имеет большое значение то, насколько вежливо или агрессивно партнер по дискурсу выразил ту или иную мысль и т.п.).

Указанный психолингвистический подход, позволяет ответить на вопрос: если реципиент сохраняет в памяти поверхностную структуру текста лишь незначительный период времени, то каким образом в его сознании устанавливается/возникает взаимосвязь между удаленными друг от друга формально участками текста? Например, высказывания

(4) *I'm an analyst, not a magician.* (6:416)

(5) *I'm a magician, not an analyst.* (6:426)

разделены десятью страницами текста. Тем не менее, стилистический прием хиазматического построения этих высказываний легко распознаваем читателями. Вопреки выводу Сакса о том, что высказывание (4) будет забыто реципиентом через 20 секунд дальнейшего чтения – промежуток времени явно не достаточный для того, прочитать 10 страниц, разделяющих высказывания (4) и (5). Противоречие разрешимо, если учесть, что лучше всего запоминаются нестандартные или особо важные фрагменты поверхностной структуры текста. В случае с большими юмористическими текстами такими фрагментами могут быть, например, прагматически маркированные высказывания (выражающие агрессию, одобрение и т.д.); высказывания с непривычным/аномальным синтаксическим построением или лексическим наполнением (эллиптические предложения, предложения с нарушением порядка слов, предложения, содержащие элементы региональных или индивидуальных особенностей речи и т.д.); фрагменты отличающиеся «стратегическим» расположением важных для данного текста частей/компонентов (в начале, конце текста/частей текста, повторяемость).

Таким образом, существует большое разнообразие способов выделения автором прагматически и формально маркированных фрагментов текста, способствующих запоминанию их поверхностной структуры реципиентом, которые еще ждут своего изучения.

В заключение отметим, что анализ семантики текста (в том числе юмористического) – это сложный процесс, требующий интерпретации ментального «мира текста» в сознании реципиента. Основной особеннос-

тью «мира текста» является его психологическая реальность, которая не обязательно совпадает с реальностью экстралингвистической. С этой точки зрения традиционный «чисто» лингвистический анализ текста на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях не является достаточным. Последовательное определение буквального, а затем и выводимых логически значений возможно только на основе интегрированного психо-социо-лингвистического подхода, вовлекающего в орбиту исследования целостный «мир текста» как сложное переплетение взаимосвязанных буквальных, выводимых логически и прагматически маркированных значений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Attardo S. – Locutionary and perlocutionary cooperation: The perlocutionary cooperative principle// *Journal of Pragmatics*. – 1997. – No. 27. – NH Elsevier. – C. 753-779.
2. Attardo S., Chabanne J.-Ch. – Jokes as a text type// *International Journal for Humor Research*. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter. – No.5(1). – 1992. – C. 165-176.
3. Bal M.. – *Narratology: Introduction to the Theory of Narrative*. – Toronto: University of Toronto Press. – 1985.
4. Feldman J. – Frames and semantics of understanding// *Quaderni di semantica*. – No. 6(2). – Rome. – 1975 – C. 222-254.
5. Kinch S. – Understanding and Literal Meaning// *Cognitive Science*. – No. 13. – Berlin/New York: Mouton de Gruyter. – 1998. – C. 243-251.
6. . Muir F. *Oxford Book of Humorous Prose*. (1992). – Oxford University Press. – 1992. – C. 416-426.
7. Prince G. – *A Grammar of Stories*. – Den Haag: Mouton. – 1973.
8. Raskin V. – *Semantic Mechanisms of Humor*. – Dordrecht/Boston/Lancaster: D. Reidel. – 1985.
9. Rimmon-Kennan S. – *Narrative Fiction: Contemporary Poetics*.—London: Methuen. – 1983.
10. Sachs F. – An analysis of the course of a joke's telling in conversation// *Explorations of the Ethnography of Speaking*. – Cambridge University Press. – 1974. – C. 337-353.
11. Toolan M.J. – *Narrative: A Critical Linguistic Introduction*. – London/ New York: Routledge. – 1988.

К ПОСТРОЕНИЮ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ РАДОСТИ В АНГЛИЙСКОМ, УКРАИНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Шамаева Ю.Ю. (Харьков)

Мировые тенденции глобализации науки, экономики, образования делают все более актуальными проблемы межкультурного понимания в международном сотрудничестве. Отсюда – повышенный интерес со стороны ученых самых различных направлений к проблемам культурного разнообразия, проявляющегося в национальных языках, национальной ментальности и психологии, национальных стереотипах поведения и способах видения мира. Одним из перспективных подходов, принятых в теории межкультурной коммуникации, является метод когнитивного моделирования эмоций (Lakoff and Johnson (6), Bartel (1), Radov (10), Donald (1982), Gibbs and Matlock (3)). В рамках этого подхода нами предпринята попытка построения когнитивной модели радости в английском, украинском и русском языках.

В основе предлагаемой модели – контрастивный этносемантический анализ метафорических способов вербализации радости.

Изучение этносемантических аспектов радости позволяет утверждать, что эмоция радости – это отнюдь не чувство, лишенное концептуального содержания, но своеобразный континуум ценностей, сложившихся в “сложной экологии социума” (9:28).

Поскольку “каждый язык – материя, сотканная из разума, культуры и национального сознания” (2:35), конструирование когнитивной модели радости реализуется посредством создания так называемой когнитивной карты или схемы концепта радости в вышеупомянутых языках. Такая карта включает в себя а) ассоциативные поля данной эмоции; б) разновидности ее метафорического выражения и в) культурные ценности, проявляемые в способах концептуализации эмоции радости носителями сравниваемых языков и отражаемые в их метафорических системах.

Фактическим материалом исследования послужили устойчивые выражения, пословицы и другие фразеологические единицы, заключающие в себе в сжатой и концентрированной форме нравственный опыт и мудрость народа.

Проделанный анализ позволяет говорить о следующих ярко выраженных национально-культурных контрастах.

1. В американских метафорах радость преимущественно предстает как управляемое чувство – отражение национальной “психологии действия”

(7:18), личного контроля индивида над собственной жизнью и окружением. В украинских и русских метафорических выражениях проявляется фатализм; говорящий чаще предстает как пассивный реципиент, фаталистически воспринимающий ниспосланную ему судьбой долю.

Ср. *Joy is for those who can get it.* Як не дано щастя змалку, то й не буде до останку.
Be a joy-builder. Щасливому – щастя.
Know how to pick up your joy in the fields of life. Счастье придет – и на печи найдет.

2. В американских метафорических выражениях, связанных с радостью, доминирует позитивное отношение к новизне и переменам, в то время как в украинской и русской фольклорной традиции наблюдается прямо противоположная тенденция: перемены воспринимаются с осторожностью и недоверием, даже если они сулят радость.

Ср. *Her writings are products of her fertile joy.* Страшно горе на счастье менять.
Change your life for joys. Щастя не шукай, нема його і так нехай.
His heart is an incubator for little joys. От добра добра не ищут.

3. Замечено также, что в русской и украинской этнокультурах радость зачастую воспринимается как грех, за которым неизбежно следует наказание и искупление.

Счастье – палка о двух концах. По смеху плач наступает.
Радій, поки будеш плакати. Любиш кататися – люби и саночки возить.

Щастя заманулося? Не шукай щастя, не гніви Бога.
Щастя має роги, нещастя – крила.

“Треховный” характер радости в славянских культурах, возможно, объясняется тем, что в ортодоксальном православии радость в земной жизни противоречит аскетическим канонам и ассоциируется с неправедностью, так как аскетизм и страдания на земле являются залогом вечной радости на небесах (10). Согласно же господствующей в США протестантской религии, радость – это божья благодать, награда человеку за труд и праведность.

Ср. *Joy is a blessing.* Faith is my strength, joy is my religion.

Фатализм и противоречивость “славянской души” проявляется в нередком совмещении и отождествлении таких несочетаемых концептов, как “счастье” и “несчастье”.

Не было бы счастья,
да несчастье помогло.

Без нужды и счастья нет.

“Нет тебе в жизни счастья.
Ты ж славянин. А как славянин
знай: не наше счастье найти,
а наше – потерять).

Щастя – нещастю сусіда.
У злиднях, але щасливі.

Побралися щастя навіки з нуждою.

Парадокс “чем хуже – тем лучше”, присутствующий как в украинском, так и в русском национальном менталитете и национальном характере, можно рассматривать, вслед за Н.Лоем (7), как часть национальной “психологии саморазрушения”.

Следует отметить и противопоставление таких ценностей, как “американская горизонталь” (равенство возможностей) и отечественная приверженность к социальной иерархии (вертикаль власти), что обусловлено историческими различиями в социальном развитии и мировоззрении сопоставляемых лингвокультур.

Ср. Everybody who can act, can
get happiness.

Кто крыльцом выше, тот
и счастливее.

Out of work – out of joy.

Счастье, как дворянство, родом
ведется.

4. Лексика радости отражает также преобладающий в данной этнокультуре культурный синдром, в частности, американский индивидуализм (“privacy”) и украинская/российская психология коллективизма.

Например: “If your joy is bigger than mine I respect you. If your joy is equal to mine I’m suspicious. If your joy is smaller, I’m sorry, I don’t even know you” (8:32).

В отличие от американцев, воспринимающих себя как уникальных независимых индивидуумов, свободных в своих действиях и эмоциях, представители украинской и российской культур исторически приучены воспринимать себя как часть общности, где хорошее и плохое должно быть разделено поровну на всех. Например:

Горе нам, горе вам – все мы делим пополам.

Если радость на всех одна, на всех и печаль одна.

Рассмотренные примеры также подчеркивают тот факт, что как американцы, так и украинцы/русские не лишены чувства зависти к своим

ближним и их достижениям. Но если в культуре США эта зависть носит, если можно так выразиться, конструктивный, “созидательный” характер, в славянских культурах зависть зачастую ведет к агрессии и разрушению. Например:

Люди пировать, а мне горевать да их проклинать. Ваши играют, наши рыдають. Еще поиграють, и они зарыдають. В щасті не без ворога.

5. Американская психология “активного действия”, являясь проявлением американского перфекционизма и стремления к тому, что психологи называют завершенностью (стремление довести дело до конца) (“closure”) (10:75) контрастирует с экзистенциальной “психологией бытия”, ассоциируемой с носителями украинского и русского языков. В американском английском чувство радости может метафоризироваться даже через такую активную, экстремальную форму действия как борьба (война). Это отражено в следующих метафорах:

His joy was indefensible.

Lanny surrendered to our joy.

To win back my happiness – there is nothing I wouldn't do.

Принципиальное различие между американским и украинским/росийским способами концептуализации радости заключается в том, что славянские народы не воспринимают радость как ожидаемый результат работы и усилий. В славянских культурах радость, скорее, ассоциируется с чем-то, доставшимся случайно или дарованным судьбой тому, кто способен пассивно ждать. Терпение, послушание являются культурно одобряемыми качествами, поскольку любое действие чревато изменениями, а перемены в представлении нашего народа “всегда к худшему”. Следовательно, вознаграждения заслуживают бездействие, безвредность и беспомощность. Поэтому радость бывает ниспослана в дар тем, кто смертен, безобиден и беспомощен: детям, бездельникам и слабоумным. Например:

Лежухові Бог щастя дає.

Счастье дурню служит, а умный на счастье пашет.

Дитинка спить, а щастя їй росте.

Хоч роби та розсядься, а як нема щастя, то й нема.

Счастье едет в карете, а с умом идут пешком.

Напротив, в американской культуре радость стоит того, чтобы за нее жить и работать, так как воспринимается как особый вид богатства. Отсюда – следующее:

а) радость – это деньги (*Don't waste your joy. Save joys. Any spare joy? Don't you dare to rob Mom of her joy.*).

Понимание радости как разновидности богатства, а богатства как средства достижения определенной цели, что соответствует доминирующему американскому культурному стереотипу, порождает следующие метафоры:

б) радость – ресурс, который необходимо расходовать разумно, экономить, радость – это источник энергии (*He ran out of joy. They were bursting with joy*).

Вышеупомянутая метафора радость – источник энергии имеет разнообразные “ответвления” (entailments) (6):

- радость – механизм/машина (*The Maxwells' joy is running out of steam*);
- радость – свет (*She has a sunny smile*);
- радость – огонь (*Unshared joy is an unlighted candle*);
- радость – пища/горючее (*Don't spoon-feed her with joy*).

В целом, в американской лингвокультуре радость символизирует ценности, которые приносят богатство и комфорт.

6. Американский материализм (“вещизм”) противостоит в метафорах радости отечественному приоритету духовного над материальным.

Ср. *The more you have the happier you are.*

Have a heart with room for every joy. Счастье дороже богатства, including money.

В американской культуре радость концептуализируется как материальная субстанция, имеющая физические параметры - ширину (*I am feeling broad*), высоту (*Her joy mounted to a peak*), вес (*What is the foundation of your joy?*), силу и энергию (*I haven't got to the core of your joy. The whole ocean of joy*).

В украинских и русских метафорических выражениях радость, как правило, ассоциируется не с богатством и материальным благополучием, а, скорее, противопоставляется ему. Например:

Не в деньгах счастье.

Хоч нічого їсти, а радісно.

Богатство – с деньгами,

Счастье дороже денег.

голь – с весельем.

Таким образом, язык метафор радости – это не случайный способ денотации, а особая, культурно и лингвистически-детерминированная форма этномышления, своего рода зеркало, отражающее особенности национального характера и менталитета. Когнитивное структурирование эмоции радости способствует выявлению связей между эмоциями и мышлением, эмоциями и языком, эмоциями и социо-культурными условиями, в которых проходит процесс формирования образа жизни нации и национально-специфичной когнитивной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bartel, R. Metaphors and Symbols: Forays Into Language. – Urbana: National Council of Teachers of English Press, 1990. – 145 p.
2. Donald, M. Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition. – Cambridge: Harvard University Press, 1982. – 60 p.
3. Gibbs, R. and Matlock, Jr.T. Psycholinguistics and Mental Representations //Cognitive Linguistics. – 1999. – v.10. – P.263-269.
4. Gizman, F. Slavic Gestalts. – [CD ROM]. Linguistics and Cultural Logics. – 1994. – P.19 (Abstract from: ERIC Document Reproduction Service: ERIC Item: LS 342105).
5. Hultow, J. Psychoreview USA. 27 Feb. 1998. <http://www.members.gnn.com/user/megapsych.htm>.
6. Lakoff, G. and Johnson, M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 280 p.
7. Loy, N. In the Mentality of Slavic and American Tribes: Political Issues// Canadian Journal of Political Science. – 1992. – v. 21. – P. 15-26.
8. Neyley, S. Three Gamblers'Secret. – Boston: Beacon Press, 1997. – 56 p.
9. Pelz, R. Language as Cognition. //Canadian Journal of Psycholinguistic Science. – 1980. – v.46. – P. 24-31.
10. Radov, N. National Psychology Through Language. – [CD ROM]. Language and Cognition. – 1989. – P.72-86. (Abstract from ERIC Document Reproduction Service: ERIC Item: EJ 509 273).

СМЯГЧЕНИЕ (МИТИГАЦИЯ) КАК КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ НЕУВЕРЕННОСТИ В РЕЧИ

Ярхо А.В. (Харьков)

Прагмалингвистический феномен неуверенности — специфической коммуникативной черты культурно индоктринированного речевого поведения англоговорящих коммуникантов, всё чаще выступает на передний план как область потенциального прагматического «риска», возникающего в связи с высокой вероятностью ошибочной интерпретации речевых актов, содержащих неуверенность в качестве коммуникативной стратегии. Поэтому рассмотрение данного феномена как неотъемлемой части прагматической компетенции, необходимой для успешного осуществления процесса общения как англоговорящими коммуникантами, так и теми, кто пользуется английским как вторым/иностраным языком, нельзя не признать актуальным.

Данное исследование имеет своей целью моделирование механизма реализации неуверенности в речи.

Остановимся подробнее на анализе одного из основных компонентов этой модели — *коммуникативной стратегии смягчения (митигации)* и попытаемся выделить наиболее типичные речевые акты, содержащие вышеуказанную стратегию.

Анализ фактологического материала позволяет постулировать трёхуровневую модель реализации неуверенности в речи, а именно:

прагматический уровень, включающий прагматические функции неуверенности;

когнитивный уровень, включающий коммуникативные стратегии неуверенности (*hedging*);

языковой уровень, включающий лексико-грамматические средства выражения неуверенности (*hedges*).

Как коммуникативная стратегия, митигация принадлежит к когнитивному уровню вышеприведенной модели.

Отметим, что наша трактовка понятия и термина «*коммуникативная стратегия*», базируется на определении Ч. Фернандо (4: 110-111), согласно которому стратегия — это «способ достижения победы или преимущества в состязании, интеллектуальном поединке и т. п., представляющий собой сложную когнитивную модель (гештальт) обобщения прошлого опыта и включающий личностные, локальные, деятельностные и иные измерения, особым образом организованные в сознании и памяти»

(пер. мой – А.Я.). Исходя из этого определения, мы будем рассматривать коммуникативную стратегию (митигацию и другие стратегии неуверенности) как компонент коммуникативной «игры» – одно из проявлений интеллекта и коммуникативной компетенции говорящего.

Понятие митигации достаточно широко обсуждается в современной лингвопрагматике (3, 5, 6, 7). Так, например, Фрейзер (5: 341) определяет его как «модификацию РА: снижение нежелательного эффекта, который данный РА может иметь на адресата» и выделяет два вида митигации: *эгоистическую* («*self-serving*») и *альтруистическую* («*altruistic*») (5: 341), направленные на удовлетворение лицевых нужд говорящего и адресата соответственно.

• «*Эгоистическая*» митигация (*митигация в пользу говорящего*) предполагает модифицирование ликопонижающей силы РА с целью своеобразного отстранения от него и избежания ответственности как за пропозициональное содержание РА, так и за его негативное перлокутивное воздействие на адресата:

1. (*two colleagues discussing a new TV project*)

– «Look, I don't mean to be negative here... hey... Now, now I know that was your idea and all, but doesn't that sound like a great chance of being... and wouldn't that be, you know... a bad thing?»

(«ED-TV»)

• «*Альтруистическая*» митигация (*митигация в пользу адресата*), напротив, в первую очередь направлена на смягчение потенциального эффекта высказывания на адресата:

2. (*boss - employee conversation*)

Boss: I was going to ask you if you'd mind sharing your office with two other reporters. It's only temporary.

E: Sharing my office? Of course not.

B: Do you think you can take it on, the extra job?

Следует отметить, что нередко наблюдается комбинирование говорящим вышеуказанных типов митигации и, следовательно, двусторонняя прагматическая ориентация речевых актов.

Объектом данного исследования является преимущественно второй из вышеупомянутых типов и предлагается встречный термин для его обозначения – *митигация в пользу адресата*.

Если представить процесс коммуникации в рамках общей Теории Вежливости (2) как некий контракт («*conversational contract*» (5: 343)), негласно заключаемый собеседниками, стратегия смягчения, как, впрочем, и неуверенность в целом, может быть метафорически определена как необходимое и сопутствующее условие данного контракта, от выполне-

ния или невыполнения которого зависит успех или неудача «сделки». Последнюю можно представить также как своеобразную «игру в вежливость» — акт коммуникативной взаимопомощи между общающимися партнёрами.

Таким образом, коммуникативная стратегия *смягчения* понимается нами как ментальный план коммуникации, предполагающий координированное использование языковых сигналов неуверенности (*hedges*) и позволяющий модифицировать в сторону смягчения иллокутивную силу высказывания, во избежание нежелательного воздействия речевого акта на адресата. Стратегия митигации, следовательно, может рассматриваться, как одно из необходимых условий *успешности* речевого акта.

В большинстве случаев такая коммуникативная стратегия неуверенности, как *смягчение*, используется коммуникантами в целях уменьшения ликопонижающей силы речевого акта, смягчения его потенциально негативного перлокутивного эффекта на отрицательное лицо собеседника и снижения угрозы вторжения в «личностное пространство» последнего. Вышесказанное позволяет рассматривать данную стратегию как стратегию отрицательной вежливости, удовлетворяющую нужды отрицательного лица собеседников.

Исходя из этого, можно предположить, что стратегия митигации должна фигурировать в тех типах речевых актов, которые представляют наибольшую потенциальную угрозу для отрицательного лица собеседника. Проведенный нами анализ речевых произведений на английском языке подтверждает настоящее предположение и позволяет выделить следующие категории речевых актов, для которых использование стратегии смягчения в качестве прагматического модификатора является наиболее типичным:

• **Директивные речевые акты** (8), подразделяемые на два основных класса: *митигированные просьбы* и *митигированные предложения*.

• • **Митигированные просьбы.** Очевидно, что официальное/неофициальное обращение с просьбой к собеседнику означает неизбежное вторжение в его личностное пространство. Посредством митигации говорящий смягчает иллокутивную силу высказывания и тем самым оставляет за собеседником право на отказ (*I'm terribly sorry, but would there be any chance of your lending me just enough money to get a railway ticket to get home?; If you are going there anyway, perhaps you could get me a small packet?*).

Выделяются два структурно-синтаксических типа митигированных просьб, функционирующих в качестве коммуникативных стратегий неуверенности:

- Декларативные митигированные просьбы: *I'd like to see if it's possible that..., I've been wondering whether it's possible for you to consider..., I want to see if you will do me the favor of..., I don't know if it will displease you that...etc.*

-Интеррогативные митигированные просьбы: *Could you/Couldn't you..., Will it bother you if..., Is it possible that..., Would you permit me to...etc.*

Митигированные просьбы обычно встречаются в коммуникативных ситуациях, участники которых разделены определённой дистанцией, *вертикальной* (социальный статус) или *горизонтальной* (степень знакомства):

3. (a conversation between two recent acquaintances)

Rachel (talking to Frank): *But I can't go out on a date because you have to be with me every minute. I mean, what if he wants to invite me to his place afterwards. Are you gonna come too? Erm, so, the only thing I can figure...is for you to take me out. That's what I was wondering...you know, I mean, what do you think? Only if you want to, only if you want to.*

(«The Bodyguard»)

4. (a conversation between complete strangers)

-«I'm sorry to disturb you, but I've had sort of accident, I wonder if I could use your phone to call a taxi.

(T. Capote)

• **Митигированные предложения.** Сама природа речевых актов данного типа, как разновидности директива, определяет необходимость их иллюкутивного смягчения, поскольку их пропозициональная интенция, включающая предложения говорящего относительно будущих действий собеседника и, следовательно, ограничивающая свободу последнего, подразумевает неизбежное пересечение границ личностной «территории» адресата (*You wouldn't like to come by after work?; I just thought perhaps you might care to chat for a while...; Perhaps you could regain our group tomorrow?; Maybe we can spend some time together next weekend?; You might give that project a little thought..., etc.*).

Прагматическое назначение митигированных предложений позволяет объединить этот тип РА в одну категорию с **митигированными советами**, также типично модифицируемыми при помощи показателей неуверенности:

5. Susan: *Why can't you work at home, Marilyn? You are very talented. Designing dresses is a career you could establish out of your home, couldn't you?*

(A. Cooperman)

• Речевые акты **вопроса** (**квеситивы**), также относящиеся к числу липопонижающих РА, а потому требующие той или иной степени смягчения своей иллокутивной силы:

6. (*Job interview*)

-«Might we ask about the rest of your family?»

(J. Grisham)

7. (*family circle talk*)

-«I've been meaning to ask you what you were thinking about regarding going back to work».

• **Критические высказывания**, содержащие отрицательную оценку действий или качеств собеседника, которые могут быть представлены различными типами РА, но объединены в общую категорию «**конфликтных РА**»:

8. -«I wonder if you haven't mistaken your medium», I said.

-«What the hell do you mean?»

-«I think you are trying to say something, I don't quite know what it is, but I'm not sure that the best way of saying it is by means of painting».

(S. Maugham)

Естественно, что анализ когнитивного уровня модели реализации неуверенности в речи должен быть дополнен детальным описанием обширного арсенала языковых индикаторов неуверенности и прагматических функций, реализуемых ими в речи, что является задачей следующего этапа исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Blum-Kulka, S. Modifiers as indicating devices: the case of requests//Theoretical Linguistics. – 1985. – v.12, #2/3. – P. 213-229.
2. Brown, P., Levinson, S. Politeness: Some Universals in Language Usage. – CUP, 1987. – 345p.
3. Caffi, C. On mitigation//Journal of Pragmatics. – 1999. – v.31. – P. 881- 909.
4. Fernando, C. Idioms and Idiomaticity. – Oxford University Press, 1996. – 265p.
5. Fraser, B. Conversational mitigation//Journal of Pragmatics. – 1980. – v.4, #4. – P. 341-350.
6. Fraser, B. Perspectives on politeness//Journal of Pragmatics. – 1990. – v.14. – P. 219-236.
7. Holmes, J. Modifying illocutionary force//Journal of Pragmatics. – 1984. – v.8. – P. 345-365.
8. Searle, J.R. A classification of illocutionary acts//Language in Society. – 1976. – v. 5, P. 1-23.

РАЗВИТИЕ СЛОВАРНОГО СОСТАВА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Зацный Ю.А., докт. филол. наук (Запорожье)

Влияние современного этапа научно-технического прогресса на словарный состав английского языка начинается с самого обозначения этого этапа, с его многочисленных названий: информационная революция (*information revolution, infoevolution*), компьютерный, кибернетический, "цифровой", кремниевый, информационный век (*computer age, cyberrage, cybernetic age, digital age, information age, silicon age*), веком или эрой знаний (*knowledge age, knowledge era*) и так далее. Информационная революция сопровождается настоящим взрывом новообразований. Их анализ дает прежде всего возможность раскрыть новые явления в словообразовательной и лексико-семантической системе.

В английском языке появился целый ряд новых словообразовательных формантов. Один из самых продуктивных элементов - полусуффикс *friendly* обязан своим появлением компьютерному термину *user-friendly*; по аналогии с ним было создано огромное количество новых слов, например, *farmer-friendly, family-friendly, nature-friendly, reader-friendly*. Слово *software* послужило моделью для инноваций, обозначающих различные виды компьютерных программ (*courseware, freeware, bloatware, merchantware*), а также для неологизмов общелитературного языка типа *humanware, geneware*, в результате чего появился новый суффиксальный элемент *-ware*. В мире компьютерной техники начал свою жизнь и элемент *giga-*, который придает производным значение "огромное количество; сверхогромный, гигантский" (*gigabucks, gigastore, gigaworld*). Широко используется для образования неологизмов новый префикс *info-*: *infobahn, infoqlut, infomediary, infomonger, infonaut, infoworld*.

Аффиксоид *cyber-* ранее функционировал в английском языке лишь в составе небольшого количества слов узкоспециального характера. "Кибернеологизмы" хлынули в английский язык в 90-е годы; их количество не поддается точному исчислению. Элемент *cyber-* наряду с общим зна-

ченим "связанный с компьютерной техникой" все чаще употребляется в более узком значении: "связанный с Интернет, осуществляемый через Интернет" (*cybercash, cybercommuter, cyberinvesting, cybersurf*). Именно на базе элемента *cyber-* в последнее время был создан глагол *cyberize*, вводящий понятие "кибернизировать" (компьютеризировать(ся), активно использовать Интернет и т.п.). В значительной степени "обслуживают" информационную революцию и высокопродуктивные аффиксоиды *-techno, -tele*, которые используются для введения понятий, связанных с современной техникой: *technonerd, technoguru, techno-journalist, technohead, technomanager, telecommuting, teledemocracy, telemedicine, telephile, teleradiology*.

Целый ряд ключевых лексических единиц закрепился за информационной техникой и превратился в центры слово и фразообразования. Это прежде всего касается слова *electronic* "осуществляемый через компьютерную сеть Интернет": *electronic cash, electronic commerce, electronic shop*, причем в последнее время данное слово часто функционирует в аббревиатурной форме (*e*): *e-cash, e-life, e-mag, e-mall, e-pal, e-service, e-speak*. Символом компьютерной техники стало слово *silicon* (кремний, как известно, является сырьем для производства микрочипов). Словосочетание *Silicon Valley* "центр производства компьютерной техники в США" послужило образцом для десятков новообразований, обозначающих такие центры в разных частях земного шара, например: *Silicon Wadi* (в Израиле), *Silicon Island* (на Тайване), *Silicon Glen* (в Шотландии), *Silicon Bog* (в Ирландии). Было создано и общее название для таких центров - *Siliconia*.

Центрами словообразовательных, фразеологических и лексико-семантических парадигм стали также семантические неологизмы *digital, net, virtual, web, wire*. Слово *digital* с 80х годов начало употребляться в значениях "связанный с компьютерами, компьютеризированный", и именно на базе данных значений возникли многочисленные инновации 90х годов: *digitalia, digitalisation (digitalization), digiteer, digithead, digitocrat, digirati, digitopia, digital video, digital audio tape, digital videodisk, digital terrorism, digital media*. В последнее время слово *digital* приобрело еще одно, более специализированное значение "связанный с компьютерной сетью Интернет", которое реализуется в целом ряде словосочетаний (*digital cash, digital economy, digital mall, digital media, digital TV, go digital*).

В 90-е годы возникла целая серия новообразований с лексемой *virtual* по образцу словосочетания *virtual reality* (это словосочетание явилось синонимом слова *cyberspace* "киберпространство", появившегося в 1984 году). Слово *virtual* в таких словосочетаниях имеет значения "созданный

с помощью компьютерных систем, связанный с компьютерами, с Интернет” (*virtual ad, virtual cash, virtual biologist, virtual executive, virtual parent*). Это слово все больше выступает в качестве эквивалента элемента cyber-. С учетом того, что для обозначения “киберпространства” в качестве почти полных эквивалентов выступает еще целый ряд языковых единиц, то становится вполне понятным явление синонимии среди “инфонсеологизмов”, например: *cybercash-e-cash - electronic cash - digital cash; cybermall-e-mall - digital mall; cybershopping-electronic shopping - Internet shopping; cybercommerce - e-commerce - e-trade - Internet commerce*.

Слово *wire* стало широко употребляться в значениях “компьютеризировать, подключать к компьютерной сети Интернет”, а его производное *wired* приобрело, соответственно, значение “компьютеризированный, подключенный к Интернет” (его антонимом является слово *unwired*). Было создано и слово *wirehead*, обозначающее любителя компьютерной техники, человека, который добывает и распространяет информацию через компьютерную сеть Интернет. Отметим, что и давно существующая лексема *wireless* подверглась семантическим изменениям: сначала она являлась сокращенным вариантом словосочетания *wireless telegraphy*, в начале XX-го столетия обозначала радио, затем почти вышла из употребления, а в 90-е годы “возродилась” в значении “мобильная телефонная связь”. С этим значением связано, например словосочетание *wireless revolution* для обозначения массового внедрения сотовой телефонной связи. Слово *web* (первоначально - *World Wide Web*) стало одним из синонимов для передачи понятия “Интернет”, основой для целой серии инноваций, например: *webber, web-browser, web-page, web-radio, web-site, web-surfer, webzine*.

В целом, компьютерная сеть Интернет явилась тем конкретным фактором, который обусловил многие семантические и словообразовательные инновации, вызвал формирование новых и перестройку существующих парадигм. Само название сети также превратилось в базу для целой серии словосочетаний (*Internet appliance, Internet host, Internet cafe*), послужило образцом для таких инноваций, как *intranet* “компьютерная сеть определенной фирмы”, *extranet* “компьютерная сеть, соединяющая определенную фирму с клиентами, поставщиками”. Основой для многих неологизмов стал и сокращенный вариант слова *Internet- the Net*, например: *netangst, nethead, netiquette, netizen, net-fever, netmyth, netsavvy, netsurfing, netsploitation*. Наблюдается концентрация новообразований вокруг понятия “Интернет”, в частности, существование целого ряда образных слов и словосочетаний, которые проводят аналогию между Интернет и скоростной шоссейной дорогой, супермагистралью: *I-Bann, Info-Bahn, Info-Highway, I-Way, Information superhighway, electronic superhighway, e-Bahn*.

Отметим, что аттракция синонимов вокруг понятий, соотносимых с компьютеризацией, является характерной чертой и обусловлена актуальностью явлений, связанных с современным этапом научно технического прогресса. Среди понятий, "притягивающих" многочисленные синонимы, можно отметить следующие: "большой любитель компьютерной техники, человек, помешанный на современной технике" (*chip-head, computer junkie, cyberaddict, cyberhead, cyberbuff, cyberjunkie, data-junkie, digit-head, gearhead, nethead, technofreak, technophile, tekky, telephile*); "специалист в области современной техники" (*computer nerd, cyberguru, cybernerd, supernerd, techguru, technogeek, technoguru, technopundit, technonerd, technosavant, ubernerd*); "человек, хорошо знающий компьютерную технику, умеющий работать с ней" (*computer hip, computerate, computent, computer-savvy, cybersavvy, IT-savvy, technoliterate, techsavvy*), "человек, активно пользующийся компьютерной сетью Интернет" (*cybercitizen, cyber-surfer, e-surfer, netter, internaut, nethead, netizen, netsurfer*).

Получает распространение, таким образом, явление "полиноминации", то есть когда актуальное понятие, важная вещь имеет целый ряд наименований. В то же время возникает особый тип неологизмов, так называемые "ретронимы" - новые обозначения уже известных предметов в связи с появлением разновидностей таких предметов и необходимостью тем самым более четкого разграничения старого и нового понятия [8:22]. Так, новые виды почты (*video mail, voice mail, e-mail*) обусловили создание словосочетания *hard mail* для обозначения обычной, "бумажной" почты; словосочетание *hard fax* стало употребляться по отношению к обычным сообщениям по факсимильной связи в отличие от электронных факсов; по аналогии со словосочетанием *virtual time* появилось дифференцирующее словосочетание *real time* для введения понятия реального, а не кибернетического времени. То есть, возникает потребность разграничения именно "кибернетических" и "докибернетических" понятий. Такую новую номинацию старых понятий мы называем "дифференцирующей ре-номинацией".

Значительная часть новой "инфотерминологии" образуется семантическим путем, причем первичным материалом может служить как общеязыковая лексика, так и терминология других сфер, подвергаемая "транспецииализации". В обоих случаях в инновационные процессы включается механизм метафоризации, поэтому коннотативная окраска является характерной чертой значительной части этой терминологии в отличие от терминологии других сфер (*browse, clone, antidote, disinfection, hygiene, surf, vaccination, web*). Эта прагматическая часть семантики компьютерной терминологии объясняется тем фактом, что она возникает, в основ-

ном, в разговорной речи специалистов и любителей информационной техники, а также "антропометричностью" - аналогией, которую проводят между человеческой и машинной системами. Отметим, например, использование медицинских терминов для обозначения "болезней" компьютеров и методов их "лечения": *anti-virus, antidote, immune, viral invasion, vaccine program*.

Исходным материалом для компьютерных инноваций нередко выступают неологизмы предыдущих лет общелитературного и специального характера, подвергаясь, соответственно, процессам терминологизации и транстерминологизации в сочетании с переносом значения. Так, неологизм 80х годов *gopher* "помощник" обозначает сейчас и систему пользования Интернет; слово *footprint* стало семантическим неологизмом в сфере телекоммуникации в значении "площадь, охватываемая спутником связи или спутниковым телевидением", а затем - и в сфере компьютерной техники в значениях "размер компьютера, занимаемая им площадь; знак в файле, свидетельствующий о проникновении постороннего лица". Американизм *firewall* в 80е годы стал употребляться для обозначения юридических ограничений в банковском деле, а в 90е годы - для обозначения защитных мероприятий, блокирующих доступ к определенной информации. В подобных случаях, как свидетельствуют и приведенные примеры, речь может идти о вторичной метафоризации как механизме образования "инфотерминов" семантическим путем.

Интенсивное внедрение новейшей техники, компьютерная грамотность значительной части населения англоязычных стран обуславливает массовое превращение компьютерных терминов и профессионализмов в единицы общезыкового употребления или в единицы "бифункциональные", выступающие и как слова общелитературного языка, и как термины. Важность процесса детерминологизации или "дуализации" специальной лексики осознается с учетом того, что терминология является ядром "языков для специальных целей" и ее лишь условно можно считать частью этнического языка [1:10].

Поскольку семантический путь является одним из основных путей образования компьютерной терминологии (употребление общелитературных слов и терминов других сфер в новых значениях), а интенсивный процесс детерминологизации ведет к её употреблению в общелитературном языке (обычно в переносных значениях), то информационная революция превращается в важный фактор, способствующий распространению явления полисемии, как экономного мнемонического средства, обобщенного способа сохранения информации [5:85]. Кроме того, именно благодаря полисемии устанавливается связь между ядром языковой систе-

мы (общенародным языком) и периферией (языками для специальных целей), стирается грань между ними. Сфера современной техники превращается в важный источник обогащения фразеологии современного английского языка. В качестве примеров распространенных устойчивых словосочетаний, зародившихся в этой сфере и употребляющихся в общенародном языке, можно указать неологизмы *armchair banking, digital terrorism, friction-free capitalism, garbage in - garbage out, information superhighway, keyboard revolution, killer application, millennium bug (millennium problem), Internet host, road warrior, Silicon Valley, silicon takeover, tiger team*.

Заслуживают внимания инновации, отражающие внедрение новейшей техники в различные сферы материальной и духовной жизни. Данные инновации свидетельствуют, прежде всего, о благах и выгодах, создаваемых компьютеризацией. Ведущие ученые пишут о том, что в начале XXI века наступит время "информационного рынка" (*information marketplace*), когда компьютерная и телекоммуникационная техника станет неотъемлемой частью повседневной жизни людей. Уже в конце 90х годов такая техника внесла существенные изменения в образ жизни человека, для многих людей уже наступил период "электронной жизни" (*e-life*), то есть когда реализация потребностей и желаний осуществляется с помощью компьютерной техники, особенно через Интернет.

Миллионы служащих работают, в основном, дома, за компьютером, они превратились в "телеслужащих" (*telecommuters*), "киберслужащих" (*cybercommuters*). Современная техника дала возможность заниматься делами во время поездок (таких работников называют "дорожными войнами" - *road warriors*), привела к возникновению "виртуальных руководителей" (*virtual executives*), управляющих своими фирмами в основном "на расстоянии". С новыми условиями работы связаны, например, такие неологизмы, как *office hoteling* "резкое сокращение площадей, занимаемых под офисы, кабинеты", *hot-desking* "практика пользования одним рабочим местом несколькими работниками в соответствии с графиком", *serviced office* "офис с современным оборудованием, сдаваемый в аренду на любое время". Все более широкое использование Интернет, считают экономисты, в самом ближайшем будущем приведет к созданию "капитализма без трения" (*frictionless capitalism, friction-free capitalism*), при котором исчезнут многие посреднические организации, стоящие между производителями товаров и услуг и потребителями (этот процесс обозначается словом *disintermediation*).

Система Интернет создала условия для электронной торговли; с этой торговлей связано значительное количество новых слов и словосочета-

ний: единицы, служащие для обозначения электронной торговли (*cybercommerce, cybershopping, E-shopping, electronic shopping, electronic commerce, Internet shopping*), для введения понятия "электронные деньги" (*cybercash, cybermoney, cybercurrency, e-cash, e-money, virtual money*), для обозначения "электронных" магазинов, торговых центров (*cybermall, cyberplaza, e-mall, electronic shop, virtual store*). В Великобритании даже введена официальная должность чиновника, отвечающего за развитие электронной торговли (*e-envoy*). Этот чиновник работает под руководством "электронного министра" (*e-minister*). В последнее время западное общество именуется "безналичным обществом" (*cashless society*), поскольку финансовые операции совершаются, в основном, с помощью компьютерной техники. Миллионы людей пользуются услугами специальных банковских служб (*electronic banking, home banking, paperless banking*). Словосочетание *armchair banking*, например, вводит понятие системы оказания или получения банковских услуг через телевидение, соединенное с компьютерной техникой.

Появляются новые социальные слои и группы. Ученые пишут, например, о так называемых "*digerati*" (*digital literati*) - людях, грамотных в сфере компьютерных систем [3:71]; современная техника изменяет статус, стиль жизни и задачи, стоящие перед интеллектуалами, обуславливает возникновение прослойки "киберинтеллектуалов" (*cyberintellectuals*); в западных странах рождается новый класс "киберпредпринимателей" (*cyber-entrepreneurs*) - людей, занимающихся предпринимательской деятельностью с помощью компьютерной техники. К концу 90х годов страны Запада все более приобретали черты "технодемократии", "теледемократии" (*technodemocracy, teledemocracy*): проведение политической агитации через Интернет (*telecanvassing*), съездов политических партий "на расстоянии" (*teleconvention*), когда "теледеlegates" (*teledelegates*), сидя дома, голосуют с помощью компьютера и телефона (*televote*). Считается, что наступает и эра "электронной демократии", "кибердемократии" (*electronic democracy, cyberdemocracy*): рядовые граждане, например, будут иметь возможность принимать участие в работе органов власти, посылать по электронной почте письма с предложениями, критическими замечаниями государственным и политическим деятелям [6:252;7:185].

Уже сейчас говорят о существовании "виртуальной медицины" (кибермедицины, телемедицины) - *virtual medicine, cybermedicine, telemedecine*; становится возможным диагностика болезней и даже лечение пациентов на расстоянии; создаются "киберклиники" (*cyberclinics*), в которых проводятся "телеконсультации" (*teleconsulting*), с помощью компьютеров и роботов осуществляются хирургические операции (*virtual*

surgery, telesurgery). Специалисты отмечают, что многие отрасли медицины превращаются в “телеотрасли”: *telerradiology, telepathology, telenursing, telepsychiatry*.

Большое влияние “электронной революции” испытывают на себе средства массовой информации. Появились такие понятия, как “техномедиа” (*technomedia*), “кибержурналистика” (*cyberjournalism*). Под “техномедиа” понимают специальные периодические издания, программы радио и телевидения, связанные с современной техникой; под “кибержурналистикой” подразумевают как журналистику с широким использованием компьютерной техники, так и “интернетовские” периодические издания. Возникло и более широкое понятие “новые медиа” - радио, телепередачи, газеты, журналы, поступающие к “подписчикам” через компьютерную сеть. Именно в этой связи получил распространение неологизм *cybercast* “передать, показывать через Интернет” (ср. *broadcast, telecast*). Телевидение уже сейчас соединяется с компьютерной, телекоммуникационной техникой (*digital TV, PC-TV, teleputer*), создается система “интерактивного телевидения” (*interactive TV, interactive broadcasting, two way television*). Эта система дает зрителям возможность заказывать телепрограммы, видеофильмы (*pay-per-view, video-on demand*), покупать различные товары, не выходя из дому (*interactive shopping*).

Внедрение современной техники внесло кардинальные изменения в образование, создало условия для домашнего обучения детей (*cyberschool, teleschooling*), для получения высшего образования, ученых степеней “на расстоянии” (*distance learning*). Считается, что внедрение компьютеров в школьное обучение, “клавиатурная революция” (*keyboard revolution*) в самое ближайшее время сделает классы “безбумажными” (*paperless classroom*). Все больше университетов превращаются в виртуальные университеты (*virtual universities*), “телеуниверситеты” (*televersities*). С телеуниверситетами, например, связан целый ряд новых “телеслов”: *telecourse, teleeducation, telelearning, teleschooling, teleseminar, teleteaching*. К 2010 году “киберколледжи” (*cybercolleges*), по прогнозам специалистов, станут важнейшей частью системы высшего образования, а количество “виртуальных студентов” (*virtual students*) превысит количество обычных. Более того, считается, что к 2025 году в США будет создана “виртуальная система образования” (*virtual education system*) от детского сада до аспирантуры.

Остановимся на некоторых негативных последствиях и побочных эффектах информационной революции, отражаемых в лексике. Совсем недавно западные идеологи усиленно развивали идею “компьютерной демократии”, мысль о том, что владение современной техникой приведет к

уравниванию разных классов и слоев населения. К концу 90х годов реальной экономической жизни становится "кибернеравенство" (*cyberinequality*), "компьютерный разрыв" (*computer gap*) - значительные расхождения в экономическом положении людей, владеющих современной техникой, и тех, кто ее не имеет. Бросается в глаза явление, которое экономисты называют "парадоксом производительности" (*productivity paradox*): внедрение современной техники привело не к росту производительности труда, повышению эффективности экономики, а наоборот [4:397].

Среди негативных эффектов работы с современной техникой можно указать такие явления, как "информационный стресс" (*infostress*, *information anxiety*), "техностресс" (*technostress*), "кибернедомогание" (*cybersickness*), "компьютерная болезнь" (*computer sickness*). Установлено, что даже среди "компьютерно-грамотных" людей немало тех, кто ощущает "усталость" от сложной современной техники (*high-tech fatigue*). Страх перед современной техникой отражается в таких новообразованиях последнего десятилетия, как *cyberphobia*, *cybertechnophobia*, *technophobia*, *telephobia*.

Появляется все больше исследований, раскрывающих негативное влияние информационной техники на духовность, культуру. Некоторые философы вообще считают, что современная техника - это "цивилизационный вирус, поражающий культуру" [2:101]. В компьютеризированных странах ширится движение людей против засилья новой техники (таких людей называют "неолуддитами" - *neo-Luddites* или "технолуддитами" - *techno-Luddites*. Этому движению противопоставляется философия тех, кто безраздельно верит в светлое будущее кибернетического века - *technoutopianism*. В самые последние годы приобретает популярность движение, именуемое "технореализмом" - *technorealism*. Его сторонники выступают против чрезмерного увлечения современной техникой, особенно против безудержной рекламы Интернет.

Информационная техника внесла вклад в обострение проблемы преступности: во-первых, были созданы более широкие технические возможности для нарушителей закона, во-вторых, возникли новые виды преступности и правонарушений, объединяемые под общим названием "компьютерных" (*computer crime*). Современные преступные синдикаты, например, отличаются от прежних тем, что они все больше специализируются на таких незаконных операциях, которые предполагают использование самой современной техники (*high-tech scams*). Появились такие понятия, как "кибервор", "кибермошенник", "кибердиверсант" (*cybercrook*, *cyberthief*, *cybersaboteur*) и др. Киберпираты (*cyberpirates*),

например, топят несуществующие корабли и получают значительные страховые суммы. Довольно распространенным видом компьютерных преступлений становится "похищение имени" (*identity theft*). Мошенникам достаточно знать фамилию и номер карточки социального страхования другого лица, чтобы путем манипуляций через Интернет получать на имя этого лица кредиты. Использование современной техники в террористической деятельности привело к возникновению "кибертерроризма" (*cyberterrorism*), "нового терроризма" (*new terrorism*). Резкое возрастание числа азартных игроков также непосредственно связывается с широкомасштабным проведением игр-лотерей через Интернет (*online lottery*), в частности, электронного варианта игры "бинго" (*keno*), с рекламой "киберказино" (*cybercasino*).

Еще не разработано законодательство, по контролю за распространением информации через Интернет. Становится возможной широкая пропаганда расизма, насилия, агрессивности, распространение порнографии, секса (*cyberporn*, *cybersleaze*, *cybersex*). Все больше людей становятся жертвами "киберпреследований" (*cyberstalking*) - постоянного получения посланий с угрозами, непристойностями и т.п. Особую тревогу вызывает распространение порнографии, направленной на детей, и поэтому возникла необходимость создания международного контролирующего органа - "киберполицейского" (*cybercop*). Телевизоры и компьютеры в последнее время оборудуются специальным устройством, которое дает возможность отключать определенные программы (*V-chip*). Через Интернет идет поток никому не нужной информации, особенно рекламного характера. Для её обозначения стал широко употребляться семантический неологизм *spam*, заимствованный из профессионального жаргона (в литературном языке слово *spam* имеет значение "колбасный фарш"). Были созданы и производные слова *spammer*, *spamming*, *anti-spam*.

Американские специалисты и ученые считают, что существует реальная угроза "информационной войны", которую называют также "войной сетей" (*network war*), "кибервойной" (*cyberwar*). Такая война, по их расчетам, может полностью разрушить экономику страны за такой же короткий срок, как и ядерная война. Поэтому в США проводятся учения, участники которых действуют в условиях "кибернападения", "инфоатаки" (*cyberattack*, *infoattack*). Информационная революция породила особый поджанр научной фантастики, так называемый "киберпанк" (*cyberpunk*). В литературных произведениях и кинофильмах "киберпанка" изображается недалекое будущее человечества, находящегося под контролем искусственного разума, под властью машин и роботов. В последнее время серьезные научные журналы стали писать, что такая фантазия может стать ре-

альностью, что существует опасность “кремниевой революции” и “кремниевое переворота” (*silicon revolution, silicon take-over*).

Таким образом, влияние информационной революции отражается не только в значительном количественном росте словарного состава английского языка, но и в качественных изменениях в звеньях лексико-семантической системы. Компьютеризация сопровождается массовой детерминологизацией новой лексики или ее превращением в бифункциональную лексику. Результаты семантических процессов и изменений, вызванных информационной революцией, приводят к еще более широкому распространению явления полисемии. Ключевые единицы “инфореволюции” превращаются в центры слово и фразообразования, становятся доминантными элементами разветвленных лексико-семантических парадигм. Актуальность процессов и явлений создает аттракцию синонимов вокруг соответствующих понятий, явление полиномии. Необходимость разграничения “кибернетических” и “докибернетических” понятий ведет к “дифференцирующей реноминации” последних.

Информационная революция породила целый ряд новых высокопродуктивных словообразовательных элементов или новых семантико-словообразовательных вариантов существующих аффиксов, вызвала перемещение суффиксов и префиксов от периферии системы к ядру, от языков для специальных целей к общенародному языку. Инфонеологизмы пронизывают в настоящее время язык многих сфер социальной жизни и отражают как блага и выгоды, так и новые социальные, психологические и другие проблемы, негативные последствия и побочные эффекты нынешнего этапа научно-технического прогресса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко В.В. О выражении количественности в семантике языка // Категория количества в современных европейских языках. - К.: Наукова думка, 1990. - С.7-40.
2. Воронин А.А. Техника как коммуникационная стратегия // Вопросы философии. - 1997. - №5. - С. 96-105.
3. Герман К. Политические перепутья при движении к глобальному информационному обществу // Социс. - 1998. - №2. - С.67-76.
4. Зацний Ю.А. Розвиток словникового складу сучасної англійської мови. - Запоріжжя: Запорізький державний університет, 1998. - 431 с.
5. Ольшанский И.Г. Когнитивные аспекты лексической многозначности (на материале современного немецкого языка) // Филологические науки. - 1996. - №5. - С.85-93.
6. Calabrese A. Borihert M. Prospects for Electronic Democracy in the United States. // Media, Culture and Society. - 1996. - Vol. 18. - №2. - P.249-268.
7. Friedland L. A. Electronic Democracy and the New Citizenship. // Media, Culture and Society. - 1996. - Vol. 18. - №2. - P.18-212.
8. Safire W. Return of the Retronyms // The New York Times Magazine. - 1995. - March 15. - P.22-23.

ВЕРБОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ЗА И ПРОТИВ

Денисюк Е.А. (Одесса)

В языкознании предложение принято рассматривать как иерархически организованную структуру. Задачей исследователей является выяснить, что находится на верху этой иерархии, то есть что можно считать главным членом, или главными членами, предложения.

Анализируя структуру предложения на синтаксическом уровне, лингвисты предлагают считать центром предложения:

I. подлежащее;

II. сказуемое;

III. подлежащее и сказуемое.

Рассмотрим эти точки зрения.

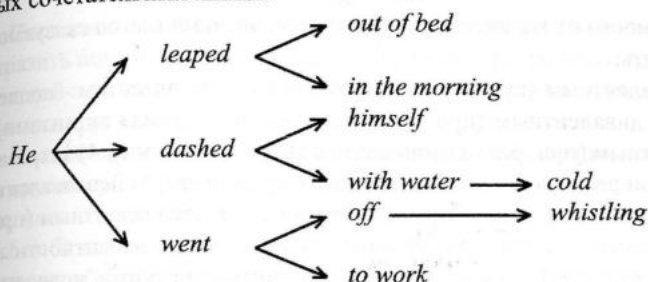
I. Подлежащее выделяется как структурный центр предложения, поскольку обладает "априорно заданной, универсальной формой, которая предоставляет говорящему возможность поставить в позицию подлежащего любой элемент семантической структуры предложения в соответствии с задачей обеспечения связности текста и целями коммуникации" (14:104; см. также 10, 13).

Проф. Смирницкий А.И. на примере предложения *I see a man in the street* показывает, что все слова, кроме *I*, зависят от сказуемого *see*; но *see*, в свою очередь, "грамматически и структурно" (13:137) подчинено подлежащему *I*. Последнее, по мнению ученого, становится ясным, если заменить местоимение *I* местоимением 3-го л. ед.ч., в этом случае изменится и форма сказуемого: *He sees a man in the street* (13: 138).

В безличных же предложениях, продолжает автор, конструктивным, независимым членом предложения будет сказуемое, но тогда предикация относится к субъекту, стоящему вне предложения, так как связь подлежащего и сказуемого в предложении осуществляется не непосредственно в предложении, а через существующий в действительности субъект, соотносящийся в предложении с подлежащим.

Сходную точку зрения высказывает Печников А.Н., анализируя структуру предложения в русском языке. Ученый утверждает, что поскольку "действие принадлежит деятелю", то "без деятеля нет действия" (10:85), и рассматривает структуру предложения как складывающуюся на основе словосочетаний и представляющую собой "линию или несколько линий словосочетаний, последовательно связанных цепочным способом" (10:88).

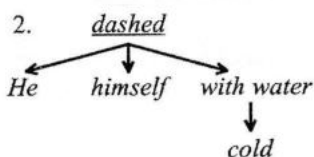
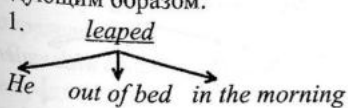
Такое понимание структуры предложения может быть экстраполировано на английский язык. Тогда, например, предложение "*He leaped out of bed in the morning, dashed himself with cold water, and went off whistling to work*" (M. Gold) возможно представить как состоящее из 6 непрерывных сочетательных линий:

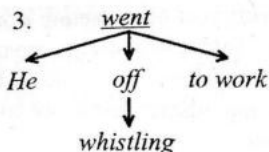

К сожалению, Печников А. Н. ограничивается рассмотрением только двусоставных предложений, поэтому, на наш взгляд, раскрытие им проблемы синтаксической организации предложения в целом представляется неполной.

II. Согласно утверждению других лингвистов, структурным ядром предложения является сказуемое, а не подлежащее: "сказуемое максимально характеризует синтаксическую структуру предложения в том смысле, что задает набор актантов, их количество и типы" (3:10; см. также 4, 5, 9, 11, 12, 15, 16). Поскольку синтаксическая функция сказуемого манифестируется, как правило, глаголом в финитной форме, то, как следствие этого, структурно-организующую роль предложения приписывают именно глаголу (15:172). Основанием к такому утверждению можно считать получившую широкую популярность в лингвистической среде синтаксическую теорию валентности глагола, развитую в трудах Л. Теньера (17), а также тот факт, что глагол характеризуется как часть речи, обладающая наибольшими сочетательными возможностями, и как член предложения, задающий наличие вокруг себя определенного количества открытых позиций, которые должны заполняться актантами. Такой подход к синтаксической структуре предложения называется вербоцентрическим.

Отсюда рассматриваемое предложение схематически будет выглядеть следующим образом:

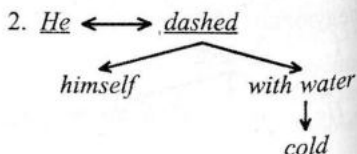
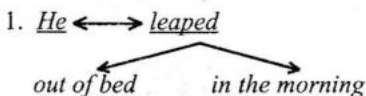
В зависимости от количества открываемых позиций глагол сказуемого может быть:

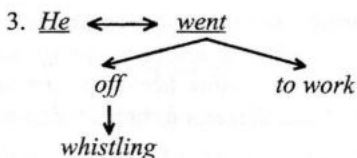
1) моновалентным (при реализации связи с одним актантом - подлежащим), 2) дивалентным (при реализации связи с двумя актантами), 3) тривалентным (при реализации связи с тремя актантами), 4) тетравалентным (при реализации связи с четырьмя актантами), 5) пентавалентным (при реализации связи с пятью актантами), 6) гексавалентным (при реализации связи с шестью актантами), где выделяемые валентностные структуры реализуются многочисленными синтаксическими моделями (6:79).

В то же время, Степанова М.Д. и Хельбиг Г.Х., вслед за Теньером Л., выделяют глаголы без актантов (в безличных предложениях); глаголы без облигаторных, но с одним факультативным актантом; глаголы с одним облигаторным актантом и т.д. – всего десять моделей (16:193-194). О том, что выделение безвалентных глаголов в романских и германских языках, как не имеющих ни одного актанта, представляется неубедительным, пишет Домброван Т.И. (7:56).

Вербоцентрическая теория предложения стала весьма популярна в современном языкознании и получила отражение в ряде работ последних лет. Несмотря на то, что данная теория оправдывает себя при изучении валентного потенциала глагола сказуемого, данную теорию нецелесообразно использовать при изучении структуры предложения в целом. Более удачной представляется нам точка зрения (III), согласно которой структурную основу предложения составляют и подлежащее, и сказуемое, являясь равноправными, зависящими друг от друга, но не зависящими от других членов предложения, главенствующими элементами (1, 8, 14, 18).

Если следовать этой точке зрения, то рассматриваемое предложение может быть представлено следующим образом:

Последняя точка зрения, на наш взгляд, позволяет наиболее адекватно отразить понимание окружающего мира как неразрывного единства субстанций и их существования во времени, пространстве и во взаимоотношениях друг с другом (см. также 2).

В зависимости от того, рассматриваются ли субстанции изолированно от других субстанций или в их взаимоотношении с другими субстанциями, можно выделить “процессы-неотношения” и “процессы-отношения” (6:51). В языке субстанции могут быть выражены разными частями речи, которые в синтаксическом плане выражаются подлежащим и дополнением, их существование во времени и пространстве – сказуемым.

Так, например, в предложении *Mogelescu laughed* (A.C. Doyle) подлежащее *Mogelescu* соотносится с определенной субстанцией, глагол-сказуемое *laughed* – с существованием данной субстанции во времени и ее специфическими изменениями. В этом процессе субстанция *Mogelescu* рассматривается изолированно, вне ее отношений с другими субстанциями. Поэтому данный процесс есть процесс-неотношение. Что касается грамматической структуры этого предложения, то здесь невозможно выделить какой-либо из компонентов как главный и/или зависимый, если следовать I и II точкам зрения. И подлежащее, и сказуемое являются равноправными и обязательными здесь членами предложения, так как отражают субстанцию, обозначенную подлежащим, и ее существование во времени и пространстве, что передается сказуемым.

В другом предложении *She laughed at her little boy's quaint question* (M. Gold) подлежащее *she* соотносится с одной субстанцией, дополнение *question* – с другой субстанцией. (Дополнение *question* является компонентом к глаголу *laughed* и образует с последним синтаксическую структуру комплементации, которая составляет предикат данного предложения. Иными словами, сказуемое данного предложения выражено не только глаголом, но и связанным с ним дополнением.) Глагол сказуемого *laughed* указывает на существование во времени субстанции *she* во взаимоотношении с субстанцией *question*. Значит, данное предложение соотносится с определенным процессом-отношением.

В целом, сравнивая 1 и 2 подходы к изучению иерархической структуры предложения нетрудно заметить, что сторонники первого исследуют предложение в его динамическом аспекте, сторонники второго подхода

анализируют готовые предложения. Таким образом, абсолютизировать тот или иной компонент – либо подлежащее, либо глагол сказуемого – можно лишь в целях более детального исследования этого компонента, не забывая при этом, что оба эти компонента равнозначны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлакова В.В. Синтаксические структуры современного английского языка. – М.: Просвещение, 1984. – 112 с.
2. Введение в философию: Учебник для вузов. В 2 ч. Ч. 2/ Фролов И.Т., Араб-Оглы Э.Ф., Арефьева Г.С. и др. – М.: Политиздат, 1989. – 639 с.
3. Вербин А.А. К определению главного элемента синтаксической структуры предложения. // Лингвистические исследования. 1976. – М., 1976. – Вып. 1. – С. 3-12
4. Долинина И.Б. Две универсалии линейной организации предложения. // Лингвистические исследования. 1972. Ч. 1. – М., 1973. – С. 37-54.
5. Долинина И.Б. Семантическая и синтаксическая структуры предложения и валентность глагола. // Лингвистические исследования. 1975. Ч. 1. – М., 1975. – С. 168-177
6. Домброван Т.И. Проблема грамматической классификации глаголов в с.а.я. Дисс ... канд. филол. наук. – Одесса, 1996. – 288 с.
7. Домброван Т.И. О так называемых «безвалентных» глаголах в английском языке. // Записки з романо-германської філології. – Вип. 4. – Одеса: Латстар, 1999. – С. 53-57
8. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высш. школа, 1981. – 285 с.
9. Кибардина С.М. К определению валентности. // Лингвистические исследования. 1975. Ч. 1. – М., 1975. – С. 195-209
10. Печников А.Н. К принципам синтаксической организации предложения. // Вопросы языкознания. – 1995. – № 6. – С. 85-89
11. Проблемы сочетаемости слов. Вып. 145. – М., 1979.
12. Распопов И.П. Сказуемое как конструктивный центр предложения. // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. – С. 162-168
13. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. – М.: Изд. лит. на иностр. яз., 1957. – 286 с.
14. Спорные вопросы английской грамматики. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 206[2] с.
15. Степанова М.Д. Теория валентности и валентный анализ. (на материале совр. нем. яз.) – М., 1973. – 110 с.
16. Степанова М.Д., Хельбиг Г. Х. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. – М.: Высш. школа, 1978. – 259 с.
17. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988. – 656 с.
18. Ilyish B. The Structure of Modern English. – Leningrad, 1971. – 367 p.

ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ОБЪЕКТНЫМ И АДВЕРБИАЛЬНЫМ ВОСПОЛНИТЕЛЕМ: ИХ СЕМАНТИКО-РОЛЕВЫЕ СТРУКТУРЫ И РЕФЕРЕНТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

(на материале английского,
украинского и русского языков)

Образцова Е.М., канд. филол. наук (Одесса)

Попытки выявить универсальные для всех или групп языков и особенные, характерные для каждого отдельно взятого языка или отдельной группы языков, факторы, предопределяющие порядок следования элементов высказывания в его линейной структуре, нередко приводили исследователей к пониманию значимости для линейной организации высказывания семантики предложения и его частей (например 1, 6, 7). При этом главным образом внимание уделялось логике высказывания, его коммуникативной направленности (4, 5), актуального членения предложения и его функциональной перспективы (8, 9, 10) и т. п. В рамках английского языка исследования чаще базировались на изучении "ненормативной" инверсии, чем проявлений "нормативного" прямого порядка следования элементов.

В настоящей статье предлагается опыт применения методики определения смысловых (семантических) ролей членов предложения (например, 11) с целью выявления референтного содержания простого предложения для дальнейшего сопоставления моделей семантико-ролевого членения с линейными структурами соответствующих типов высказываний и изучения их взаимозависимости и взаимовлияния друг на друга.

Ряд исследовательских работ, написанных под руководством проф. А.К. Корсакова (например 2, 3) показал, что для решения многих прикладных задач и прояснения теоретических проблем современного синтаксиса существенной оказывается необходимость (а) различать обязательные и факультативные члены предложения, (б) применяя методику моделирования, сводить все бесконечное множество высказываний к ограниченному набору их типовых линейных структур, что позволяет (в) определять грамматическое значение таких типовых моделей предложений и, соответственно, построенных по ним высказываний, - то есть, референтное содержание конкретных высказываний.

Объединение названных методик и принципов при анализе исследуемого языкового материала показал, что *Аргументами* (то есть элемента-

ми предложения “выполняющими” ту или иную смысловую/семантическую роль) выступают только обязательные элементы предложения, которые соотносятся с субстанциями - конституентами элементарных процессов - собственно подлежащее (S), объектный (Co) и адвербиальный (Cd) восполнители лично-глагольного конституента сказуемого (V) - глагола в личной форме, который, согласно семантической теории, выступает в роли *Предиката*.

Поскольку в доступной автору теоретической литературе способа определения таких ролей не рассматривалось, (названия смысловых ролей приводились в ходе рассуждений и анализа конкретных высказываний), вниманию читателей предлагается и некоторая методика их определения выработанная в процессе исследования, исходя из совокупности морфолого-синтаксических и лексико-семантических характеристик лексем, функционирующих в высказываниях как соответствующие обязательные члены предложения.

Выводы настоящей статьи основываются на анализе простых полносоставных предложений модели S[VCoCd]p, обязательными элементами которых являются подлежащее (S) и сказуемое (P), состоящее из лично-глагольного конституента сказуемого (V), а также его восполнителей - объектного (Co) и адвербиального (Cd), - примеров, отобранных методом сплошной выборки из аутентичной художественной прозы XX в современных английском (АЯ), украинском (УЯ) и в русском (РЯ) языках - по одной тысяче высказываний соответственно для каждого из языков.

Рассмотрим семантико-ролевые отношения указанных элементов предложения, определим грамматическое содержание соответствующих линейных вариантов с целью (в дальнейшем) выяснения, влияют ли данные аспекты на взаимное расположение этих элементов в линейной структуре таких высказываний.

Подлежащие в абсолютном большинстве рассматриваемых высказываний выражены одушевленными именами существительными- собственными или нарицательными (либо соответствующими местоимениями) и обозначают субстанции-компоненты процессов-отношений, активно проявляющие свою волю и затрагивающие энергию. Все эти морфологические и семантические характеристики в совокупности определяют семантическую роль для каждого из таких подлежащих как Агенса (Agent).

Предикатами - лично-глагольными конституентами сказуемых - в таких предложениях выступают глаголы, соотносимые с действиями. Это глаголы следующих лексико-семантических групп:

(а) глаголы, называющие/характеризующие физическое целенаправленное перемещение субстанции в пространстве (а также случаи утраты

блєння их в переносном смысле): АЯ - 69,8 % , УЯ - 53 % , РЯ - 64 % (например - *take, leave, put, bring, push, ставити, розкласти, класти, кидати, достать, послать, поставитъ, выбить из колеи*);

(б) глаголы, выражающие смысл "удерживать, содержать в определенном месте" (как противоположность перемещению в пространстве): АЯ - 17.1 % , УЯ - 1.4 % , РЯ - 1.2 % (*hold, keep, tie up money, мати, тримати, держать, хранить*)\$

(в) глаголы, обозначающие манипулирование предметом в /вне зависимости от окружающего пространства - либо циклические процессы, либо разовые действия, при которых предмет (чаще часть тела человека) возвращается в исходное положение: АЯ - 0.1 % , УЯ - 4.2 % , РЯ - 7.1 % (*toss, hypnotise, вдарити чим, тарабанити, жонглировать, гонять*);

(г) глаголы, выражающие смысл "создать нечто новое".

АЯ - -, УЯ - 10.0 % , РЯ - - (*розкинути табір, закласти хату, змостити гніздо, нанести яєць*)

С подлежащими-Агенсами и Предикатами, называющими действия, сочетаются Аргументы-дополнения, выраженные, как правило, именами существительными (нарицательными неодушевленными) либо соответствующими местоимениями и обозначают субстанции, на которые непосредственно направлено действие субстанции-подлежащего, т.е., - выполняют роль Пациенса (Patient) - аналогично модели S[VCo]p (SVO). Семантическая роль дополнения - Пациент - не меняется, если оно выражено именем собственным или нарицательным, соотносящимся с человеком - именно в таких высказываниях глаголы употреблены метафорически или в переносном смысле - часто с подлежащими-неодушевленными существительными : (например, *put on weight, pull oneself together*)

(1) *Лютнева революція механічно висунула його до складу виконавчого комітету Державної думи (Капельгородський 45)*

Не меняются семантические роли элементов и при подлежащих и дополнениях , выраженных неодушевленными именами существительными, в сочетании с глаголами, обозначающими действия - в случаях персонификации и метафоризации:

(2) *A road wound its way down the hill ... (M.Fr 41)*

(3) *Третій - з тужуркою наопашки - втопив у Євгенове лице ненависний важкий погляд і тяжко сопів.*(Антоненко-Давидович . 30)

(4) *А экспресс "Хакари" за три часа доставит вас в Осака.*(Ю.Семенов.142)

Обстоятельственный (адвербиальный) восполнитель в РЯ и УЯ в анализируемых предложениях в подавляющем своем большинстве вы-

ражен именем существительным нарицательным, соотносящимся с конкретным местом в пространстве, в котором находилась раньше, до воздействия на нее субстанции-подлежащего, или оказалась в результате такого воздействия субстанция-дополнение. Почти все в УЯ и РЯ, а в АЯ - все такие высказывания соотносятся с процессами-отношениями-перемещениями субстанции-дополнения в пространстве, такого перемещения, при котором либо одна субстанция-дополнение, либо обе субстанции-подлежащее и дополнение в результате действия субстанции-подлежащего оказываются в новом месте. Даже вышеприведенных примеров достаточно, чтобы показать, что обязательный характер обстоятельственного восполнителя для структурной целостности предложения диктуется лексической семантикой глаголов, она же определяет двойственность процесса - целенаправленного воздействия + расположения в определенной точке пространства. Следовательно, пространство мыслится как компонент-участник процесса, наряду с субстанциями подлежащим и дополнением, а поэтому обстоятельственный восполнитель в таких случаях является Аргументом и выполняет свою семантическую роль-функцию - Локатив (Locative), а семантико-ролевая модель выше рассмотренных предложений определяется как {Агенса+Предикат+ (Пациенса)+Локатив}.

Учитывая семантико-ролевой анализ рассмотренных высказываний, элементарный процесс, с которым такие высказывания соотносятся, может быть определен более конкретно как **двойственный процесс-отношение-действие + изменение состояния субстанции-дополнения (субстанций дополнения и подлежащего)** (новое положение в пространстве).

Отметим, что для АЯ такое распределение ролей и семантическое содержание высказываний наблюдается только в предложениях с обстоятельственным восполнителем в позиции *после* дополнения, в то время как для РЯ и УЯ ограничений во взаиморасположении восполнителей в рассматриваемой модели высказываний нет:

- (5) Ванган достал из-под ног карабин и дослал патрон в ствол.
(Ю. Семенов. 13) S[V_{Cd}Co]p + S[VCo_{Cd}]p
- (6) Мазепа ... повів Дольську до палацу... (Ю. Хорунжий. 5) S[VCo_{Cd}]p
- (7) За народним віруванням перший полазник приносить до хати щастя або невдачу. (О. Воронай. 10) S[V_{Cd}Co]p
- (8) They followed her into the room [J. Cheever. 54] S[VCo_{Cd}]p

В отдельных высказываниях РЯ и УЯ линейная последовательность элементов S[VCo_{Cd}]p отражает несколько иные отношения между ними, например:

- (9) Сулейман кривив тонкі уста в посмішці. (Загребельний. 13)
→ Сулейман криво посміхався

Предложение соотносится с элементарным процессом, в котором субстанция-подлежащее активно воздействует на свою составную часть-субстанцию-дополнение, и результатом такого воздействия является новое состояние субстанции-дополнения, соотносимое с обстоятельственным исполнителем. Это новое состояние субстанции-дополнения также представлено как некая новая субстанция-компонент общего процесса - Аргумент, выполняющий смысловую роль Следствие/Результат (Result). Следовательно, смысловые/семантические роли распределяются следующим образом: {Агент+Предикат+[Пациент]+(Следствие/Результат)}, а элементарный процесс, соотносимый с подобного рода предложениями конкретизируется как двойственный процесс-отношение-действие+изменение внутренне присущего состояния субстанции-дополнения.

В АЯ двойственность процесса, подобная той, что рассмотрена выше, передается только при помощи порядка расположения исполнителей относительно друг друга - предложения строятся строго по модели S[VCoCd]p. Высказывания с адвербиальным исполнителем в препозиции к объектному исполнителю - модель S[VCdCo]p - в АЯ также соотносятся с процессами-перемещениями субстанции-дополнения, но они рассматриваются как-бы в отрыве от пространства. Функция адвербиального исполнителя и морфологический способ его выражения существенно отличаются от соответствующих функции и способа выражения обстоятельственных исполнителей в РЯ и УЯ - в АЯ это послелогии, которые, уточняя лексическую семантику глагольного конституента сказуемого, уподобляются приставкам (РЯ и УЯ):

(10) *He switched on the light.* (M.Spark. 64)

Сравни: *switch on*- включить, включити; *switch off*- выключить, выключити; *pack up* - упаковать, спакувати; *bring out, take out*- вытянуть, витягнути.

В РЯ и УЯ предложения, выражающие такие же отношения между входящими в их состав обязательными элементами, как правило, подпадают под другую синтаксическую модель - S[VCo]p. Возможно, прежде всего этим объясняется значительная разница в частотности употребления простых предложений с адвербиальными и объектными исполнителями в рамках одного высказывания: в РЯ в четыре, а в УЯ - в три раза такие высказывания в художественной прозе встретились реже, чем в АЯ. Только отдельные высказывания модели S[VCdCo]p могут рассматриваться как синтаксические аналоги английских предложений типа *He switched on the light*, например:

(10) *Белые оставили после себя опустошенный город* (Паустовский)

→ Город был опустошенным, после того как белые его покинули.
 (11) Вони зводять нанівець усяку **спробу** доброго ладу й законності.
 (Капельгородський.48)

→ Вони діють так, що усяка спроба доброго ладу і законності стає безплідною.

Трансформационные преобразования свидетельствуют о том, что в таких высказываниях адвербиальные восполнители, как и в АЯ, уточняют семантику лично-глагольного конституента сказуемого, сообщая ему дополнительную характеристику, отсутствующую в семантическом объеме самого глагола: *оставить после себя* =, (в данном случае) опустошить, а не просто оставить, покинуть; *зводити нанівець* = зробити безплідним, а не зводити (стосунки, будівлю), сватати.

Выполняют ли в подобных случаях обстоятельственные восполнители ту или иную семантическую/смысловую роль, как это понимается в семантическом синтаксисе? В высказываниях в АЯ - вряд ли: обычно ни наречия, ни послелоги не рассматриваются как Аргументы. Как показано, Аргументами выступают субстанции-компоненты, т.е., активные участники, процессов отношений; а обстоятельственные восполнители в рассмотренных выше высказываниях непосредственными участниками процессов-отношений не являются. С точки же зрения референциального синтаксиса обстоятельственный восполнитель в линейной модели **S[V_{Cd}Co]_p** в приведенных выше и им подобных примерах УЯ и РЯ указывает на причину, как в (11), или на результат (12) изменения состояния субстанции-дополнения вследствие воздействия на нее субстанции-подлежащего.

В ряде предложений подлежащие с аналогичными вышеназванным морфологическими характеристиками (имена существительные нарицательные одушевленные или соответствующие им местоимения) обозначают субстанции, воспринимающие некие проявления субстанции-дополнений - тогда они сочетаются с глаголами, соотносимыми с изменениями состояний или с состояниями. Данные предикаты выражают лексические смыслы "обнаруживать (что где)" или "относиться (как к чему/кому)". Многие из них употреблены в переносных смыслах, метафорически, или в рамках устойчивых идиоматических выражений.

АЯ - 12.4 % — *take smth seiously/ easy/for granted*

УЯ - 14.3 % — *застати, жити в згоді, сприйняти за, бути до мислі*
 (=подобатись), *повиснути поглядом* (=задивитись на...)

РЯ - 14.6 % — *находить, увидетъ, отнести(к разряду чудачеств)*
 (14) Луїджі Грімі застав Ібрагіма коло дзеркал (П.Загребельний, 16)

(15) Он не находил в себе никаких следов былых переживаний (Д. Гринин, 58)

Согласно точке зрения Р. Палмера Аргумент-подлежащее при глаголе, выражающем чувственное восприятие, выступает в роли воспринимающей, а не действующей субстанции и его семантическая роль определяется как *Perceiver/ Experiencer* [11;8]. Однако в анализируемых высказываниях глаголы “увидеть”, “застать”, “найти” обозначают не только восприятие, но и целенаправленное действие-поиск, поэтому роль Аргумента-подлежащего также должна определяться как двойственная: одновременно Агенса+Персивера. Дополнение в (15) по отношению к подлежащему выступает как Пациент; одновременно, вместе с адвербиальным восполнителем оно образует усеченную вторичную структуру предикации, в которой адвербиальный восполнитель употреблен абсолютно, что может быть подтверждено трансформцией:

(14т) → *Коли Луїджі Гріті, шукаючи Ібрагіма, зайшов до кімнати, то побачив, що той був біля дзеркал.*

Аналогично обстоятельственный восполнитель “в себе” (16) употреблен абсолютно как часть вторичного сказуемого в рамках вторичной структуры предикации “следы в себе”:

(15т) → *Он искал, но обнаружил, что в нем нет никаких следов былых переживаний.*

Для сравнения, в АЯ в подобных синтаксических построениях глагол “find” (употребленный в смысле “think, consider” - умственная деятельность), как и глагол “see” в качестве глагола чувственного восприятия вводят сложное дополнение, т.е., структуру вторичной предикации, в которой глагол “to be” в неличной форме почти всегда опускается и его восполнитель - глагольный, субъектный или адвербиальный - употреблен абсолютно:

(16) *She found his thrift rather an engaging trait (S. Maugham. 35)*

(16т) → *She thought/considered that his thrift was rather an engaging trait.*
восполнитель, следующий за дополнением, в таких предложениях традиционно признается объектным предикативом.

Таким образом, обстоятельственные восполнители в (14) и (15) выполняют семантическую роль Локатива, как и восполнители в модели *S[VCd]p*, а сами высказывания реализуют семантико-ролевую модель.

Агенса/Персивера + Предикат +(Пациента/Причина+Локатив). Соответствующие им предложения соотносятся с двойственными процессами-отношениями-действиями/изменениями состояния отношений между субстанциями подлежащим и дополнением (восприятие) + не-отношение-состояние субстанции-дополнения.

Рассмотрим еще группу примеров типичных употреблений предложений с двумя восполнителями - обстоятельственным и объектным:

(17) *He takes everything seriously (A.Christie, 17)*

→ He takes it that everything may be important

(18) *Цілковита правдивість і одвертість юнака була йому до мислі. (Капельгородський, 48)*

Правдивість і одвертість юнака подобалась йому

(19) *Уж он тебя в обиду не даст (В.Каверин, 49)*

→ Он не позволит, чтобы (тебя обидели →) ты был обижен кем-либо.

Сказуемые в (17), (18) и (19) представляют собой устойчивые полусвободные словосочетания, только один элемент которого - объектный восполнитель - допускает возможность лексико-грамматического варьирования. Обстоятельственный восполнитель "до мислі" (18) конкретизирует отношения между субстанциями подлежащим и дополнением в соответствующем предложении, уточняя семантику глагола, но своей отдельной смысловой роли не выполняет и Аргументом не является, само предложение уподобляется высказываниям модели $S[VCo]p$ (SVO). Обстоятельственные восполнители "seriously" (17) и "в обиду" (19), если рассматривать их не в отрыве от связанных с ними дополнений - объектных восполнителей, : *everything seriously* и "тебя в обиду", которые представляют собой перифраз структур предикации, сами являются вторичными предикатами. То есть эти и подобные им по своим синтактико-семантическим характеристикам предложения, строго говоря, следует отнести к высказываниям модели $S[V(Co Vo)]p$ (SVOcomplex). Следовательно, обстоятельственный восполнитель в любом из рассматриваемых предложений либо представлен как Аргумент и тогда выполняет смысловую роль Локатива или Пациенса/Причины (Cause), либо является составной частью семантики Предиката, - в обоих случаях он является компонентом элементарного процесса, с которым соотносится предложение. Очевидно, что обязательность этого элемента для синтаксической структуры предложения диктуется не только необходимостью соблюдения структурной целостности высказывания и определяется особенностями лексической семантики глагола, она определяется также смысловой, семантической структурой предложения. Реализуя семантико-ролевые модели

Агенса/Персивера + Предикат + Причина (17),

Причина + Предикат + Персивер (18) и

Агенса + Предикат + Пациенса (19),

такие предложения соотносятся с элементарными процессами-отношениями-состояниями (отношений между субстанциями подлежащими

и дополнением, представленных как неизменяющихся во времени) - (18), либо с двойственными процессами-отношениями-состояниями/изменениями состояний отношений между субстанцией-подлежащим и процессом-неотношением, представленным как субстанция-дополнение - (18), (19).

Как видим, семантико-ролевой анализ высказываний уточняет, конкретизирует особенности процесса и его конститuentов, и, как свидетельствует предварительный обзор, до некоторой степени может помочь в объяснении причин линейной организации элементов в предложении. Однако насколько велика взаимозависимость между распределением семантических ролей в рамках высказывания, выражаемым высказыванием референтным содержанием и линейной организацией высказывания, покажут дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Либеа Е.И. Семантическая обусловленность порядка слов в прозаической и поэтической речи // Филол. науки, 1980. - № 5. - С. 84-92
2. Морозова И.Б. Грамматическая структура и семантика простого предложения и его конститuentов: Дис. ... канд. Филол. наук. - Одесса, 1984. - 160 с.
3. Образцова Е.М. Относительная позиция членов простого двусоставного неэллиптированного предложения в современном английском языке: Дис. канд. филол. наук. - Одесса, 1987. - 167 с, Приложение - 67 с.
4. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура. - М.: Международные отношения, 1976. - 264 с.
5. Шевякова В.Е. Современный английский язык: порядок слов, актуальное членение, интонация. - М.: Наука, 1980. - 380 с.
6. Bolinger D. Forms of English. Accent, Morpheme, Order. - Cambridge-Massachusetts: Harvard University Press, 1965. - VIII, 334 p
7. Bolinger D. Meaning and Form. - L.-N.Y.: Longman, 1977. - 212 p
8. Danesh Fr. A Three-level Approach to Syntax // Travaux Linguistique de Prague. - 1964. - Vol. 1. - P 225-235.
9. Firbas J. From Comparative Word-Order Studies (Thoughts of V. Mathesius' Conception of WOrd-Order System in English Compared with that of Chzech). // Brno Studies in English. - Vol. 5, - No 93. - P 111-128
10. Mathesius V. A Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis. - The Hague-Paris-Mouton-Prague, Academia, 1975. - 228p.
11. Palmer Frank Robert Grammatical Roles and Relations. -Cambridge University Press. - 1994. - 349p

GRAMMATICAL STATUS OF THE NOUN AND THE VERB IN MODERN ENGLISH

Sazykina T.P. (Odessa)

The problem of the parts of speech in general, and the parts of speech in the English language in particular, has been dealt with for many centuries. Nevertheless, there's still no concern on the fundamental issues of the definitions of the parts of speech, the main criteria of their limitation, their homonymy, etc. Traditional system of the parts of speech has been criticized by many linguists. M.I.Steblin-Kamensky, for instance, called our traditional notions concerning this problem obsolete (8:57).

One of the trends in the parts of speech classification is based on the following principle: lexical meaning of the words is the general basis for the purely semantic classification (9:62). Another point of view is that the parts of speech are classified only by their general categorial meaning which differs from the lexical one (for instance, the meaning of the substantivity for nouns, the attributivity for adjectives, etc.) (1:155). Many scientists define parts of speech as a lexico-grammatical group of words, united by their lexical meaning, formal signs and syntactic functions (7: 100-104; 1:156-157; 13:29). There also exist other principles of classification of the parts of speech: semantico-syntactic, formal ones, etc. Thus, we see that disputable is not only the problem of the basic principles for distinguishing parts of speech in English, but also the problem of the availability of such principles.

Processes of material world, viewed philosophically, represent particular cases of moving matter as the unities of substances which change in time, and relations between them. Processes also present dialectical unities of substances and changes in time within them, as well as changes in the relations between them. The Philosophical dictionary gives the following definition of the term "substance": "объективная реальность, рассматриваемая со стороны её внутреннего единства; материя в аспекте всех форм её движения" (11:660). A person thinks about his environment and about himself as a part of this environment, and because of that, when he expresses his thoughts linguistically, his speech reflects, to some extent, specific aspects of material world. Thus, every lexeme, every language unit has a referential meaning of its own. Properties, qualities (essential properties), indications and relations between substances are material and objective but their existence is caused by the existence of the substances themselves (10:39-40).

Many linguists have come to the conclusion that the essential feature of any part of speech is not direct representation of some definite aspect of material

world (substance, property, relationship, process), but rather a specific way of such a representation. Therefore, the basic characteristics of a part of speech is not the verbal expression of the substance of any phenomenon of the real world, but the way of its representation (14:9-10; 4:25). For instance, the words "beauty", "courage" express substantivized properties; the words "friendship", "hatred" represent substantivized relations. The adjectives "equal" "simultaneous", the adverbs "friendly", "emotionally" illustrate the ability of the language to represent relations as the properties of substances (3:133-135 ; 10: 32, 51, 62).

The nouns are words which linguistically represent qualitatively specific substances. Lexically, the nouns denote notions which are either the reflection of the classes of concrete objects or they represent linguistically different abstractions from concrete objects (15:31 ; 3 : 140, 142).

Both the category of number and the category of gender are acknowledged as inherent to the English noun. But as for the opposition: "the nominative case - the genitive case", some modern linguists claim there is little limitation as for the application of this category to the inanimate objects. One of the most thorough modern practical English grammars gives the following examples of using the genitive case with inanimate nouns: *the brain's total weight, the game's history, science's influence, in freedom's name, the novel's structure, love's spirit, the machine's construction* (16: 133, 199 f.). Professor A.Smimitsky who studied this problem stated that the genitive case is principally possible for every noun (7: 125).

The English noun possesses the category of number, but as N.Matuznaya argues, this category covers about 95% of English nouns (5:63). So this category is not morphologically essential on the level of language. There are numerous examples of nouns which do not form the opposition of the category of number: *accuracy, arithmetic, bitterness, (the) British, cash, cattle, conduct, courage, darkness, fun, furniture, hurry, information, music, patience, peace, sunlight, warmth, wealth; belongings, clothes, jeans, remains, scissors, etc.*

One of the categorial structural distinctions of the noun lies in its word-building system, namely the suffixation. According to the results of the research conducted by N.Matuznaya, nouns formed by means of suffixation constitute only about 26% of all nouns enlisted among 6,000 most frequently used nouns in modern English (5:70).

Syntactic characteristics of the noun. All English nouns, as it is generally acknowledged, can combine with the prepositions, articles, possessive pronouns. Some nouns cannot combine with the indefinite article (e.g. *information, money, data, etc.*). It is also generally known that in the simple non-elliptical sentence the English noun can function as the subject, object, predicative, prepositional attribute to another noun (e.g. *director study, gala concert*).

We have found that in the syntactic construction of modification the noun functions as the head to the post-positional attribute, and the head to the modifier-adjective. In the following examples nouns-modifiers are, in their turn, modified by adjectives: *the British Council Board*, *ancient history course*, *long distance call*.

The abovesaid opens the possibility for us to conclude that on the level of language the noun is a class of words which correlates with the specified substances. In the simple non-elliptical sentence the noun functions as the subject, object, predicative, attribute to another noun. In the structure of modification the noun serves as the head with the post-positional attribute and as the head with the modifier-attribute. The essential, invariant meaning of the noun is that of substantivity of a concrete or abstract phenomenon which is expressed linguistically.

A number of linguists keep to the opinion that the existence of substances in time and the relations between substances are represented by the verb. Hence the verb is the part of speech which denotes the existence of an object in time. Linguistically the verb represents phenomena of the world in the form of processes. Many linguists tried to define the verb as the part of speech which expresses actions, states and relations (2:71; 20: 177; 18: 12). Under the term "state" the New Webster's Dictionary understands "a mode or form of being" (15). Grammatical status of the English verb is usually defined as the part of speech possessing morphological forms (3rd person singular), participles (present and past), past tenses (12:58). Semantically the verb is mainly defined as the part of speech which is used to express actions; actions and states; processes; the predicative component of the simple sentence (7: 245; 6: 582).

The absence of the scientifically grounded definitions of the notions "action", "state", "process", "changes of the state", etc. leads to the numerous controversies or scientifically inadequate statements. For example, the academical edition of the "Russian grammar" explains the term "verb" as a part of speech which denotes the process, and adds, "When defining the meaning of the verb as a part of speech, the notions "process" and "action" may be used. In this case the notion "action" is treated in grammatically generalized sense (in contrast to the concrete content of the notion "action" in which the opposition between the active action and the passive state is meant) (6:582).

To our viewpoint, the notions "action", "process", "state" may be analysed on the ground of the basic philosophical categories. "The world is moving matter in its infinitely various forms and manifestations with all its properties, causations and relations" (11: 354). Philosophy treats motion as changes in general (11: 563). Thus, on the one hand, the world is a sum of processes, and on the other hand, the world is a moving matter, i.e. a matter changing in time.

This results in the idea that the sum of processes is moving matter, and a process taken separately is a particular case of moving matter. The matter exists in motion, in changes, therefore any process is a dialectical unity of the following components: some particle of the matter, a "substance", and the changes which this substance undergoes in time. For instance, in the sentence *The wound was healing* (M. Harper) *the wound* corresponds to the definite substance (a particle of matter, "субстанція"), *was healing* — to the changes of this substance in time. The whole sentence presents a concrete simple process. From here it follows that the verb taken by itself, separately, does not express a process. The verb only participates in the expression of a process.

The state is the way of existence of a substance which is determined with some circumstances - both external and internal ones (19). Due to the fact that any thing undergoes continuous changes in time, the notion "process" may be defined as a continuous sequence of the thing's states changing in time. The term "state" may be consequently defined as the process taken at a definite moment of time, as the process which is viewed as a means of the existence of substances.

Our analysis of speech utterances shows that, from the point of view of philosophy, any state refers to the moment of speech, the man refers the state not only to that definite moment, but also to any space of time ad infinitum. For example:

The boy was at the moment in the state of high nervous tension (A.Christie).

"You operated for five days in a state of exhaustion, with little or no sleep" (R.Ludlum).

All rivers flow to the sea (J.Hanson) —> *All rivers flow to the sea continuously*.

"Everything changes" (J. Higgins) —> *Everything changes eternally*.

The abovesaid may lead to the conclusion that the world is a sum of substances and relations between substances which are changing in time. Changes have reasons of their own. In physics, the cause of changes of states is called the force. Dictionaries define the term "action" as the manifestation of the expenditure of energy or force (17), as "the process of doing, acting" (19). The following sentence gives an example of an action: *The boys were fighting* (D.Lessing). Here *the boys* correspond to definite substances, *were fighting* points to the specific existence of the boys in time. The whole sentence, therefore, correlates with a concrete elementary process; if, when analysing this process, we direct our attention to the manifestation of the force, we understand this process as the action. From here it follows that the action may be defined as the process if, when analysing the sentence we pay attention to the manifestation of the force, to the energy expenditure, to the cause of the

change (e.g. "You frightened me"), or to the cause of energy preservation (e.g. *The sun attracts the earth*). Being a process, any action or state expressed through speech necessarily presupposes the existence of a two-component structure, the constituents of which refer to some substance and to the specific existence of this substance in time. It is impossible to express an action in speech without the substance component (expressed explicitly or implicitly).

Now let us return to the sentence *The wound was healing* and analyse it from a different angle. The whole sentence reflects the state which is changing in time. This change presents a sequence of state 1, state 2, ..., state *n*. Thus, the state in the given example is changing, dynamic. On the other hand, the state can be static, compare: *The books were lying on the floor* (R. Stout). *tic*. From these two examples it follows that the state may be both dynamic and static.

Conceptually every action may be also analysed as a state. Returning to the sentence *The boys were fighting*, we may now pay attention to the manifestation of the force, to the energy expenditure. So, the process expressed in the sentence is understood as the action. But if we direct our attention to the way these boys exist in time (the fighting boys are boys, and the non-fighting boys are the same boys), we understand the process expressed in the given sentence as the state. Nevertheless, not every process-state can at the same time be simultaneously the process-action, e.g.: *The books were lying on the floor*. This sentence reflects only the process-state.

The problematic verbs like *to lie*, *to sleep*, etc. viewed separately express neither actions nor states. The sentences in which they are used correspond to the processes-states, as the meaning of these sentences does not suppose any manifestation of the force or energy, or the cause of preservation or change of the state, e.g.: *The books were lying on the floor*. *She was sleeping*. Let us analyse the sentence *It will freeze* (*it* - the water). Traditionally it is classified as neither active nor stative, but we may notice here the expression of the change of the state. On these grounds we claim that this sentence expresses a dynamic state.

Professor A. Smirnitsky defines the notion of the verb as the "process" and acknowledges this verbal meaning in the sentence *He bought a book*. But at the same time he denies this meaning for the verb in the sentence *He has a book*. His argument is that the verb *to have* does not point to any real process. According to our analysis, *he* correlates with some substance, *a book* — with the other substance, *has* points to the existence in time of the substance *he*, which in its turn is in specific relations with the substance *book*. This assumption is true with respect to the second sentence, and as for the grammatical semantics, *has* is equal to *bought*, so this is true referring to the first sentence. As sentence-

components, both *bought* and *has* express no processes, though they participate in the expression of the processes by the corresponding sentences.

Actions and states are subclasses of processes. The process consists of two components: the substance, and its specific existence in time. In the English language, sentences necessarily have two corresponding components to express processes, so if we take the so-called action-nouns (e.g. *action*, *movement*, *flight*, *walk*, etc.), they are only signs, names for the explicitly supposed processes. Compare:

To action! —> *(You) act!* —> *(You) do the action.*

The flight started —> *(The plane) began to fly.*

As for the verbs *to have*, *to belong*, *to resemble*, etc. which are traditionally considered as expressing neither actions nor states, they really do so because they function as the components of the sentences which express the state.

On the level of language, semantics of a language unit is called its general meaning which does not depend on the functioning of this language unit in speech. It is the invariant, essential, repeated meaning of a language unit. As philosophy explains, the process of cognition goes from the analysis of single facts to the revelation of something special in them, and then to the discovery of the general sense of a phenomenon (11:183). Guided by this postulate, we aim to discover the grammatical meaning of the verb as a part of speech. For this purpose we have analysed its functioning in the most typical syntactic models of a simple non-elliptical sentence (with personal verbs only).

Sentence and its model

1. The wind was rising.
S + Pv
2. The wind was cold.
S + P(v + prv)
3. Winnie liked children.
S + P(v + o)
4. I was eating a sandwich.
S + P (v + o)
5. He lives in London.
S + P (v + cd)
6. Snow began to fall.
S + P (v + cv)
7. She put the glass on the table.
S + Pv + (co + cd)

Grammatical meaning of the verb

- Existence in time of the substance as it is specifically changing.
- Existence in time of the substance which has some quality.
- Existence in time of the substance which is in some static relation to the other substance-object.
- Existence in time of the substance which is in some dynamic relation to the other substance-object.
- Existence in time of the substance which is in circumstantial relation to the other substance.
- Existence in time of the substance which is in the initial stage of the process of its falling.
- Existence in time of the substance which is in a specific dynamic relation to the objective and circumstantial substances.

Where: S — subject; P — predicate; v — a verb of the simple predicate or a component of the complex predicate; prv — predicative; O — object; Cd — adverbial component of the predicate group; Cv — subordinate verbal component of the predicate group.

It is possible to conclude that the grammatical meaning of the personal verb is indication to the existence of substances in time. The existence in time is determined either by the lexical meaning of the verb (Pv in the simple predicate), or by the meaning of the structure of complementation in which the verb is used. On the level of language the verb presents substances (explicit or implicit ones) as existing in time. The verb possesses definite tense forms and functions in the sentence either as a simple predicate (Pv), or/and as an independent constituent (Vc) of the syntactic structure of complementation (Vc + C).

LITERATURE

1. Головин Б.Н. Введение в языкознание. — М.: Высшая школа, 1973. — 320 с.
2. Каушанская В.Л. и др. Грамматика английского языка. — Киев : Вища школа, 1997. — Ч.1 — 214 с., ч.2 — 200 с.
3. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1972 — 216 с.
4. Корсаков А.А. Лексическое и грамматическое содержание и употребление глагола to have в английском языке. — Дис. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1979. — 273 с.
5. Матузная Н.А. Грамматическое содержание и классификация имен существительных в современном английском языке. — Дис. ... канд. филол. наук. — Одесса, 1990. — 200 с.
6. Русская грамматика. Том 1. — Изд-во АН СССР, 1980. — 783 с.
7. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. — М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1959. — 440 с.
8. Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. — 139 с.
9. Суник О.П. Общая теория частей речи. — М.- Л.: Наука, 1966. — 131 с.
10. Уемов А.И. Вещи, свойства и отношения. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — 184 с.
11. Философский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 837 с.
12. Dinneen F.P. An Introduction to General Linguistics. — New York: Holt, 1967. — 452 p.
13. Francis W.N. The Structure of American English. — New York: The Ronald Press Co., 1958. — 614 p.
14. Gardiner A.N. The Theory of Speech and Language — Oxford : Clarendon Press, 1951. — 33 p.
15. New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English Language. — Danbury: Lexicon Publications, Inc., 1993. — 1216 p.
16. Quirk R., Greenbaum. A University Grammar of English. — London: Longman, 1972. — 482 p.
17. The Random House Dictionary of the English Language. — New York : Random House, 1973. — 2059 p.
18. Shaw H. Handbook of English. — New York : McGraw - Hill Book Co., 1969. — 598 p.
19. Webster's Seventh New Collegiate Dictionary. — Springfield, Mass. : Merriam, 1983. — 1221 p.
20. Weston W.J. Manual of Good English. — London: George Newness Ltd., 1955. — 318 p.

AORISTISCHE FUNKTION DES PERFEKTS IM MODERNEN DEUTSCH

Krivenko V.P. (Charkiw)

In vielen Werken der deutschen Grammatiker kann nach wie vor die aktionale Deutung der perfektiven Zeitformen verfolgt werden. So meint H. Brinkmann, daß die Vorgänge der Vergangenheit vom Perfekt nur als Ganzes ohne temporale Ausdehnung, im besten Fall als Resultat umfaßt werden können (1: 339). Es wird also nicht der temporale Inhalt des Verbs im Perfekt realisiert, sondern die Vollendung festgelegt.

Im Zusammenhang damit entsteht die Notwendigkeit, sich darüber Klarheit zu verschaffen, was für eine Zeitform das ist, die die Vorgänge der Vergangenheit als Ganzes ohne temporale Ausdehnung umfaßt. Solch eine Charakteristik der perfektiven Zeitformen ist der Charakteristik des indoeuropäischen und urgermanischen Aoristes sehr nah. In der deutschen Sprache der Gegenwart fehlt diese Zeitform, aber es kann bei einigen Zeitformen, nämlich beim Perfekt und Präterit, die sogenannte aoristische Funktion ausgesondert werden.

Was verstehen wir unter dem Begriff „Aorist“ und „aoristische Funktion“ in bezug auf die deutsche und slawische Sprachen? In der altgriechischen Sprache ist die Hauptbedeutung des Aoristes die Bedeutung der Ganzheit der Handlung (Anfang, Mitte und Ende der Handlung zusammen), die, zwischen ihrem Anfang und Ende geklemmt, in neutralen Kontexten als eine punktuelle Handlung aufgenommen wird. In bezug auf sein System der „Zeitart“ schreibt Curtius dem Aorist die ingressive Bedeutung zu. Er charakterisiert den Aorist als das Tempus, das anfangsbegrenzt ist (2: 180). Da der Aorist in vielen Sprachen fehlt, so wird seine Bedeutung durch die Zusammensetzung der verbalen Stämme und der Präpositionen mit Anfangsbedeutung ausgedrückt. In der lateinischen Sprache begann das Perfektum die Rolle des Aoristes zu erfüllen, und daraus können die Folgerungen gezogen werden, daß die Bedeutung des Aoristes und die perfektive Bedeutung sehr nahe liegen. (3: 177).

A. A. Potebnja scheint das Wesen des Aoristes sehr richtig bestimmt zu haben. Seiner Meinung nach „bedeutet der Aorist selbst in der altrussischen Sprache, unabhängig vom Einfluß der Präpositionen nicht den perfektiven Aspekt, nicht die Vollendung, sondern, daß die Handlung als ein Moment aufgefaßt wird, unabhängig davon, wie lange er in der Wirklichkeit vor sich geht. Darin stimmen der slawische und der griechische Aorist überein, der bedeutet, daß der Gedanke nur durch ein vergangenes Geschehen gleitet, ohne stehenzubleiben, und der unvollendeten Vergangenheit gegenübergestellt wird

als der darstellenden, beschreibenden Zeitform“ (4: 193). Demzufolge kann der Aorist als erzählendes Tempus charakterisiert werden. Der Aorist rückt die Erzählung vor, er sagt, was danach geschah, das Imperfektum dagegen erörtert die Bedingungen, die zu dieser Zeit vorhanden waren, beschreibt sie einigermaßen umständlich. Einerseits geht es um die Dynamik, andererseits um die Statik, die Unbeweglichkeit.

Der Autor einer lateinischen Grammatik formuliert kurz diesen Gedanken folgenderweise: „Perfektum procedit, imperfektum insistit oratio“ (5: 321-322).

In der gegenwärtigen bulgarischen Sprache bezeichnet der Aorist die Handlung, die vor dem Redemoment geschehen war. Die Handlung, die durch den Aorist ausgedrückt wird, wird als eine Tatsache, als ein vollendetes Ereignis dargestellt. Der Verlauf der Handlung, die Dauer sind dem bulgarischen Aorist nicht eigen, das ist ein erzählendes Tempus.

V. Winogradow meinte, daß „der älteste Aorist das vergangene Geschehen als eine Tatsache bezeichnete, unabhängig davon, wie sie zum Ausdruck kommt, d.h. unabhängig von aspektuellen Bedeutungen, aber später bekam er die Bedeutung des resultativen Aspektes“ (6: 444).

In der modernen ukrainischen Sprache gibt es Vergangenheitsformen des vollendeten Aspekts, die die Handlungen bezeichnen, die in einer bestimmten Zeitperiode vor dem Redemoment geschahen. Die Bedeutungen dieser Zeitformen werden „aoristische Bedeutungen“ genannt. Zum Beispiel: „*Полюбила чорнобрива козака дівчина, Полюбила не спинула, Пішов та й загинув.*“ (Schewtschenko) (7: 376).

Wie aus der Analyse dieses geheimnisvollen indoeuropäischen Aoristes zu ershen ist, wird ihm entweder die Bezeichnung der Handlung als einer Tatsache, die Bedeutung einer punktuellen Handlung, die als der resultative Aspekt aufgefaßt wird, zugeschrieben, oder er wird als ein erzählendes Tempus begriffen, das die Handlung voranrückt, was bei der Charakteristik einiger Zeitformen im modernen Deutsch sehr wichtig ist.

In erster Linie betrifft das das Perfekt, das bedeutet, daß die Handlung vor dem Redemoment zu Ende ist und deren Resultat sich auf die Gegenwart auswirkt. „*Es hat geschneit*“, *ruft der Junge, der früh am Fenster in der Nacht gefallenen Schnee erblickt* (= *der Schnee liegt auf der Erde*) (8: 763). Dieses durch das Perfekt ausgedrückte Geschehen wird als eine Tatsache, als ein Resultat aufgefaßt und ist dadurch mit dem indoeuropäischen Aorist in einer seiner Funktionen vergleichbar.

Das Perfekt kann auch für die Bezeichnung längst vergangener Ereignisse gebraucht werden, genau so wie der Aorist für die Bezeichnung der Handlungen, die in einer Zeitperiode vor dem Redemoment geschahen: „*Kolumbus hat Amerika entdeckt*“. Die Vollendung kann sich gänzlich auf

die präteritale Ebene beziehen, ohne jeden Kontakt mit der Gegenwart: „Es war gut, daß wir uns getroffen haben“ (statt: hatten). Man kann also zum Schluß kommen, daß das gegenwärtige deutsche Perfekt in vielen Fällen als der südslawische (bulgarische) und der ukrainische Aorist funktioniert. Allem Anschein nach ist die gemeinsame Grundlage für diese Zeitformen im Deutschen, Ukrainischen und im Bulgarischen der indoeuropäische Aorist. Es muß aber in Betracht gezogen werden, welche Vollendung gemeint wird, wenn man von der Vollendung der Handlung spricht. In der deutschen Sprache ist das eine temporale Vollendung, in der ukrainischen Sprache aber geht es um die aktionale Vollendung, d.h. um den vollendeten Aspekt. Jedoch kommen die deutsche perfektive Aktionsart und der ukrainische vollendete Aspekt bei bestimmten Bedingungen sehr nahe. Das Untersuchen und Feststellen dieser Bedingungen ist aber eine Abzweigung der vorliegenden Untersuchung.

Und noch eine Besonderheit des indoeuropäischen Aoristes, die Handlung voranzurücken, wirkt sich auf den Gebrauch der deutschen Zeitformen aus. In erster Linie geht es dabei um die Beschreibung und die Erzählung. Erzählt und geschildert wird gewöhnlich im Präterit, aber auch das Perfekt kann als die erzählende Form (d.h. als Aorist) gebraucht werden: „Nun hat sich ein Konsortium gebildet, eine deutsche Firma hat Anatol angeboten, eine elektrische Straßenbahn auf Kredit zu bauen.“ (B. Kellermann). Die erzählende Funktion des Perfekts und des Präterits kann die aoristische Funktion genannt werden. Der ukrainische Aorist kann ins Deutsche durch das aoristische Perfekt und Präterit (öfter durch das aoristische Präterit) übersetzt werden:

Не слухала Катерина
 Ні батька, ні неньки,
 полюбила москалика,
 як знало серденько.
 Полюбила молодого,
 в садочок ходила,
 поки себе, свою долю
 там занастила.

(Т. Шевченко)

Taub blieb Katerina, folgte
 Mutter nicht, noch Vater,
 Liebte, wie's das Herz ihr eingab,
 Liebt' einen Soldaten.
 Stand im Garten mit dem Liebsten
 In der Abendstunde,
 Richtete ihr junges Leben
 Und sich selbst zugrunde.

(T. Schewtschenko)

Also können die Funktionen des Perfekts im modernen Deutsch gut verstanden werden, wenn man die Funktionen des indoeuropäischen Aoristes eingehend studiert und wenn man das deutsche Perfekt mit dem slawischen Aorist vergleicht.

ЛІТЕРАТУРА

1. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1971. – 939 S. 2. Curtius G. Erläuterungen zu meiner griechischen

Schulgrammatik. – Prag: Verlag von F. Tempski, 1970. – 224 S. 3. Herbig G. Aktionsart und Zeitstufe. – In: Indogermanische Forschungen, 1896, Bd. 6., Hf. 3-4, S. 157-269. 4. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: т. 4, вып. 2. Глагол. – Москва.: Просвещение, 1977. – 406 с. 5. Есперсен О. Философия грамматики. – Москва.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 404 с. 6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – Москва.: Высшая школа, 1972. – 614 с. 7. Сучасна українська літературна мова. Морфологія (За загальною редакцією акад. АН УРСР І.К. Білодіда). – Київ: Наук. думка, 1969. – 583 с. 8. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, 3. Aufl., Bd. 4. – Mannheim / Wien/ Zürich: Bibliographisches Institut, Dudenverlag, 1973. – 763 S.